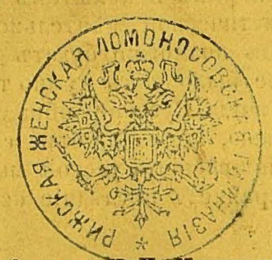
РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

2.



Стр.

1. Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Персидская война. Лѣто 1826 года. (Въ Караклисѣ.—Успѣхи Персіянъ. — Князь Севарземидзевъ.— Имеретинъ Елизбаръ. — Приказъ Ермолова. — Лазутчикъ Авакъ.— Оставленіе Караклиса.—Походъ въ горахъ.—На Безобдалѣ.—Вельяминовъ) 177
2. Персидское посольство въ Россіи въ 1829 году. Статья М. Г. Розонова по бумагамъ графа П. П. Сухтелена.......... 209
3. Дневникъ графа П. П. Сухтелена 1829 года о пребываніи Хозрева-мирзы въ Россіи.......... 240
4. Письма Кавказскаго героя Н. П. Слѣпцова къ князю А. И. Барятинскому. 1851.......... 261
5. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная А. Л. Зиссерманомъ. IV. 1857—1858 годы. (Происки Англіи.—Объѣздъ Сѣвернаго Кавказа. — Стѣсненіе Шамиля. — Покореніе Авгунскаго края.—Подвиги Евдокимова.—Взятіе Веденя.—Наступленіе въ средину Кавказа.) Въ приложеніяхъ: Письма (графа) Д. А. Милютина, переписка съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, съ военнымъ министромъ Н. О. Сухозанетомъ и княземъ А. М. Горчаковымъ, письма А. В. Головнина. 274
6. Разсказы о митрополитѣ Филаретѣ. (Сообщены протоіереемъ Силою Архангельскимъ).......... 359
7. Историко - критическія замѣтки: 1) О тиранствѣ Ивана Грознаго, 2) о смерти царевича Димитрія. Д. И. Иловайскаго 362
8. Поправка.......... 372

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1889.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

Іюль—Августъ 1826-го года *).

Персидская война.

Опишемъ теперь бѣдствіе, постигшее 2-ю мушкетерскую роту Тифлискаго полка. Ею командовалъ шт.-кап. Воронковъ, офицеръ, коего хвалили способности и расторопность.

26-го числа Іюля (1826), по извѣстію отъ капитана Переверзева, командовавшаго ротою, находившеюся въ Балыкчаѣ, что у него уже кончился провіантъ и что уже два дня люди совершенно безъ всякаго продовольствія, отправлены были на вьюкахъ сухари и артилерійскіе снаряды на Балыкчай; въ прикрытіе же къ транспорту сему назначенъ былъ Воронковъ съ ротою и Казахскій приставъ Снѣжевскій съ 400 всадниками обывательской конницы. Въ ротѣ сей состояло на лицѣ 160 человѣкъ; съ нею отправили также и инженеръ-прапорщика Хрупова съ шанцовымъ инструментомъ, чтобы онъ укрѣпилъ Балыкчайскій постъ.

27-го числа Воронковъ былъ окруженъ на привалѣ толпою непріятельской конницы. Говорятъ, что онъ былъ оплошенъ, и на привалѣ люди были всѣ раздѣвшись и даже что у ружей и часовыхъ не было. Весьма возможно, что рота сія шла въ безпорядкѣ, какъ уже зло сіе и слишкомъ вкралось въ Тифлискомъ полку (безпорядокъ сей могъ быть причиною потери, претерпѣнной сею командою); но она дралась храбро, и вѣроятно силы непріятельскія были слишкомъ несоразмѣрны нашимъ, что̀ вмѣстѣ съ другими распоряженіями Воронкова и оплошностію его погубило нашихъ.

Наши люди, увидя непріятеля, храбро бросились на онаго; конница Персидская отступала, отстрѣливаясь и наводя пѣхоту нашу на сарбазовъ, кои скоро показались въ большомъ количествѣ и не внезапно. Тутъ завязался сильный бой; у насъ уже было много раненыхъ и убитыхъ, когда Персидская конница приближалась, чтобы захватить

*) См. „Русскій Архивъ“ 1888, III, 385.

разсыпавшихся людей. Самъ Воронковъ былъ раненъ въ руку и взятъ въ плѣнъ; прапорщику Попову, находившемуся съ нимъ, отрубили голову. Хрупова же тяжело раненнаго также взяли въ плѣнъ и привели къ Гассанъ-хану, который, по причинѣ тучности его, препятствовавшей ему, по мнѣнію его, перенести дальній походъ, велѣлъ его зарѣзать, что̀ и было немедленно исполнено. Когда побили всѣхъ офицеровъ, люди продолжали еще защищаться, но выстрѣливъ всѣ патроны свои, были частью побиты, частью въ плѣнъ взяты. Изъ всего числа спаслось только 40 человѣкъ, которые укрылись въ лѣсахъ и по одиночкѣ пробирались по ночамъ въ Караклисъ; нѣкоторые изъ нихъ были ранены.

Во время дѣла Снѣжевскій не могъ понудить своихъ Казахцевъ вступить въ бой съ Персіянами: они его ослушались и остались неподвижными зрителями сего дѣла; иные только выѣхали впередъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по воздуху; когда же стали уже брать въ плѣнъ оставшихся солдатъ, тогда Снѣжевскій принужденъ былъ ускакать, и за нимъ послѣдовали всѣ Казахцы. Такимъ образомъ достались непріятелю отъ сей побѣды въ руки всѣ снаряды, два офицера и 105 рядовыхъ. О числѣ послѣднихъ я узналъ уже изъ письма Воронкова къ Севарземидзеву: письмо сіе было доставлено ко мнѣ, когда мы были уже въ Софіанѣ *), что̀ близъ Тавриза, однимъ Армяниномъ. Воронкова обвиняли въ оплошности; говорили, что онъ пошелъ не тою дорогою, которою ему приказывалъ Севарземидзевъ идти и по коей бы онъ могъ долго держаться противъ непріятеля; но говорили также, что ему отсовѣтовали идти назначенною дорогою Казахцы, которые были извѣщены о намѣреніи Персіянъ и о приготовленіяхъ ихъ, и навели Воронкова на непріятеля. Ни въ какомъ случаѣ сіе бы не могло оправдать его; но кажется, что онъ велъ себя храбро, и команда его была разбита уже послѣ того какъ его ранили, и уже офицеровъ не было. Судя однакоже по числу плѣнныхъ, взятыхъ непріятелемъ и по числу возвратившихся, замѣтно, что люди потеряли присутствіе духа послѣ потери своихъ офицеровъ: ибо 105 человѣкъ, если и исключить изъ числа ихъ нѣсколько раненыхъ, могли еще держаться противъ Персіянъ, тѣмъ болѣе, что число ихъ увеличивалось еще и тѣми, которые возвратились; но порядка уже не могло болѣе быть, и немудрено, что ихъ въ такомъ случаѣ разбили. Я видѣлъ раненыхъ, возвратившихся въ Караклисъ въ лазаретѣ, и удивился бодрости духа ихъ. Они одѣты были въ халаты; едва можно было

*) Т. е. въ 1828 году, когда писана эта часть Записокъ (очевидно по современнымъ замѣткамъ). П. Б.

признать ихъ за раненыхъ: такъ они казались свѣжи и бодры. Они были одушевлены духомъ мщенія и казались истинно героями, перенося съ необыкновеннымъ терпѣніемъ жестокія раны—отличительная черта солдатъ Тифлискаго полка.

27-го числа пріѣхалъ изъ Балыкчая прапорщикъ Туркестановъ съ Татариномъ, Казахскимъ прапорщикомъ, Абдулла-агою. Они пріѣхали съ извѣстіемъ отъ капитана Переверзева, что онъ, за неимѣніемъ провіанта, выступаетъ оттуда, оставя постъ. Туркестановъ, выѣзжая оттуда, не зналъ еще о несчастіи, постигшемъ Воронкова; но онъ проѣхалъ черезъ поле сраженія и, увидѣвъ обезглавленные трупы, первый привезъ извѣстіе о семъ пораженіи. Немедленно онъ былъ отправленъ на встрѣчу къ Переверзеву, дабы предупредить его объ опасности. Туркестановъ безпрекословно поѣхалъ съ Абдулла-агою обратно черезъ мѣста, гдѣ находился непріятель и, соединившись съ Переверзевымъ, шедшимъ обратно, прибылъ съ нимъ въ Караклисъ.

Когда Персіяне истребили команду Воронкова, тогда, желая устрашить Переверзева, они провели торжественно (въ виду Балыкчайскаго поста, который они облегали съ большими силами, но внѣ пушечнаго выстрѣла) всѣхъ плѣнныхъ, одного за другимъ. Они стрѣляли у себя въ лагерѣ, дабы возвѣстить намъ побѣду свою и радость. Войска наши, терпѣвшія уже нѣсколько дней голодъ на Балыкчаѣ, потеряли тогда надежду на подкрѣпленіе и на доставленіе къ нимъ провіанта. Переверзевъ воспользовался темнотою ночи и оплошностію Персіянъ, торжествовавшихъ побѣду свою, дабы уйти. 27-го въ ночи онъ выступилъ, а 28-го, за полдень, пришелъ въ Караклисъ, послѣ 60-ти верстнаго труднаго перехода, перевозя во многихъ мѣстахъ орудія на людяхъ (ибо дорога по сему ущелью весьма трудна). Люди его были чрезвычайно утомлены отъ голода и трудовъ, но съ прибытіемъ его миновалась опасность для Караклиса; ибо онъ привелъ до 300 челов.

Такимъ образомъ мы потеряли Балыкчайскій постъ, который закрывалъ дорогу изъ Еривани въ Казахскую дистанцію, и открыли свободное сообщеніе Персіянамъ со внутренностью нашихъ областей. Персіяне, занявъ Балыкчай, скоро однакоже отступили, и Снѣжевскій хотѣлъ опять занять постъ сей своими Татарами, но не сдѣлалъ сего.

Хотя арестованіе Татаръ, приближенныхъ къ князю Севарземидзеву и имѣвшихъ въ виду склонить его къ раздробленію силъ, дабы понемногу истреблять весь гарнизонъ Караклиса, и прибытіе Переверзева подавали намъ надежду удержаться въ случаѣ нападенія непріятеля; но силы его могли умножиться: онъ не выходилъ изъ своего лагеря, а наши сообщенія были вездѣ прерваны. Ожидая нападенія сего, я не переставалъ брать самыя дѣятельныя мѣры для обороны и

продолжалъ укрѣплять арбами и повозками Караклисъ. Между тѣмъ мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія сводного баталіона, составленнаго изъ двухъ ротъ моего *) и двухъ ротъ 41-го егерскаго полка. Ночью ущельями посылали мы предписанія маіору Кашутину, ведшему сей баталіонъ съ 4 легкими орудіями, дабы онъ поспѣшнѣе шелъ. Наконецъ до него дошли слухи о пораженіи Чавчавадзева команды на Безобдалѣ, когда онъ былъ близъ Агзебегра, Бабьяго Моста, и онъ поспѣшилъ къ намъ на помощь. Капитанъ Тифлискаго полка, командовавшій въ Гергерахъ, встревоженный симъ нападеніемъ Персіянъ, объявилъ Кашутину, что у насъ въ Караклисѣ только на три часа осталось патроновъ. Подполк. Андреевъ, опасаясь, чтобы непріятельская партія не зажгла его штабъ-квартиру, далъ даже предписаніе маіору Кашутину оставить нѣсколько пѣхоты на Джилкѣ; подобное же, кажется, требованіе поступило къ нему и отъ капитана, командовавшаго ротой въ Гергерахъ. Таковъ былъ порядокъ въ войскахъ, что всякій поселенный начальникъ непремѣнно хотѣлъ имѣть постороннія войска для охраненія и защиты своихъ. Но Кашутинъ смѣялся симъ требованіямъ и не исполнялъ ни одного изъ нихъ; напротивъ того, слѣдуя почти безъ остановки и только съ малыми привалами, онъ оставилъ у подошвы Безобдала ранцы и лишнія тяжести своего баталіона, потому что полагалъ вступить прямо въ бой и, пройдя по мѣстамъ, гдѣ онъ еще нашелъ трупы людей побитыхъ изъ команды Чавчавадзева, онъ прибылъ въ Караклисъ съ утомленными людьми въ ночи съ 28-го на 29-ое число. Я выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Люди его такъ устали, что нѣкоторые, стоя во фрунтѣ, ложились. Я ввелъ баталіонъ сей съ барабаннымъ боемъ въ Караклисъ и расположилъ оный въ колоннахъ къ южному выходу, куда на другой день вывелъ въ лагерь и роты Тифлискаго полка, слишкомъ загнѣздившіяся въ землянкахъ Караклиса.

Такимъ образомъ Караклисъ имѣлъ не только средства къ защитѣ, но даже достаточно войскъ, чтобы возстановить сообщенія наши съ Гумрами и другими обложенными постами, и чтобы въ случаѣ возможности напасть внезапно на непріятеля, разбить и преслѣдовать его: ибо у насъ было до 1,300 человѣкъ подъ ружьемъ и 11 орудій; сверхъ сего 60 казаковъ, которые содержали цѣпь по дорогѣ къ Гамзачимену. Но непріятель, освѣдомившись о приближеніи сихъ свѣжихъ войскъ къ Безобдалу, немедленно отступилъ отъ своего лагеря подъ Дарбазомъ, и передовые его пикеты показывались только со стороны Гамзачимена. Пикеты сіи небольшимъ количествомъ войскъ

*) Т. е. седьмаго карабинернаго полка. П. Б.

нападали иногда на фуражировъ нашихъ, но всегда безъ успѣха; потому что конница ихъ никогда не допускала къ себѣ близко.

Согласно волѣ корпуснаго командира, кн. Севарземидзевъ предписывалъ нѣсколько разъ Фридрихсу оставить Гумры; но изъ трехъ повелѣній онъ получилъ только послѣднее, по коему и выступилъ 31-го числа. Между тѣмъ для защиты сообщенія нашего съ Гергерами, вновь возстановленнаго прибытіемъ своднаго баталіона и отступленіемъ Персіянъ, была послана въ селеніе Кишлакъ одна рота съ 2 орудіями.

29-го числа отправлена была рота Тифлискаго полка въ Гергеры за провіантомъ и снарядами. 31-го числа транспортъ сей прибылъ въ Караклисъ подъ прикрытіемъ еще одной роты Грузинскаго гренадерскаго полка, прибывшей изъ Тифлиса съ артилерійскимъ паркомъ. Цебриковъ извѣщалъ корпуснаго командира письмами своими о случившемся.

31-го числа, около полудня, въ Кишлакѣ слышны были пушечные выстрѣлы изъ Амамлъ. Полагая, что войска, защищавшія ту деревню, были атакованы Персіянами, посланы туда ввечеру по захожденіи солнца двѣ роты моего полка съ двумя орудіями подъ командою маіора Капутина. Отправляя его, я далъ ему наставленія какъ дѣйствовать въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, и также какія ему брать предосторожности во время слѣдованія. Между тѣмъ я повторилъ ему, буде онъ найдетъ тамъ все въ порядкѣ, дать только малый отдыхъ людямъ и немедленно возвратиться. Капутинъ пришелъ въ Амамлы, не встрѣтя никого дорогою; въ Амамлахъ также все миновалось. Тревога произошла отъ того, что человѣкъ 300 Персидской конницы напали на пасшійся обывательскій скотъ и отбили часть онаго. Командовавшій въ Амамлахъ маіоръ Хомутскій, не будучи въ состояніи выдти изъ селенія, потому что онъ отправилъ уже команду на фуражировку и былъ слишкомъ слабъ, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія. Жители не рѣшились выѣхать для отбитія обратно своего скота, который такимъ образомъ и достался въ добычу непріятелю. Капутинъ, вопреки отданному мною приказанію, не возвратился по маломъ отдыхѣ изъ Амамловъ, а дождался тамъ полк. Фридрикса, шедшаго изъ Гумровъ, съ коимъ онъ и прибылъ въ Караклисъ въ ночи съ 1-го на 2-ое ч. Августа, что́ и понудило меня замѣтить ему неисполненіе его, тѣмъ болѣе что онъ отзывался, что ему велѣлъ Фридриксъ дождаться его, когда онъ не получалъ такого приказанія отъ Фридрикса.

Фридриксъ, получивъ наконецъ повелѣніе оставить Гумры, долженъ былъ исполнить волю начальства вопреки плачу и крику жителей, вопреки ропоту солдатъ, лишавшихся всего своего имущества, нажитаго ими въ теченіи долговременнаго ихъ пребыванія на одномъ

мѣстѣ, вопреки и всеобщаго понятія начальниковъ на сей линіи, находившихъ очищеніе Гумровъ мѣрою самою неблагоразумною по причинамъ мною выше изложеннымъ.

Въ Гумрахъ было отдѣленіе артилерійскаго гарнизона, въ коемъ находилось до 300 пудовъ свинцу, довольное количество пороху и разныхъ другихъ снарядовъ, Персидскіе фальконеты, кажется артилерійскіе металы или распиленныя орудія и одна трехфунтовая пушка. Свинецъ достался въ руки непріятеля, а также и фальконеты; прочее что̀ могли истребили, а пушку запрягли волами и повезли (пушка сія намъ послѣ долго еще служила при отправленіяхъ малыхъ командъ). При семъ Фридриксъ былъ принужденъ доставать быковъ у жителей; ибо подполк. Дехтеревъ, который былъ настоящій хозяинъ тамъ по давнишнему его пребыванію, помышлялъ только о перевозѣ своей собственности и такъ мало о казенномъ и полковомъ имуществахъ, что онъ даже оставилъ въ Гергерахъ множество амуниціи, такъ какъ весьма много людей не служили во фронтѣ и не имѣли оной на рукахъ, и такъ какъ кромѣ сего было большое количество заручной амуниціи, отъ некомплекта людей въ разныхъ цейхгаузахъ. Множество ружей и другихъ вещей остались въ рукахъ непріятеля отъ безпечности начальниковъ, отъ недостатка въ средствахъ къ перевозу оныхъ и отъ поспѣшности, съ коею въ ночь выступили изъ Гумровъ.

Отчаяніе постигло несчастныхъ жителей Гумровъ, когда они узнали, что ихъ оставляютъ. Многіе не имѣли средствъ подняться изъ своихъ жилищъ и слѣдовать за войскомъ, и остались жертвою безчеловѣчныхъ Курдовъ, увлекшихъ ихъ въ плѣнъ; тѣ же, которые были въ состояніи слѣдовать за войскомъ, расположились съ семействами на своихъ арбахъ и отправились съ отрядомъ въ Караклисъ. Едва выступила наша пѣхота изъ Гумровъ, какъ тамъ начался грабежъ. Оставшіеся жители бросились грабить дома выѣхавшихъ и Русскихъ чиновниковъ, такъ что должно было поспѣшить послѣднимъ Русскимъ выбраться, дабы въ сей суматохѣ не сдѣлаться жертвою корыстолюбивыхъ и разъяреныхъ Гумринцевъ. Вслѣдъ за выступленіемъ нашимъ въѣхали въ Гумры Курды, находившіеся уже на готовѣ, имѣвшіе свѣдѣнія о нашемъ намѣреніи и ожидавшіе только сего, дабы принять самое дѣятельное участіе въ грабежахъ. Сіе, можетъ быть, было причиною, что они слабо преслѣдовали многочисленные обозы наши, которые тянулись съ пѣхотою въ самомъ большомъ безпорядкѣ. Кромѣ собственно-офицерскихъ повозокъ, большая нить обоза составлялась изъ обывательскихъ подводъ, на коихъ женщины и дѣти уѣзжали съ имуществомъ своимъ, съ ревомъ и плачемъ. Пѣхота едва составляла колонну; люди Тифлискаго полка шли по одиночкѣ между обозомъ и

стадами, которыя гнали съ собою, и должно сказать, что мои карабинеры только имѣли видъ войска. Имъ отдавалъ справедливость Фридриксъ, да я и самъ имѣлъ случай видѣть ихъ при вступленіи всей пѣхоты въ Караклисъ. Нѣсколько обывательскихъ подводъ были настигнуты Курдами и разграблены; болѣе сего непріятель не сдѣлалъ намъ никакого вреда, хотя и показывался въ отдаленіи на высотахъ.

Отрядъ Фридрикса, выступившій изъ Гумровъ 31-го Іюля, прибылъ въ Караклисъ въ ночи съ 1-го на 2-ое число Августа. Съ отрядомъ симъ прибылъ и Кашутинъ съ двумя ротами. Я съ вечера выѣхалъ къ идущимъ къ намъ и встрѣтилъ обывательскія роты, перемѣшанныя съ солдатами Тифлискаго полка. Все сіе тянулось по крайней мѣрѣ на разстояніи 8-ми верстъ. Скрипъ колесъ, крикъ и плачъ дѣтей и женщинъ, все наводило уныніе и скорбь. Повозки сіи заняли всю площадь, находящуюся по Кишлакскую сторону Караклиса, и не переставали тянуться всю ночь и часть слѣдующаго утра.

Фридриксъ явился ко мнѣ, и я поручилъ ему разставить роты Тифлискаго полка въ линію лагеремъ, лицомъ къ Кишлаку. Севарземидзева цѣлый день почти не было видно. Я просилъ Фридрикса остаться со мною въ полѣ, пока все придетъ, и мы легли подлѣ дороги, дабы нѣсколько отдохнуть; но заботы не позволили намъ сдѣлать сего, и мы до утра не переставали заниматься устройствомъ прибывшихъ. Мои карабинеры, стоявшіе съ маіоромъ Хомутскимъ по сей линіи, пришли уже почти на разсвѣтѣ: они были въ арьергардѣ. Особенное удовольствіе имѣлъ я свидѣться со своими людьми, и они равно казались весьма довольными свиданіемъ со мною. По крайней мѣрѣ увеличилось тогда у насъ въ Караклисѣ число регулярнаго войска, коимъ бы можно было распоряжаться; ибо, какъ я выше сказалъ, Тифлисцевъ трудно было собрать и привести въ порядокъ.

Подполк. Дехтеревъ, шедшій также съ сею колонной, успѣлъ укрыться въ то время какъ она подходила къ Караклису, и проѣхавши ночью мимо насъ невидимкой, не хотѣлъ дождаться распоряженій. Я его долго искалъ и, узнавъ наконецъ о мѣстѣ пребыванія его, пришелъ туда, разбудилъ его и требовалъ на службу; но, видя медленность его и не ожидая найти въ немъ великаго сотрудника, разбранилъ его и оставилъ въ покоѣ, чѣмъ, я полагаю, онъ остался весьма доволенъ. Я долженъ отдать справедливость Тифлискаго полка маіору Варламову, который, будучи устраненъ, какъ и всѣ штабъ-офицеры, отъ командованія баталіона, не могъ мнѣ съ начала помогать въ распоряженіяхъ моихъ; но, видя послѣ, что я требовалъ его участія, принялся за дѣло и былъ мнѣ истинно-хорошимъ помощникомъ, въ самое опасное время пребыванія моего въ Караклисѣ, исполняя съ

дѣятельностію и усердіемъ всѣ порученія, которыя я на него возлагалъ. Человѣкъ сей былъ гонимъ за сіе Севарземидзевымъ въ послѣдствіи времени.

Корпусный командиръ писалъ ко мнѣ пофранцузски, и сіе могло происходить отъ двухъ причинъ: можно было полагать, что онъ опасался, дабы бумаги сіи не попались въ руки непріятелю, ибо онъ зналъ дурное состояніе сообщеній нашихъ, и до прибытія и соединенія всѣхъ войскъ бумаги наши ходили до Гергеръ и обратно посредствомъ пѣшихъ Армянъ, пробиравшихся горами, ночью, опасаясь показаться на дорогу днемъ; съ другой стороны можно было думать, что, зная неспособность и упрямство Севарземидзева (онъ не полагалъ впрочемъ, чтобы Севарземидзевъ могъ до такой степени потерять голову, но зналъ также, что корыстолюбивые виды его могли во многомъ вредить успѣхамъ военныхъ дѣйствій), онъ надѣялся видѣть лучшее исполненіе, возлагая на меня порученности и ставя мнѣ въ обязанность заставить дѣйствовать Севарземидзева по его видамъ. Казалось бы мнѣ однако, что въ такомъ случаѣ лучше было бы смѣнить Севарземидзева, чѣмъ уронять званіе начальника, дѣйствуя на него непріятнымъ путемъ; но и въ семъ случаѣ надобно думать, что Алексѣй Петровичъ совѣстился взять столь строгія мѣры, какъ потому, чтобы не расположить кого либо противъ себя въ столь смутное для него время, такъ и для того, чтобы не противорѣчить предъ лицемъ Государя прежнимъ представленіямъ, которыя онъ, кажется, дѣлалъ о Севарземидзевѣ; да и для того, чтобы въ общемъ мнѣніи не показать непостоянство свое въ расположеніи къ человѣку, котораго онъ выставлялъ и поддерживалъ. Какъ бы то ни было, я былъ жертвою сихъ сношеній: мнѣ много обѣщали и ничего не сдѣлали. Между тѣмъ я находился въ самомъ непріятномъ положеніи дѣйствовать внушеніями на человѣка безтолковаго, слабаго и подвергшагося вліянію всѣхъ совѣтовъ, которые ему давали всякаго рода и званія люди. Князь Севарземидзевъ, не зная по-французски, не могъ знать и содержанія писемъ Алексѣя Петровича ко мнѣ; но переписка сія вселяла въ него большую недовѣрчивость ко мнѣ, хотя я и старался всячески успокоить его, не скрывая отъ него ничего, исключая тѣхъ вещей, которыя, касаясь собственно лица его, не принесли бы никакой пользы, еслибъ ему были извѣстны.

Въ письмѣ своемъ А. П. Ермоловъ показываетъ опасеніе сильнаго нападенія со стороны непріятеля и потому желалъ, чтобы мы закрылись отъ него Безобдальскими горами, что̀ показываетъ совершенное его незнаніе силъ непріятельскихъ. Бамбаки по мнѣнію его совершенно безполезны для непріятеля: сужденіе самое неправильное;

ибо кромѣ того, что̀ мы теряли, оставляя сію область, мы предоставляли Персіянамъ богатыя жатвы на поляхъ, которыя они и убрали отчасти, высылая для сего жителей изъ сосѣднихъ деревень. Мы имъ предоставили всѣ средства дѣйствовать наступательно на ту точку, которую изберутъ, ставъ сами въ оборонительное положеніе и закрывшись горами, коихъ главные проѣзды всѣ были въ рукахъ непріятеля, чѣмъ они въ послѣдствіи времени и воспользовались надлежащимъ образомъ. Но и то справедливо, что, оставя фланги на Балыкчаѣ и въ Гергерахъ, не было уже никакой надобности держать главныя силы въ Караклисѣ, и достаточно было имѣть въ Кишлакѣ наблюдательный постъ. И такъ очищеніе всей Бамбакской провинціи было послѣдствіе оставленія Гумровъ и Балыкчая.

Рота Грузинскаго гренадерскаго полка, доставившая въ Караклисъ ошибкою снаряды артилерійскіе, которые должны были оставаться въ Джелалъ-оглу, была обращена въ Тифлисъ. Съ нею отправили и плѣнныхъ 30 человѣкъ Персидскихъ купцовъ; съ нею уѣхали, кажется, и Цебриковъ съ Ермоловымъ, которыхъ отозвали изъ Караклиса.

Желая дать лучшій видъ Тифлискому полку, о коемъ никто не заботился и который въ предстоявшихъ обстоятельствахъ надобно было поставить на военную ногу, я уговорилъ князя Севарземидзева поручить командованіе онымъ по наружности Фридриксу, что̀ онъ и сдѣлалъ, и я имѣлъ вскорѣ удовольствіе видѣть, что число людей въ ротахъ удвоилось, что отдаваемыя приказанія стали выполняться, люди стали знать начальниковъ своихъ и принимать нѣкоторое устройство. Здѣсь мѣсто сказать нѣчто о Фридриксѣ: молодой человѣкъ, служившій въ гвардіи, достигшій очень рано чина полковника, не служившій ни одной кампаніи, переведенный въ армію передъ началомъ войны, кажется по неудовольствіямъ на него великаго князя Михаила Павловича, дѣятельный и, кажется, храбрый офицеръ. Я съ нимъ сблизился и имѣлъ въ немъ истинно-хорошаго помощника.

Вотъ копія съ предписанія, даннаго корпуснымъ командиромъ полковнику князю Севарземидзеву.

«Я узналъ, что ваше сіятельство изволили приказать всѣмъ тягостямъ своднаго баталіона прибыть къ Караклису. Не удивился я, что вы взяли весь пришедшій провіантъ, ибо знаю, что у васъ нѣтъ онаго; но не понимаю, для чего было завезти за Безобдалъ всѣ запасные артилерійскіе снаряды, ибо не полагаю, чтобы вы всѣ уже выстрѣлили бывшіе у васъ. При перемѣщеніи вы не будете знать что̀ съ ними дѣлать. Лучше бы, думаю, имѣть ихъ на Каменной рѣчкѣ, какъ прежде распоряжено было. Не престану подтверждать вашему сіятельству, что по оставленіи Гумровъ и соединеніи всѣхъ войскъ

нѣтъ нималой причины удерживать Бамбаки. Нельзя имѣть въ предметѣ охранять Татаръ, ибо ихъ осталось мало. Не одни у васъ живущіе измѣнили, тоже сдѣлали и во всѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ, не исключая Елисаветпольскаго округа. Нельзя также держать войско для того только, чтобы охранять живущихъ въ Караклисѣ Армянъ, которые намъ пользы никакой принести не могутъ. Перестаньте думать, что они дадутъ вамъ провіантъ и мнѣ подобныхъ увѣреній не представляйте. Жатва не иначе произведена быть можетъ, какъ подъ покровительствомъ войскъ, а у васъ нѣтъ ихъ; ибо вы не разумѣли, что ихъ разбрасывать не должно противъ непріятеля сильнаго. Провіантъ вы будете имѣть отсюда».

«Если точно оставили Персіяне Балыкчай, какъ увѣдомляетъ васъ приставъ Снѣжевскій, сего вы должны особенно остерегаться; ибо безъ сомнѣнія непріятель усилится на другихъ пунктахъ».

«Не могу забыть, что вы не умѣли во время оставить Гумры.»

«Буду чрезвычайно доволенъ, когда узнàю, что, соединивъ войска, перешли вы за Каменную рѣчку. Въ такомъ случаѣ женатая рота ваша должна быть въ старой крѣпости Лори».

«Пусть непріятель отдѣленъ будетъ Безобдаломъ, гдѣ въ концѣ Сентября дожди сдѣлаютъ дорогу для всякаго рода подвозовъ непроходимою. Вы скажете мнѣ, что будетъ у него дорога черезъ Карагачъ; но она и теперь также въ полномъ его распоряженіи, по большому количеству его конницы. Тогда не можетъ онъ засылать ее въ тылъ, что̀ теперь можетъ онъ сдѣлать когда ему угодно».

«Армяне изъ Караклиса весьма удобно могутъ скрыться въ ущелье позади ихъ лежащее, и тамъ будутъ они непреодолимы, избравъ крѣпкое мѣсто, которое и укрѣпить будетъ нетрудно и малымъ числомъ защищать удобнѣе, нежели раскинутый Караклисъ».

«Неужели нѣтъ ни одного вѣрнаго человѣка, чтобы узнать, что̀ происходитъ въ Эривани? Есть слухи, что тамъ Куртинцы по близости разорили нѣсколько деревень».

«Не можете ли написать къ Карскому пашѣ, чтобы воздержалъ подвластныхъ своихъ, дѣлающихъ разбои совокупно съ Персіянами?»

№ 229. 2-го Августа 1826. Тифлисъ.

Происшествія въ Нухѣ случившіяся мнѣ не столь извѣстны; но знаю, что бывшаго коменданта маіора Свѣховскаго преслѣдовали. Онъ однако успѣлъ спасти казенное имущество. По изгнаніи его, пріѣхалъ туда наслѣдникъ Нухинскаго ханства, кажется Гусейнъ-ханъ, который производилъ неслыханныя неистовства надъ Армянами, умерщвляя ихъ самымъ мучительнымъ образомъ. Онъ ограбилъ Армянъ и

церкви, и кромѣ того собралъ большія подати съ богатой области сей, которыя и послалъ въ Персію. Онъ долго оставался въ Нухѣ и былъ принужденъ бѣжать по приближеніи уже къ городу самаго корпуснаго командира съ отрядомъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Въ Ширванѣ бунтъ былъ въ полной мѣрѣ. Мустафа, бывшій ханъ сей области, явился туда съ войскомъ своимъ; жители напали на нашъ гарнизонъ, находившійся въ Старой Шемахѣ, и долго преслѣдовали его при отступленіи онаго; но кажется, что и въ семъ случаѣ, и отступленіе, и претерпѣнный нами уронъ, и безпорядокъ были послѣдствіемъ оплошности нашихъ начальниковъ и внезапности нападенія непріятеля: ибо войско Мустафы-хана состояло только изъ вооруженныхъ жителей, и тѣхъ не могло быть слишкомъ большое количество. Шемаха была оставлена непріятелемъ послѣ Елисаветпольскаго сраженія.

Въ Карабахѣ весь народъ также возмутился. Абасъ-мирза, вторгнувшись со всѣми силами своими въ границы наши, имѣлъ самые блистательные успѣхи. Онъ велъ до 20,000 регулярной пѣхоты, 24 орудія и многочисленную конницу, которая увеличивалась по мѣрѣ какъ онъ впередъ подавался. Извѣстія о приближеніи его давно уже были доведены до свѣдѣнія корпуснаго командира, но совершенное бездѣйствіе и страхъ объяли его и препятствовали къ принятію нужныхъ мѣръ для защиты границъ. Наконецъ, 16-го Іюля непріятель вторгся въ Карабагъ. Командиръ 42-го егерскаго полка, полковникъ Реутъ, немедленно оставилъ штабъ-квартиру свою въ Чанахчахъ и заперся въ крѣпости Шушѣ, оставивъ много пожитковъ и имущества въ Чанахчахъ, за которыми онъ однакоже еще спустя три дня посылалъ. Отрядъ Персидскихъ войскъ напалъ на батальонъ 42 егерскаго полка. Подполковникъ Назимовъ, который имъ командовалъ, имѣлъ славу храбраго человѣка; но способности офицера сего были слишкомъ ограничены, и онъ вѣрно не въ состояніи былъ бы взводомъ распорядиться, не только баталіономъ, въ коемъ было болѣе 900 человѣкъ. Онъ не рѣшился разстаться съ имуществомъ своимъ, и также всѣ офицеры и нижніе чины сего баталіона, что̀ и было причиною, что отступленіе ихъ было болѣе похоже на путешествіе вооруженныхъ людей, чѣмъ на маршъ баталіона: множество подводъ съ разною пустою поклажею обременяло ихъ; сами люди отягощены, и батальонъ сей былъ истребленъ на рѣкѣ Акарѣ, послѣ сильной перестрѣлки съ непріятелемъ. Причиною сего, говорятъ, была усталость людей; ибо день былъ жаркій и, пришедши къ водѣ, они бросились пить, не слушая голоса начальниковъ своихъ, призывавшихъ ихъ къ оборонѣ. Прочихъ взяли въ плѣнъ со всѣми офицерами. Тутъ захватили и все

что̀ съ ними везлось, и одно орудіе, также много солдатскихъ женъ и дѣтей. Самъ Назимовъ, который, говорятъ, не могъ удержать въ повиновеніи людей своихъ, видя себя уже окруженнымъ непріятелемъ, сдался въ плѣнъ. Я слышалъ, что ропотъ былъ весьма силенъ между солдатами, и что въ семъ случаѣ дурная воля ихъ, равно какъ и нераспорядительность начальниковъ, погубила все. Въ прошломъ 1827 году находился при мнѣ во время войны маіоръ Персидской службы, который тогда служилъ въ Мирандскомъ баталіонѣ сарбазовъ; онъ увѣрялъ меня, что Персіяне сами удивлялись такому успѣху, ибо у нихъ было выслано весьма мало силъ за симъ баталіономъ, и что къ нимъ присоединились вооруженные жители Карабага, отъ насъ тогда отложившіеся.

Нашихъ плѣнныхъ тогда отвели къ Аббасъ-мирзѣ, который упрекалъ Назимову, что онъ защищался, тогда какъ войска наши безпрекословно уступали ему вездѣ, что̀ онъ долженъ былъ напередъ знать и беречь людей своихъ. Говорятъ, что онъ, разсердившись на Назимова за его отвѣтъ, ударилъ его плетью по лицу; но поступокъ сей не похожъ на Аббасъ-мирзу, старавшагося великодушіемъ и ласками приманить къ себѣ людей. Онъ предлагалъ плѣннымъ офицерамъ вступить къ нему въ службу, но никто не согласился на сіе, исключая одного офицера Каспійскаго морскаго баталіона, который былъ взятъ въ Ленкоранѣ въ плѣнъ. Онъ перемѣнилъ, говорятъ, вѣру свою и отправился во внутренность Персіи. Послѣднія подробности сіи узналъ я отъ самихъ плѣнныхъ, освобожденныхъ съ прибытіемъ нашимъ въ Тавризъ. Въ кампанію сего 1828 года въ Турціи, офицеръ сей, по имени Свистунъ, былъ уже выручены и служилъ прикомандированнымъ къ Грузинскому гренадерскому полку.

Аббасъ-мирза обложилъ крѣпость Шушу, въ коей Реутъ заперся съ тысячью или болѣе человѣкъ пѣхоты. Скала на которой расположены городъ и крѣпость неприступна для войскъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой стороны находившаяся стѣна въ такомъ дурномъ состояніи, что во многихъ мѣстахъ безъ труда можно было пройти въ городъ. Провалы сіи были кое-какъ заложены камнями, бревнами и всѣмъ что̀ найти могли въ скорости. Запаснаго магазейна въ крѣпости не было, и Реутъ могъ быть приведенъ въ самое крайнее состояніе, еслибъ Елисаветпольское сраженіе не выручило его. Аббасъ-мирза, черезъ посланныхъ своихъ, уговаривалъ его нѣсколько разъ къ сдачѣ; но Реутъ старался протягивать время въ надеждѣ быть освобожденымъ, въ чемъ онъ могъ однако отчаяваться, потому что и повелѣнія корпуснаго командира, перехваченныя Аббасъ-мирзою и ему доставленныя уже симъ послѣднимъ, приказывали ему отступить; но

онъ не послушался сего и удержался. Сіе навело въ послѣдствіи времени гнѣвъ Алексѣя Петровича.

Въ Ленкоранѣ Персіяне сдѣлали также внезапное нападеніе и имѣли успѣхъ; они захватили плѣнныхъ, отбили скотъ, но главныя выгоды ими полученныя состояли въ занятіи Ленкоранской крѣпости, въ коей они нашли много снарядовъ, запасы и свои орудія, взятыя въ 1812-мъ году Котлеревскимъ. Сіе произошло, какъ кажется, отъ робости командира того баталіона подполковника Ильинскаго, который при появленіи непріятеля немедленно все оставилъ, сѣлъ на суда и уплылъ въ Баку. За сей поступокъ онъ нынѣ отданъ подъ судъ.

Таковое поведеніе начальниковъ нашихъ должно было непремѣнно возродить мысль въ непріятелѣ и въ жителяхъ нашихъ областей о намѣреніи нашемъ очистить совершенно Грузію, къ чему, по мнѣнію ихъ, побуждали насъ внутреннія безпокойства въ нѣдрахъ отечества нашего. Они становились отъ того сильнѣе, и успѣхи ихъ увеличивались до Елисаветпольскаго сраженія, перемѣнившаго совершенно ходъ дѣла.

Алексѣй Петровичъ въ письмѣ своемъ, излагая, что мы уже болѣе не имѣли во владѣніи своемъ мусульманскихъ областей, предсказываетъ скорую покорность ихъ при первомъ успѣхѣ нашемъ, что и не трудно было предвидѣть, зная духъ народовъ сихъ. Не нахожу его правымъ въ томъ, что, зная ограниченныя способности Севарземидзева (о чемъ онъ такъ явно писалъ въ концѣ письма своего), не смѣняетъ его и предпочитаетъ отдать его въ опеку младшаго его чиномъ, меня; но я выше уже изложилъ причины сей мѣры, его впрочемъ нисколько не оправдывающія въ семъ случаѣ. Въ предписаніи своемъ корпусный командиръ безщадно бранитъ Севарземидзева; но къ сожалѣнію во всемъ предписаніи не видно почти ни одной мѣры, ни одного разсужденія новаго или дѣльнаго: болѣе наборъ словъ краснорѣчиво сплетенныхъ. Употребить же время, чтобъ написать четыре страницы брани подчиненному, который долженъ одного слова повиноваться, неблагоразумно,—отъ того теряются время и уваженіе.

Предписаніе сіе было получено ночью. Я разбудилъ князя и отдалъ ему бумаги. Прочтя ихъ, онъ очень огорчился, тѣмъ болѣе, что ему дѣлали несправедливый упрекъ, будто бы онъ приказалъ завезти въ Караклисъ артилерійскіе ящики со снарядами, тогда какъ онъ, зная о скоромъ прибытіи ихъ, приказывалъ отправлявшемуся въ Джегалъ-Оглу полковнику Флиге вынуть снаряды и сложить ихъ въ одномъ изъ строеній, о чемъ дана была и письменная записка ему; но Флиге не исполнилъ сего и, напротивъ того, отправилъ ящики въ Караклисъ вѣроятно съ цѣлію, чтобъ не заняли дома въ бывшей его штабъ-

квартирѣ, въ коей онъ располагалъ, можетъ быть, еще прожить нѣсколько времени. Мнѣ жаль было видѣть огорченіе князя, уже и безъ того разстроеннаго обстоятельствами. Я старался его утѣшить и обѣщалъ объяснить дѣло сіе корпусному командиру, что̀ и исполнилъ въ слѣдующемъ письмѣ моемъ къ его высокопревосходительству.

Алексѣй Петровичъ находилъ, что непріятель не въ состояніи будетъ засылать свою конницу къ намъ въ тылъ, когда мы Лори займемъ; но опытъ доказалъ, что онъ въ семъ ошибся, и что Караклиская дорога становилась безопасна для Персіянъ не съ прибытіемъ нашимъ въ Джегалъ-Оглу, а съ оставленіемъ Гумровъ.

Къ Карскому пашѣ Севарземидзевъ нѣсколько разъ писалъ, но безъ всякой пользы. Въ Караклисѣ даже находился въ то время присланный отъ него посланецъ съ увѣреньями въ его дружбѣ; но онъ отзывался, что не можетъ унять Шерифъ-агу, ему не повиновавшагося и производившаго грабежи въ границахъ нашихъ.

Надобно было перевозить магазейны, лазареты, цейхгаузы черезъ Безобдалъ, и никого не было, кто бы на сіе далъ средствъ. Жители Караклиса знали уже о намѣреніи нашемъ оставить Бамбаки; они толпились передъ квартирою моею, ибо князь отсылалъ ихъ отъ себя за приказаніями ко мнѣ. Я находилъ, что самая большая выгода, которую мы могли получить переходомъ за Безобдалъ (сдѣлавшимся необходимымъ по настоятельности корпуснаго командира) состояла въ томъ, что мы оторвемъ Тифлискій полкъ отъ мѣстности, обратившей служащихъ въ ономъ въ званіе поселянъ, и что мы черезъ сіе пріобрѣтемъ войска, которыя въ состояніи будутъ всюду двигаться, и въ семъ полагаю, что я не ошибся. Роты, подъ распоряженіями полковника Фридрикса, стали наполняться людьми; офицеры отъ части обратились къ своимъ обязанностямъ, и полкъ сей принялъ бы нѣкоторый видъ, еслибъ князь, опомнившись за Безобдаломъ, не сталъ опять вступаться въ управленіе онымъ.

Въ письмѣ моемъ къ Алексѣю Петровичу старался я оправдать Севарземидзева. Въ случаѣ семъ онъ точно былъ правъ, и мнѣ жалко было видѣть его столь ничтожнымъ; впрочемъ сказанное мною о довѣренности, которою онъ пользовался у себя въ полку между нижними чинами, совершенно справедливо: солдаты его разумѣли непобѣдимымъ, умнымъ, великодушнымъ, любили его. Но и обращеніе ихъ съ нимъ было ни съ чѣмъ несообразно. Всякой изъ нихъ давалъ ему совѣты свои и жаловался на своихъ ротныхъ командировъ, которыхъ совсѣмъ почти не уважали, отъ чего и рушилась всякая дисциплина въ семъ полку.

Теперь предстоитъ мнѣ описать мѣры, взятыя для очищенія Караклиса. Послали офицера въ Лорійскія деревни, чтобы прислать оттуда подводы обывательскія. Ихъ перехватывали, не допуская до Караклиса, офицеры, дабы увезть самое пустое имущество свое, которое имъ жалко было бросить, видя, что полковникъ ихъ Севарземидзевъ тоже самое дѣлалъ, ибо онъ посылалъ у меня просить подводъ, на коихъ перевозилъ стулья, столы самой простой работы и всякія вещи такого рода во множествѣ. Такимъ образомъ не допускали ко мнѣ всѣхъ подводъ, высылаемыхъ въ Караклисъ, почему я принужденъ былъ уже посылать на встрѣчу къ симъ подводамъ своего офицера за заставу, который принималъ ихъ, ставилъ на площадь, окружалъ цѣпью карабинеръ и не выдавалъ никому ни одной безъ записки отъ меня. Но тутъ являлись просьбы во множествѣ, и въ томъ числѣ и отъ князя за себя и за другихъ, въ чемъ ему неловко было отказывать. Подводы отдавались, частью же были крадены съ площади. Съ вечера назначались мѣсто и часъ для сбора отправляющихся за Безобдалъ, куда приводился конвой пѣшій; но никогда почти не дѣлалось сіе предположеннымъ порядкомъ, ибо всякій уѣзжалъ или отправлялъ свое имущество по своему усмотрѣнію, и я видѣлъ подводы, нагруженныя гусьми, колесами, пуховиками, курами, и тому подобнымъ, которые по одиночкѣ уѣзжали. Непріятель былъ въ семъ случаѣ такъ оплошенъ, что ни одною изъ оныхъ не поживился. Съ подводами сими отправлялись во множествѣ и военные чины Тифлискаго полка. Я шумѣлъ, кричалъ, но мало могъ подать помощи въ неустроенномъ войскѣ семъ.

Воспользовавшись обращающимися въ Тифлисъ вольными подводами, привозившими провіантъ и частью обывательскими, я отправилъ въ одну ночь лазаретъ Тифлискаго полка. Въ семъ помогъ мнѣ маіоръ Варламовъ; князь ни во что не вступался и не мѣшалъ мнѣ. Прочія отправленія были дѣланы уже на однѣхъ обывательскихъ подводахъ, съ коимъ присоединили еще всѣ повозки, которыя можно было собрать въ женатой ротѣ на Гергерахъ. Такимъ образомъ выдалъ я по разсчету подводы на поднятіе ротныхъ цейхгаузовъ; но вмѣсто того, чтобы на нихъ увозить казенное имущество, ротные командиры и офицеры увозили свои собственные пожитки, ружья, амуницію, а прочія вещи выбрасывали на улицу, что́ и подало поводъ къ безпорядку: ибо люди, въ томъ числѣ и моего полка, даже кажется большею частью мои (потому что Тифлисцы заняты были болѣе уборкою собственности), ходя по Караклису и видя имущество всякаго рода выброшенное на улицу безъ всякаго присмотра, брали оное. Многіе вымѣняли даже дурную амуницію на хорошую, бросали старыя сумы, водоносныя фляжки и обмѣнивали на новыя, перемѣняли худыя ружья, тульи но-

выхъ киверовъ вырѣзывали на стельки и тому подобное. Отъ цейхгаузовъ пошло и далѣе. Жители также убирались; иные бросали часть имущества своего, другіе зарывали. Солдаты брали, что̀ находили на дворѣ; послѣ того стали въ землѣ отрывать; тамъ пошли на пчельники, потомъ въ огороды, наконецъ на птичій дворъ Севарземидзева, такъ что, въ теченіе самаго короткаго времени, явилось въ лагерѣ изобиліе. Пухъ ощипленныхъ гусей покрывалъ землю и леталъ надъ балаганами и въ особенности около кухонь на подобіе снѣга; въ котлахъ же варились вмѣстѣ безъ разбора баранина, яблоки, телятина, капуста, гуси, картофель, курицы, медъ, и вообще все, что̀ только можно было найти съѣстнаго. Вмѣстѣ съ изобиліемъ явилась и радость въ лагерѣ; но безпорядокъ надобно было унять, ибо нѣкоторые начали даже въ дома уже вламываться. Немедленно были взяты самыя строгія мѣры, и нѣсколько наказаній, сдѣланныхъ въ присутствіи войскъ, уняли оный. Но въ Тифлискомъ полку сіе не такъ кончилось. Фридриксъ съ трудомъ могъ довершить начатое имъ наказаніе за грабежъ въ 3-ей гренадерской ротѣ, ибо всѣ люди въ голосъ роптали и готовы были попрепятствовать сему. Князь же ни во что̀ не вступался. Съ сихъ поръ начала утверждаться вражда между моимъ полкомъ и Тифлискимъ, потому что мои патрули ловили Тифлискихъ солдатъ на грабежѣ, а ихъ патрули ловили моихъ.

Я далъ также подводъ на отправленіе полковаго цейхгауза, коего большую и лучшую часть увезли, потому что тутъ заботились о своей собственности, о происходившемъ же въ ротныхъ цейхгаузахъ князь мнѣ едва вѣрить хотѣлъ: потеря весьма значительная въ ружьяхъ и амуниціи должна бы на немъ остаться при сдачи полка. (Она впрочемъ еще не кончена, и неизвѣстно, чѣмъ кончится). Князь же во время отправленій сихъ мало или почти совсѣмъ не выходилъ. Я его засталъ около фуры, которая у него на дворѣ стояла и вѣроятно вмѣщала его казну, говорятъ, весьма не маловажную; обыкновенное же препровожденіе времени его было съ шутомъ-дуракомъ, которыхъ онъ при себѣ держалъ и которые находились при немъ безотлучно. Первый былъ Армянинъ; звали его Асатуръ, человѣкъ бойкій, умный, проворный и острый, но смѣшной наружности, болѣе потому, что его одѣвали странно. Его употребляли въ родѣ лазутчика въ деревняхъ Бамбашскихъ, болѣе, кажется, около начальниковъ, къ коимъ онъ по званію своему и по дерзости имѣлъ всегда свободный доступъ. Другой былъ Грузинъ, полоумный, отвратительный неопрятностію своею и глупостью. Люди сіи иногда и меня занимали въ свободное время. За княземъ же они всюду ѣздили.

Къ симъ двумъ особамъ присоединялся еще третій, Имеретинъ, который въ 1819-мъ году былъ маркитантомъ при одномъ изъ полковъ въ Дагестанѣ, по имени Елизбаръ. Онъ былъ замѣченъ тогда въ походѣ противъ Лезгинъ Алексѣемъ Петровичемъ, коему понравились его безкорыстіе и честность. Торгуя водкою, онъ былъ очень бѣденъ, любимъ всѣми солдатами, коимъ онъ отдавалъ всѣ барыши свои, подчивая ихъ безденежно. Онъ кромѣ того былъ, кажется, замѣченъ храбрымъ; ибо въ дѣлахъ съ Лезгинами оставлялъ свой промыслъ, на худой лошаденькѣ съ пикою въ рукахъ отправлялся впередъ и всегда находился въ самомъ жаркомъ мѣстѣ дѣла. Корпусный командиръ взялъ его тогда къ себѣ, одѣлъ его, снабдилъ лошадью и держалъ безотлучно при своей особѣ. Изъ Елизбара скоро вышелъ шутъ, коего глупыя шутки заставляли многихъ хохотать; но въ немъ справедливо уважали честность его и неустрашимость. Находясь въ походѣ на линіи, онъ получилъ Георгіевской крестъ солдатской, а въ мирное время промышлялъ лошадьми, коихъ покупалъ, продавалъ, вымѣнивалъ, заѣзживалъ, но былъ весьма бѣденъ и жилъ болѣе подаяніями знакомыхъ офицеровъ. Коль скоро онъ только услышалъ о вооруженіи Персіянъ, онъ немедленно поскакалъ въ Караклисъ, гдѣ и присталъ къ князю Севарземидзеву и, не пропущая ни одной перестрѣлки съ непріятелемъ, показывалъ изъ себя человѣка истинно-смѣлаго, но нѣсколько помѣшаннаго. Его сводили для стачки и ссоры съ тѣми двумя шутами, и игрища сіи кончались не рѣдко дракою; но онъ замѣтилъ вскорѣ намѣренія, которыя имѣли на его счетъ, боялся быть на равнѣ съ тѣми шутами и всячески отдѣлывался. Онъ убитъ въ прошломъ году подъ Ериванью, и оставилъ молодую жену лѣтъ 13-ти или еще менѣе того. Люди сіи составляли единственную забаву нашу, непозволительную въ обществѣ, но простительную въ свободныя минуты лагерной жизни.

За отправленіемъ полковаго лазарета, надобно было отправить жену Севарземидзева. Молодая женщина сія, сидѣвшая въ заперти, безпокоилась и плакала при выстрѣлахъ, которыя она почти ежедневно слышала; нѣсколько разъ посылала она тайкомъ меня спрашивать, велика ли опасность и просила, чтобъ я уговорилъ мужа отправить ее. Находя, что медленность въ отправленіи казеннаго имущества изъ Караклиса и прочаго происходила отъ того, что князь не увѣрялся еще въ возможности оставить мѣсто сіе, къ коему онъ такъ давно уже привыкъ, и желая побудить его къ скорѣйшему очищенію Караклиса (ибо на сіе была уже непремѣнная воля начальства), я уговаривалъ его отправить жену, и онъ на сіе согласился; но такъ какъ онъ, да и всѣ офицеры, полагалъ всю силу оружія нашего въ пушкахъ, какъ въ необходимомъ и неодолимомъ средствѣ, то и не хотѣлъ отправить

жену свою безъ двухъ орудій. Пѣхота, которая была мною наряжена, чтобы проводить вмѣстѣ съ княгинею транспорты съ различнымъ казеннымъ имуществомъ, была имъ поставлена съ орудіями впереди и сзади кареты, въ которой везлась княгиня; транспортъ же пущенъ былъ безъ прикрытія. Самъ онъ ѣхалъ подлѣ кареты верхомъ и проводилъ такимъ образомъ супругу свою за Кишлакъ. Онъ возвратился въ Караклисъ, и тутъ онъ сдѣлался дѣятельнѣе, сталъ выходить, показываться, заниматься и брать мѣры, дабы устроить очищеніе Караклиса, съ которою мыслію онъ уже примирился со времени отправленія жены своей.

Всего труднѣе было для меня отправить артилерійскій гарнизонный паркъ, въ коемъ было много пороху, свинцу, артилерійскаго метала, ядеръ, картечь и всякихъ снарядовъ. То, что нельзя было увезти, зарылъ я въ самомъ сараѣ, гдѣ хранился снарядъ, прочее же все вывезъ, а зарытыя вещи послѣ отрылъ и отыскалъ всѣ сполна.

Дабы избѣжать затрудненія перевозить магазейнъ, я роздалъ оставшійся въ ономъ хлѣбъ въ роты Тифлискаго полка въ счетъ десятидневнаго провіанта, котораго у нихъ не было; но не оказалось у нихъ лошадей для возки онаго, и я сформировалъ имъ провіантъ сей на обывательскихъ арбахъ; но и сіе устройство черезъ нѣсколько дней рушилось. Намѣреніе мое было, очистивъ Караклисъ отъ всѣхъ тяжестей, остаться тамъ еще нѣсколько времени съ одними войсками, дабы предпринять экспедицію противъ непріятеля, который могъ только ожидать нашего отступленія; но сіе не сбылось.

4-го числа я, при собраніи ротъ, читалъ приказъ, отданный корпуснымъ командиромъ па счетъ вторженія непріятеля, какъ вдругъ въ то самое время показались Персіяне почти у самаго Караклиса со стороны Балыкчая. Я окончилъ чтеніе и немедленно, указавъ людямъ своимъ непріятеля, повелъ ихъ. Солдаты наши, вообще военные люди, съ удовольствіемъ видятъ случай привести въ дѣйствіе ремесло свое; но тутъ особенное восхищеніе обуяло карабинерами. Одушевленные симъ приказомъ, они полетѣли за мною; но осторожный непріятель не допустилъ насъ и скрылся. Съ приказа сего прилагаю здѣсь списокъ.

26-го Іюля 1826 года, № 25.

„Недавно возвратился я съ Кавказской линіи, гдѣ наказалъ возмутившихся Чеченцовъ; но здѣсь Персіяне гораздо безсовѣстнѣе, съ большею гораздо наглостію, начали дѣлать нападенія на войска наши.

„Они прервали миръ, когда со стороны нашей всѣ употреблены были средства продолжать доброе согласіе, прервали тогда, какъ посланный отъ Государя Императора генералъ князь Меньшиковъ для переговоровъ о границѣ находился въ Персіи и самимъ шахомъ былъ принятъ благосклонно.

„Со стороны Эривани вошелъ съ войскомъ сердарь и разбойнически грабитъ и истребляетъ мирныхъ жителей, подданныхъ великаго нашего Государя, возмущаетъ другихъ и подговариваетъ къ измѣнѣ.

„Въ Карабахъ вступили войска Персидскія, и одинъ изъ сыновей шахскихъ Аббасъ-мирза, издавна дружественно принимавшій къ себѣ всѣхъ бѣжавшихъ отъ насъ хановъ и разныхъ измѣнниковъ, ведетъ ихъ съ собою, обѣщая имъ возвратить прежнія ихъ владѣнія.

Распоряженія сіи дѣлаетъ сынъ шахскій, какъ будто не было васъ здѣсь, храбрые мои товарищи! Онъ думаетъ отнять у насъ мужествомъ вашимъ покоренныя области. Не стану говорить вамъ о храбрости вашей и неустрашимости: вездѣ и постоянно оказывали вы оныя, и когда же не были таковыми воины Русскіе? Всѣ отличились вы вѣрностію Государю; но я потребую отъ васъ, самъ будучи вамъ примѣромъ, новому Государю новаго усердія. Имѣйте терпѣніе и защищайтесь съ твердостью. Я укажу вамъ, храбрые товарищи, когда нанести ударъ на враговъ нашего Императора. Увидитъ Государь труды и заслуги ваши. И доселѣ въ Кавказскомъ корпусѣ есть уже многіе щедро имъ награжденные".

Нельзя оставить приказа сего безъ разбора. Мнѣ не нравится вступленіе; оно похоже на жалобу и свидѣтельствуетъ нѣсколько о душевномъ безпокойствѣ. Въ семъ случаѣ вступленіе сіе выражало въ точности состояніе Алексѣя Петровича: ибо, какъ говорятъ, онъ очень робѣлъ, у всѣхъ спрашивалъ, выхвалялъ устройство Персидскихъ войскъ, которыя до сего времени презиралъ, окружилъ себя людьми всякаго рода, мало дѣлалъ общихъ и путныхъ распоряженій, но надѣлялъ всѣхъ записками и своими собственноручными письмами, сердился, давалъ приказанія, перемѣнялъ ихъ, словомъ много безпокоился и не показалъ нисколько твердости духа.

Во второмъ параграфѣ онъ описываетъ вѣроломство Персіянъ; оно кстати въ приказѣ къ войскамъ. Въ третьемъ онъ описываетъ весьма справедливо злодѣянія Эриванскаго сердаря. Въ четвертомъ же параграфѣ онъ отказываетъ Аббасъ-мирзѣ званіе наслѣдника престола—званіе, въ коемъ его призналъ покойный Государь, вопреки всегдашняго желанія Алексѣя Петровича не признавать его наслѣдникомъ. Выступъ сей смѣлый и долженъ былъ дѣйствовать надлежащимъ образомъ на умъ Аббасъ-мирзы, который по сему могъ судить о твердости нашей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ослѣпленъ многими успѣхами, полученными имъ въ самомъ началѣ вторженія и подавшими ему надежду на дальнѣйшія завоеванія и побѣды.

Въ пятомъ параграфѣ утѣшается корпусный командиръ присутствіемъ войскъ, льститъ имъ въ минуту опасности, уподобляя черезъ сіе обхожденіе послушныхъ и покорныхъ воиновъ нашихъ Римскимъ преторіанцамъ. Въ опасности должно болѣе показывать твердости:

симъ вселяется довѣренность въ подчиненныхъ. Неумѣстныя и преждевременныя ласки и похвалы развращаютъ нравственность солдата. Безпокойство Алексѣя Петровича ознаменовывалось во всѣхъ дѣяніяхъ, во всѣхъ словахъ его. Къ тому же онъ называетъ ихъ товарищами. Сіе потому замѣчательно, что выраженіе сіе, которое онъ употреблялъ въ первые годы прибытія своего въ Грузію, было ему замѣчено начальникомъ Главнаго Штаба по волѣ покойнаго Государя, который находилъ оное въ отношеніи къ подчиненнымъ и нижнимъ чинамъ несоотвѣтственнымъ правиламъ военной дисциплины. Онъ и не употреблялъ слова сего въ приказахъ съ тѣхъ поръ до сего случая, гдѣ онъ вѣроятно нашелъ себя въ необходимости употребить снова выраженіе сіе. Я не полагаю, чтобы оно могло вредить службѣ въ устахъ главнокомандующаго, который званіемъ своимъ столь отдаленъ отъ нижнихъ чиновъ и большей части подчиненныхъ. Оно было бы вредно, еслибъ употреблялось всѣми начальниками, и безъ сомнѣнія подражаніе сіе не могло бы принести пользы. Въ такомъ разѣ должно было воспретить употребленіе сего слова, какъ вредный примѣръ для прочихъ. Впрочемъ сіе выраженіе товарищества, которое однако обманывало многихъ въ первые года его прибытія, нынѣ не такъ уже дѣйствовало на умы, хотя любили и уважали его.

Въ послѣднихъ трехъ параграфахъ выражена самая грубая лесть Государю. Онъ безъ сомнѣнія хотѣлъ болѣе поддержать славу свою человѣка хитраго и ловкаго, чѣмъ надѣялся на пользу, которую ему принесутъ сіи слова. Лесть была слишкомъ мало изощрена, чтобы не броситься въ глаза того, къ кому она относилась. Она, какъ, можетъ быть, и многія ей подобныя, ослабила въ глазахъ Государя ту великую славу, коей Ермоловъ пользовался въ народѣ, дала непріятелямъ его надежду одолѣть нравъ сей, который полагали неодолимымъ. Они видѣли источники къ достиженію цѣлей своихъ, узнали слабости его, надежды и ничего не упустили изъ виду, чтобы его огорчить, содѣлать виновнымъ и удалить.

Корпусный командиръ весьма справедливо догадывался, что у Севарземидзева не было хорошихъ лазутчиковъ. Армяне его окружавшіе давали ему разныя извѣстія, основанныя на однихъ слухахъ, никто же не дерзалъ ѣхать въ непріятельскій лагерь, и кажется, что имъ дурно платили, тогда какъ у него были отпускаемы для сего всегда значительные суммы и подарки.

Я былъ затрудненъ извѣстіями, которыя долженъ былъ давать корпусному командиру объ очищеніи Караклиса, ибо не желалъ очернить Севарземидзева, между тѣмъ не долженъ былъ скрыть для своего оправданія, что я не могъ совершенно дѣйствовать по волѣ его.

Я склонялъ князя сдѣлать нападеніе на Гассанъ-хана, стоявшаго съ конницею на Гамзачименѣ. Онъ согласился на сіе, но ничего не предпринялъ; я находилъ сіе необходимо нужнымъ для возстановленія упадшаго въ жителяхъ духа и дабы ускромить нѣсколько дерзость Персіянъ. Я полагалъ, что послѣдствіемъ сего будетъ то, что мы не оставимъ Бамбакской долины, и что наконецъ корпусный командиръ рѣшитъ дѣйствовать наступательно и даже занять лагерь на южной покатости горъ, отдѣляющихъ насъ отъ Персіи, т. е. въ границахъ непріятельскихъ; но сіе не состоялось, какъ по обстоятельствамъ вѣроятно препятствовавшимъ ему дѣйствовать наступательно къ сторонѣ Еривани, такъ и по нерѣшительности Северземидзева.

Неизвѣстность, въ которой мы находились о движеніяхъ и намѣреніяхъ непріятеля, понудила, наконецъ, князя послать лазутчика въ лагерь Гассанъ-хана. Избранъ былъ Авакъ, старшина селенія Кишлака. Авакъ, человѣкъ расторопный, ловкій, хитрый и смѣлый; онъ прежде служилъ у Начи-хана Карапапахскаго и потому имѣлъ много связей между Персіянами. Отправившись одинъ на дурномъ конѣ и безъ оружія по дорогѣ къ Гамзачимену, онъ отдался въ плѣнъ первымъ передовымъ разъѣздамъ непріятельскимъ, съ опасностью быть убитымъ. Его отвезли къ Гассанъ-хану, и какъ онъ видѣлъ, что ему трудно было скрыть порученіе свое, то онъ немедленно сознался, что посланъ лазутчикомъ противъ желанія своего, но не могъ ослушаться князя. Онъ показалъ себя недовольнымъ Русскими и, расказавъ Гассанъ-хану, что̀ хотѣлъ, о насъ, вывѣдалъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ къ намъ доставилъ. Переночевавъ такимъ образомъ въ лагерѣ непріятельскомъ, онъ былъ отпущенъ на другой день обратно къ намъ. Надобно замѣтить, что всѣ почти лазутчики такимъ же образомъ дѣйствуютъ, и слишкомъ неопытенъ тотъ начальникъ, который надѣется имѣть у себя вѣрнаго и преданнаго лазутчика. Они жертвуетъ жизнію своею деньгамъ, и потому служатъ лучше той сторонѣ, которая лучше платитъ; служатъ же они обыкновенно обѣимъ сторонамъ и полезнѣе сильнѣйшему, который не скрываетъ ни силъ своихъ, ни средствъ.

Когда Авакъ ко мнѣ пріѣхалъ, князь провожалъ жену свою по дорогѣ за Безобдалъ. Извѣстія, которыя онъ доставилъ, имѣли нѣкоторое вѣроятіе; впрочемъ легко было видѣть, что свѣдѣнія о Карабахѣ были увеличены, дабы болѣе причинить страху.

О князѣ Меньшиковѣ мы не имѣли настоящихъ свѣдѣній, кромѣ первыхъ о немъ полученныхъ и которыя были несовсѣмъ справедливы. Полковникъ Бартоломей, молодой офицеръ, при немъ находившійся, съ нимъ не разлучался и возвратился послѣ вмѣстѣ съ нимъ.

Здѣсь мѣсто сказать нѣчто о конныхъ сарбазахъ. Персіяне, коихъ конница, не поддержанная пѣхотою, не можетъ предпринять ничего отважнаго, изобрѣли приспособленіе своей пѣхоты къ нападеніямъ конницы. Для сего, отправляя отрядъ всадниковъ въ такое мѣсто, гдѣ можно ожидать сопротивленія, они сажаютъ на каждую лошадь всадника по одному сарбазу. Люди сіи спѣшиваются, вступаютъ въ перестрѣлку и занимаютъ непріятеля, пока конница довершаетъ съ быстротою намѣреніе свое разграбить селеніе или напасть на обозы. Въ семъ случаѣ были у Персіянъ конные сарбазы; но я не знаю навѣрное, на такомъ ли они основаніи находились въ лагерѣ Гассанъ-хана, ибо средство сіе они употребляютъ только временно и при экспедиціяхъ. А потому я думаю, что тутъ конные сарбазы имѣли своихъ лошадей и составляли войско болѣе нашимъ коннымъ егерямъ уподобляющееся. Мнѣ говорилъ князь Севарземидзевъ, что въ прошлую войну съ Персіянами онъ употреблялъ съ успѣхомъ средство сіе, сажая солдатъ на лошадей къ Татарамъ, которые, въ надеждѣ на помощь нашей пѣхоты, смѣлѣе подъѣзжали къ непріятелю, коего внезапное явленіе пѣхоты изумляло и приводило въ страхъ. Сіе могло случиться. Сіе же средство могло подать мысль о учрежденіи подобнаго войска въ образованныхъ арміяхъ.

День и часъ выступленія изъ Караклиса не былъ еще утвердительно назначенъ. Мы собрались было однажды атаковать Гассанъ-хана, но исполненіе сего не состоялось. Наконецъ мы рѣшились выступить 9-го числа, и непріятель немедленно провѣдалъ сіе намѣреніе наше; ибо онъ сблизилъ посты свои со стороны Балыкчая къ намъ, сталъ было даже сбивать наши казачьи посты, но пріостановился и не дѣлалъ сильнаго напора, выжидая, чтобы мы очистили ему Караклисъ. Со стороны же Амамловъ онъ также приблизился, ожидая, чтобы мы тронулись, дабы воспользоваться какими нибудь отсталыми повозками или вьюками.

Я написалъ диспозицію къ выступленію и въ ней означалъ барабанный бой, по коему казачьи пикеты должны были стянуться въ Караклисъ; это былъ второй сборъ, ибо по первому внѣшніе караулы должны были всѣ собраться въ лагерь и присоединиться къ своимъ баталіонамъ. Казачья же цѣпь должна была тронуться, когда бы уже пѣхота тронулась и, проходя черезъ Караклисъ, зажечь его, чего никоимъ образомъ не должно было прежде дѣлать, дабы дать время обозамъ, артилеріи, патронамъ и зарряднымъ ящикамъ пройти черезъ улицы; при томъ же надобно было сколько возможно скрыть и часъ выступленія нашего отъ непріятеля, дабы дать время оставшимся жителямъ уйти и дабы избѣжать смятенія и безпорядка. Диспозицію

сію я прочелъ Севарземидзеву, который ее одобрилъ; она была отдана всѣмъ начальникамъ, но не исполнилась какъ надобно было.

9-го числа послѣ полдня я велѣлъ ударить первый сборъ, а князь послалъ по сему сказать казачьему офицеру, чтобы онъ сходилъ со своихъ постовъ. Онъ приступилъ къ исполненію сего, и Персіяне немедленно заняли ихъ. Офицеръ прискакалъ въ Караклисъ и, видя, что еще не изготовились совсѣмъ къ выступленію, полагалъ, что сіе приказаніе ему было доставлено ошибкою, тѣмъ болѣе, что я послѣ приказанія князя послалъ другаго гонца съ тѣмъ, чтобы посты были непремѣнно опять заняты, что̀ и было исполнено немедленно. Князь не понималъ что̀ изъ сего будетъ, давно уже не слыхавъ и можетъ быть и мало зная къ чему служитъ диспозиція (ибо приказанія его развозились его Степкою, оборваннымъ деньщикомъ, который за нимъ ѣзжалъ и часто предлагалъ и свои распоряженія). Казачьяго офицера я только возвратилъ къ своему мѣсту; но непріятель догадался уже о нашемъ намѣреніи, разъѣзжалъ около Караклиса и выжидалъ времени ворваться. Глядя на сихъ всадниковъ, князь смутился. Вотъ уже Персіяне, говорилъ онъ, и все приставалъ ко мнѣ съ вопросомъ, скоро ли выступятъ? Я уговаривалъ его еще нѣсколько времени подождать, пока караулы соберутся, просилъ его не зажигать Караклиса, пока артилерія не пройдетъ, ѣздилъ за нимъ, наблюдалъ; но едва я отвернулся по какому-то дѣлу, какъ услышалъ вдругъ опять второй сборъ, который уже былъ третій. Вижу домъ князя, коего уголъ поджигаютъ, и кто же—шутъ Елизбаръ, который не вытерпѣлъ и выпросилъ на сіе позволенія у князя. Поздно уже было вести дѣло въ порядкѣ въ сію минуту. Персіяне опять уже начали казаковъ сбивать; Армяне, при князѣ находившіеся, стали зажигать другія строенія, площадь Караклиса пылала, а зарядные артилерійскіе ящики еще не прошли черезъ оную. Въ первую минуту, когда я увидѣлъ, что зажигали уже домъ князя, я бросился къ зажигателямъ; они отскочили, въ томъ числѣ и Елизбаръ, который мнѣ первый попался на глаза. Я хотѣлъ его въ запальчивости побить, тѣмъ болѣе, что онъ кричалъ и ссылался на покровительство корпуснаго командира; но я былъ упрошенъ родственникомъ жены князя, отставнымъ маіоромъ Чиляевымъ, который меня увѣрялъ, что Елизбаръ не былъ въ числѣ зажигателей. Я поскакалъ къ князю, дабы остановить безпорядокъ; но не тутъ-то было: онъ былъ окруженъ Армянами, которые кричали, шумѣли, какъ будто бы находились въ пылу самаго сильнаго сраженія; всякій изъ нихъ подавалъ князю совѣты, прося пушекъ, чтобы стрѣлять по фланкёрамъ Персидскимъ. Князь самъ былъ внѣ себя и требовалъ пушекъ и пѣхоты, чтобы драться съ нѣсколькими

всадниками разъѣзжавшими вдали. Видя, что исполненіе предначертанной диспозиціи надобно было отложить и пособить дѣлу новымъ распоряженіемъ, я немедленно отвелъ ящики на другую дорогу и выпроводилъ ихъ кругомъ черезъ канаву; затѣмъ, замѣтивъ, что сарай, гдѣ находились зарытые артилерійскіе снаряды, никто не думалъ зажигать, я бросился къ нему, зажегъ его самъ и пробылъ тутъ, пока онъ началъ обваливаться. Грудами пепла и горѣлыми столпами покрылись зарытыя вещи, чѣмъ они и были сбережены отъ розысковъ Персіянъ.

Двѣ роты Тифлискаго полка еще оставались въ своемъ лагерѣ при Кишлакскомъ выѣздѣ; одна изъ нихъ была назначена въ аріергардъ. Вопреки диспозиціи, князь потребовалъ ихъ къ себѣ и выстроилъ въ боевой порядокъ при двухъ орудіяхъ, которыя онъ успѣлъ схватить, дожидая, съ ребяческимъ хвастовствомъ и какъ человѣкъ не видавшій никогда непріятеля передъ собою и не знавшій Персіянъ, чтобы сіи передовые посты стали атаковать его. Тутъ разсуждалъ онъ съ солдатами, будетъ ли онъ зажигать церковь; они не пожелали сего, и онъ согласился на сіе желаніе ихъ.

Когда князь увидѣлъ и удостовѣрился, что непріятельскіе всадники не будутъ его атаковать, а дождутся спокойно нашего выступленія, онъ также рѣшился слѣдовать за колонною; но, пришедши со своими двумя ротами и двумя орудіями къ лагерю, онъ увидѣлъ, что отрядъ, слѣдуя диспозиціи, находился уже верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ Караклиса, и продолжалъ идти. Въ лагерѣ онъ нашелъ только брошенные ранцы аріергардныхъ ротъ, что̀ его разсердило; онъ же не въ состояніи былъ разсудить, что онъ самъ былъ виною сего безпорядка и въ неудовольствіи своемъ (какъ я слышалъ) обвинялъ меня въ томъ, что онъ брошенъ одинъ съ такимъ малымъ числомъ войскъ. Я между тѣмъ поскакалъ останавливать отрядъ, что́ исполнивъ возвратился въ лагерь. Люди, надѣвая ранцы свои, по одиночкѣ бѣжали для присоединенія къ отряду и покидали роты свои, чего я никакъ не могъ остановить; казалось мнѣ даже, что въ семъ случаѣ дѣйствовала въ нихъ непростительная робость, причиненная, какъ я думаю, смущеннымъ видомъ князя Севарземидзева. Тутъ я съ княземъ встрѣтился. Онъ началъ было въ пылу горячности своей упрекать мнѣ, что я увелъ отрядъ и бросилъ его одного; я объяснилъ ему весьма хладнокровно, что сему не я виноватъ, что диспозиція не была исполнена. Но, видя, что онъ ничего не понимаетъ и не перестаетъ упрекать меня, возвышая даже голосъ, я рѣшился его остановить и посовѣтовалъ ему умѣрить свое неудовольствіе: ибо онъ не имѣлъ правъ распространять оное на меня ни подъ какимъ видомъ, ни предлогомъ. Онъ замолчалъ; но вмѣстѣ съ симъ нашелъ на него столбнякъ, какихъ я

рѣдко видѣлъ: онъ не отъѣзжалъ болѣе отъ меня, большіе глаза его выкатились изо лба, онъ потягивалъ ноздрями чаще и выше обыкновеннаго, молчалъ, по нѣскольку разъ заставлялъ себѣ повторять всякого подходившаго къ нему съ какимъ-либо дѣломъ, не понималъ его и не давалъ никакого отвѣта. Онъ былъ въ семъ положеніи, когда голова колонны вступила въ Кишлакъ.

Я проѣхалъ тогда впередъ колонны, дабы увидѣть, что̀ предпріиметъ непріятель, показавшійся въ силахъ со стороны Дарбаза. Я прошелъ со стрѣлками селеніе безъ выстрѣла и потомъ взъѣхалъ на высоту не въ большомъ разстояніи отъ Кишлака, на которой стояла рота Тифлискаго полка съ орудіемъ для прикрытія движенія нашего. Персіяне, надѣясь поживиться, напавъ на тылъ нашъ, по прошествіи селенія, приближались къ высотѣ; нѣкоторые подъѣхали даже такъ близко, что я выстрѣлилъ по нимъ изъ ружья своего, но кажется безъ успѣха. Итакъ Персіяне, коихъ мы привыкли презирать, показывались въ семъ случаѣ смѣлыми. Вотъ послѣдствія отступательнаго движенія! Неминуемо духъ упадаетъ въ отступающихъ, въ противникахъ же онъ возвышается. Мы далеко были впрочемъ отъ того, чтобы упасть духомъ: всякій солдатъ жаждалъ вступить въ бой, всякій офицеръ того же хотѣлъ, да и силы непріятельскія были слишкомъ слабы, чтобъ вселить малѣйшій страхъ въ людяхъ нашихъ; но не менѣе того, движеніе наше придало Персіянамъ смѣлости, дерзости, съ коей они рѣдко рѣшались подступать близко къ нашимъ войскамъ. Мы же, не имѣя конницы, не могли причинить имъ ни малѣйшаго вреда: ибо ядра наши не попадали въ быстрыхъ всадниковъ сихъ, не сбирающихся толпами. Отъ ловкости ихъ однакоже и безпорядка нашего чуть не понесли мы чувствительный и постыдный уронъ. Обозы Тифлискаго полка, коимъ по диспозиціи велѣно было слѣдовать между войсками, были уведены впередъ казначеемъ, вопреки приказаній ему отданныхъ; а по привычкѣ къ прежнему безпорядку и самоуправству, онъ опередилъ и авангардъ и тянулся уже въ ущелье Безобдальское, какъ Персіяне, замѣтивъ сію часть безъ прикрытія, бросились съ лѣваго нашего фланга впередъ, дабы разбить обозы. Я увидѣлъ намѣреніе ихъ; общій крикъ разнесся по колоннѣ, что Персіяне нападаютъ на обозы. Взявъ авангардную роту своего полка, я повелъ ее бѣгомъ на защиту обозовъ. Непріятель, увидѣвъ подкрѣпленіе, спѣшившее на защиту повозокъ, остановился и, засѣвъ на покатостяхъ горъ, составляющихъ тѣснину Безобдала, стрѣлялъ по колоннѣ во время слѣдованія ея, но безъ всякаго успѣха: пули летали близко, но никого не задѣли. Персіянамъ отвѣчали также ружейными выстрѣлами изъ ущелья, но кажется не причинили имъ никакого вреда. Непонятно, какъ они

столь мало воспользовались преимуществомъ, которое имъ доставляло мѣстоположеніе: они бы могли намъ нанести значительный вредъ, если-бы засады свои сдѣлали сильнѣе, и перебить у насъ много людей и лошадей; но они не воспользовались симъ и оплошностью нашею, ибо мы совершенно подвели себя безъ защиты подъ выстрѣлы ихъ.

Вскорѣ орудія, пѣхота, ящики, обывательскія подводы, все сіе шло кучею въ безпорядкѣ и тѣснилось въ узкое ущелье Безобдала. Карабинеры мои одни сохраняли видъ устроеннаго войска. Остановивъ авангардъ, я возвратился къ колоннѣ и, заставъ сей безпорядокъ, не могъ воздержаться, чтобы не сказать князю, сколь онъ можетъ быть вреденъ для насъ послѣдствіями своими; но онъ мало обращалъ старанія своего, дабы поправить оный, напротивъ того, занялся какъ ребенокъ пальбою изъ орудій по фланкёрамъ Персидскимъ безъ всякой цѣли и пользы. Сіе обхожденіе разсердило меня. Я представилъ ему, что онъ напрасно время теряетъ и что нужнѣе было бы взять мѣры для ночлега и занять до ночи еще выгодный лагерь, дабы ночь не застала насъ въ тѣснинѣ, въ коей могли мы пострадать. Онъ все-таки никакого отвѣта не давалъ и не бралъ мѣръ, чтобы прекратить завязавшуюся пальбу. Я отъѣхалъ отъ него и рѣшился уже не совѣтовать ему ничего и не распоряжаться, а оставить дѣло на произволъ судьбы. Тутъ князь, видя, можетъ быть, что я не пустое ему совѣтовалъ, пріѣхалъ ко мнѣ и, не отставая отъ меня ни на шагъ, все время колѣномъ о мое, смотрѣлъ въ глаза мнѣ, какъ будто ожидая моего приказанія. Словомъ, въ сіе время онъ совсѣмъ потерялся, и на него еще болѣе дѣйствовало мое неудовольствіе, которое онъ старался смягчить; но я не имѣлъ твердости преодолѣть свое сердце и едва оборачивался къ нему. Онъ спрашивалъ меня, что̀ дѣлать, что̀ предпринять, гдѣ ночевать, не остановить ли колонну, возвратить ли ее въ ущелье и, указывая на высоты по сторонамъ лежащія, спрашивалъ, годятся ли онѣ для лагеря; но я на все отвѣчалъ ему коротко и съ неудовольствіемъ: «Не знаю, дѣлайте какъ хотите, князь; я буду только исполнять ваши приказанія, остановитесь гдѣ хотите». Онъ отъѣдетъ и пріѣдетъ съ сими же вопросами, но ничего отъ меня не добился; нѣсколько разъ останавливалъ колонну, впустивъ уже голову оной въ тѣснину; но стрѣльба въ арьергардѣ, гдѣ завязалось порядочное дѣло съ наступавшимъ непріятелемъ, и стрѣлки, засѣвшіе въ полугорѣ, стрѣлявшіе по насъ, побуждали его подвигаться опять впередъ. Наконецъ, ночь застала голову колонны въ весьма узкомъ мѣстѣ. Надобно было непремѣнно остановиться. Ружья составили въ козлы и расположились не ночевать, а провести ночь между горами, безъ корма для лошадей и даже не выпрягая ихъ изъ орудій и пово-

зокъ; ибо ихъ нельзя почти было и вывести съ дороги: столь она была узка. Пѣхота расположилась въ томъ порядкѣ, какъ шла, занимая почти всю дорогу. Орудія и обозы остались въ томъ же безпорядкѣ, въ которомъ они слѣдовали. Непріятельскіе стрѣлки не переставали по насъ стрѣлять, но все безъ успѣха.

Надобно было ихъ однако согнать, дабы остаться покойными ночью. Князь проѣхалъ къ головѣ колонны и, слѣзши съ лошади, стоялъ неподвижно и не произносилъ ни слова. Я былъ сердитъ и также молчалъ, ожидая его распоряженій. Не послать ли стрѣлковъ на гору прогнать непріятеля? спросилъ онъ наконецъ у меня.—«Нужно бы», отвѣчалъ я, и послалъ двухъ офицеровъ съ командами, которыя едва только стали подниматься на горы, какъ непріятельскіе стрѣлки скрылись. Тутъ подъѣхалъ къ князю деньщикъ его Степанъ и требовалъ стрѣлковъ въ аріергардъ, говоря, что они тамъ непремѣнно нужны. Князь взглянулъ на меня просительнымъ и вопросительнымъ взглядомъ, но получилъ отказъ и остался симъ доволенъ. Между тѣмъ въ аріергардѣ дѣло съ наступавшею ночью кончилось. Полковникъ Фридриксъ, занявъ тремя ротами Тифлискаго полка и тремя орудіями высоту подлѣ дороги лежащую, прикрывалъ движеніе тяжестей и артилеріи и отразилъ нападеніе непріятеля. Перестрѣлка была въ семъ аріергардномъ дѣлѣ довольно сильная, но уронъ не великъ: съ нашей стороны ранено три солдата. Говорили послѣ, что Персіяне потеряли до 30 человѣкъ убитыми и ранеными въ семъ дѣлѣ, но сіе невѣроятно. Когда всѣ тяжести прошли, тогда Фридриксъ примкнулъ съ аріергардомъ къ хвосту колонны и самъ пріѣхалъ къ намъ. Я обрадовался съ нимъ видѣться, ибо совершенно не съ кѣмъ было слово молвить. Веселый видъ Фридрикса развеселилъ меня, и мы сообщили другъ другу всѣ происшествія, случившіяся съ нами въ теченіе дня.

Съ сумерками пошелъ проливной дождь, сопровождаемый частыми и сильными громовыми ударами. Вскорѣ ночь сдѣлалась необыкновенно темная, и насъ освѣщала молнія, продолжавшаяся очень долго. Но дабы не поддаться усталости и всѣмъ непріятностямъ такого положенія, я велѣлъ разложить огонь. Мы перешли черезъ рѣчку, въ которую нѣсколько разъ падали въ темнотѣ, и старались развести огонь вопреки сильнаго дождя, препятствовавшаго намъ въ семъ благомъ намѣреніи; но терпѣніе преодолѣло всѣ затрудненія: старались долго, часа два старались, и наконецъ явился огонь, къ коему стали собираться офицеры. Съ увеличиваніемъ средствъ, увеличиваются у насъ и прихоти. Съ начала казалось, что, кромѣ огня, ничего бы желать не надобно; когда огонь явился, захотѣлось чаю, и мы напились его пополамъ съ дождевою водою, ниспадавшею въ стаканы наши. Тутъ,

къ удивленію насъ всѣхъ, собравшихся около огня, Фридриксъ вынулъ изъ кармана флажолетъ и сыгралъ намъ нѣсколько штучекъ изъ Фрейшица. Сего достаточно было, чтобы отвлечь все вниманіе наше отъ дождя, заливавшаго насъ и огонь нашъ. Мы слушали съ удовольствіемъ, вкушали въ полной мѣрѣ наслажденіе свое и развеселились. Вскорѣ усердіемъ солдатъ моихъ былъ воздвигнутъ балаганъ, въ который я заползъ съ Фридриксомъ и легъ на сырой землѣ; но едва мы начали засыпать, какъ балаганъ мой сталъ наполняться офицерами, искавшими убѣжища. Они полегли къ намъ на ноги и одинъ на другомъ; такъ что когда мы проснулись, то удивились видѣть себя совершенно загруженными молодыми сослуживцами нашими. Сколько мы перемокли въ сію ночь, ибо балаганъ былъ плохой и сдѣланъ на скорую руку и въ темнотѣ, и сколько мы устали, можно себѣ представить. Когда въ 1827 году войска проходили Безобдалъ, я видѣлъ мѣсто сіе обильное воспоминаніями, и балаганъ мой былъ еще цѣлъ.

Князь улегся въ сію ночь на лафетѣ, укрылся буркою и проспалъ всю ночь столь спокойно, сколько сіе возможно было въ дождикъ и на лафетѣ. Мнѣ говорили, что онъ только встревоженъ былъ гусемъ, привязаннымъ къ сему лафету, который имъ не былъ замѣченъ и ночью внезапно началъ бить крыльями; но тревога сія не имѣла дальнихъ послѣдствій.

10-го числа до свѣта ударили подъемъ, и голова колонны, находившаяся не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ подъема на Безобдалъ, подвинулась по дорогѣ и стала подниматься на гору. Не вступаясь болѣе въ дѣла отряда, я поднялъ на гору карабинеровъ съ обозами ихъ, а самъ поѣхалъ въ лагерь маіора Харченки, занимавшаго вершину Безобдала съ двумя ротами 41-го егерскаго полка и двумя орудіями. Туманъ, дождь и вѣтеръ попеременно затрудняли переходъ черезъ гору, на которую подъемъ былъ высокой и крутой. Князь также пріѣхалъ къ харчевнѣ, и тутъ я примирился съ нимъ, внявъ словамъ, кажется, Коцебу и другихъ, просившихся меня о томъ, ради предстоявшихъ обстоятельствъ, гдѣ распоряженія мои были нужны.

Полковникъ Фридриксъ оставался еще въ ущельѣ съ аріергардомъ и велъ слабую перестрѣлку съ Персіянами, не напиравшими сильно на него. Между тѣмъ посланные съ вечера карабинеры на высоты, видя движеніе колонны, разсыпались стрѣлками и равнялись съ нами, отстрѣливаясь отъ непріятеля, старавшагося занять опять высоты сіи, дабы стрѣлять въ ущелье по отступавшимъ. Сія мѣра предосторожности не была взята Фридриксомъ, и когда карабинеры прошли съ фланговыми цѣпьми стрѣлковъ своихъ, тогда Персіяне заняли опять стрѣлками сіи высоты и кусты, на покатостяхъ оныхъ на-

ходящіеся. Видя сіе, я выдвинулъ впередъ одно орудіе изъ состоявшихъ при егеряхъ и пустилъ въ горы нѣсколько ядеръ черезъ ущелье въ толпу занимавшую сіи высоты, которая отъ сего мгновенно убралась, и отступленіе аріергарда по ущелью, подъемъ онаго съ обозомъ на гору и спускъ всего отряда съ горы къ Гергерамъ произошли въ самомъ большомъ порядкѣ и безъ всякой потери. Но, стоя на горѣ, мы видѣли въ промежуткахъ открывавшихся намъ при временномъ разсѣяніи тумана, что много непріятельской конницы, поднявшись на вершину горы, между нами и дорогою, ведущею изъ Амамловъ въ Джелалъ-Оглу, поспѣшно слѣдовало къ сѣверному спуску, то-есть по сторонѣ Лорійской равнины нашей. Отдаленіе, въ коемъ находился непріятель, и недостатокъ въ конницѣ не позволили намъ преслѣдовать его или наблюдать за его движеніемъ; но мы имѣли причины думать, что онъ намѣревался сдѣлать нападеніе на деревни наши, внутри земли лежащія. Съ другой стороны Персіяне, вѣроятно тѣ, которые заняли Караклисъ, немедленно по выступленіи нашемъ оттуда, взъѣхавъ на Безобдалъ со стороны Караклиса, наткнулись близъ самаго лагеря нашего на засаду стрѣлковъ, поставленную маіоромъ Харченкою за бугромъ для защиты лѣваго фланга своего отъ внезапнаго нападенія. Штабсъ-капитанъ 41-го егерскаго полка Мошнинъ, начальствовавшій въ семъ мѣстѣ, отразилъ наткнувшагося отъ тумана очень близко непріятеля ружейнымъ огнемъ, отъ коего Персіяне неминуемо должны были имѣть потерю, по симъ и кончились военныя дѣйствія сего дня на Безобдалѣ. Когда погода нѣсколько прояснилась, мы увидѣли на буграхъ близъ Кишлака, на коихъ началось аріергардное дѣло 9 числа, непріятельскій лагерь и большія палатки начальниковъ ихъ. Поступокъ сей былъ довольно смѣлъ со стороны Персіянъ; ибо мы могли еще, поднявъ всѣ наши тяжести, пуститься на легкѣ съ одной пѣхотой и схватить лагерь сей, еслибъ непріятель не предостерегся занять порядочно ущелье; но люди наши слишкомъ устали, чтобы предпринять сіе движеніе, сопряженное впрочемъ и съ довольною опасностію, еслибъ непріятель, не испугавшись онаго, принялся бы защищать ущелье. Да при томъ, пока мы проходили разстояніе 10-ти почти верстъ до лагеря ихъ, Персіяне могли успѣть убрать палатки свои, и тогда бы отступленіе сей пѣхоты, преслѣдуемой въ ущельѣ, было бы сопряжено съ большими убытками и неудобствами.

Въ сей день, т.-е. 10-го числа, весь отрядъ перешелъ гору и пришелъ въ Гергеры, гдѣ и занялъ лагерь. Двѣ роты 41-го егерскаго полка остались только на вершинѣ горы. Князь поспѣшилъ навѣстить супругу свою, съ коею онъ занималъ квартиру; я же остался въ лагерѣ, поставивъ палатку свою за карабинерами. Съ прибытіемъ въ

Гергеры, я навѣстилъ князя, но никакихъ распоряженій не слыхалъ отъ него. Онъ былъ покойнѣе и какъ бы веселѣе, но не предпринималъ никакихъ мѣръ и предоставилъ по прежнему управленіе войсками въ мое съ полковникомъ Фридриксомъ распоряженіе.

Алексѣй Петровичъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что любимая его мысль знать Безобдалъ между непріятелемъ и нами приводилась въ исполненіе

Я полагалъ, что не слѣдовало удалять женатую роту изъ Гергеръ: военное поселеніе на границѣ должно защищать жилище свое, а не укрываться внутрь земли, когда оно еще подъ защитою 3,000 почти человѣкъ пѣхоты. Корпусный командиръ опасался вселить через сіе робость въ солдатахъ и возложилъ на меня обязанность успокоить ихъ. Трудно было сіе сдѣлать, когда отступленіе наше и всѣ неудачи служили къ тому, чтобы вселить въ нихъ недовѣріе къ начальству и робость.

Начальникъ штаба Вельяминовъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, научалъ меня, какимъ образомъ приступить къ переселенію женатой роты на Мамлыкъ, и излагалъ мнѣніе свое, чтобы склонить солдатъ, дабы они просили о семъ князя черезъ ротнаго командира, давая предлогомъ и причиною просьбы сей то, что непріятель частыми набѣгами своими попрепятствуетъ имъ въ полевыхъ работахъ ихъ, какъ будто бы они могли завестись посѣвами на Мамлыкѣ, и какъ будто бы переселеніе сіе не должно было ихъ совершенно разстроить! Да и не прилично было научать военныхъ людей къ такого рода просьбѣ,— изъ чего я могъ заключить, что поводомъ къ сему служили совершенно другіе виды: корпусный командиръ вѣрно не надѣялся удержать и Джелалъ-Оглу; между тѣмъ онъ предписывалъ укрѣплять мѣсто сіе. Все доказывалъ смущенный духъ его, отъ коего происходили такія противорѣчущія распоряженія. Однакоже я приступилъ къ исполненію по возможности воли корпуснаго командира, и рота женатая Тифлискаго полка была отправлена нѣсколько времени послѣ того въ Мамлыкъ.

Далѣе начальникъ штаба снабжалъ меня совѣтами на счетъ укрѣпленія предположеннаго и уже начатаго въ Джелалъ-Оглу, предваряя меня, дабы я не впалъ въ обыкновенныя здѣсь ошибки: ибо онъ не видалъ въ Грузіи укрѣпленія, которое не было бы слишкомъ обширно, у котораго нельзя бы отнять воду съ большою удобностью. Удивительно, что онъ преподавалъ такіе совѣты, тогда какъ всѣ укрѣпленія были строены по его проектамъ, и часто подъ его собственнымъ надзоромъ, и что всѣ они почти безъ исключенія *слишкомъ* обширны и безъ воды. Онъ не упускалъ однакоже на планахъ своихъ примѣнять

всегда самыя строгія правила фортификаціи въ мелочахъ, тамъ гдѣ они совершенно не нужны были. Обстоятельство сіе совсѣмъ непонятно, и нельзя согласить его съ его разсудкомъ и умомъ; но кажется, что въ сихъ случаяхъ при выборѣ мѣстъ иногда дѣйствовала лѣнь, иногда же упрямство, чтобы на своемъ поставить. Человѣкъ сей, при рѣдкихъ способностяхъ, имѣлъ самые непростительные пороки, содѣлывавшіе даже достоинства его бозполезными. Въ концѣ письма своего онъ обѣщался къ намъ быть и извинялся болѣзнію своею. Болѣзнь его была все одна, непомѣрная лѣнь: ибо извѣстно, что человѣкъ сей совсѣмъ не трусъ и не потеряетъ головы, не лишится присутствія духа въ затруднительномъ положеніи; а потому промедленіе его, и наконецъ и то, что онъ совсѣмъ къ намъ не пріѣхалъ, можно приписать только одной лѣни. Дѣлами же онъ много не занимался и въ Тифлисѣ, а проводилъ цѣлый день лежа и раздѣвшись. Алексѣй Петровичъ самъ уже къ нему ходилъ: столь онъ умѣлъ пріобрѣсть власти надъ умомъ его. Не менѣе того онъ видѣлъ, что не имѣлъ помощника въ трудахъ своихъ и не могъ скрыть сего въ разговорѣ.

Князь старался всячески побудить жителей къ жнитву; но трусливые Армяне не рѣшались на сіе, не внимали убѣжденіямъ и угрозамъ князя, который имъ было и войско обѣщалъ дать въ прикрытіе. Онъ въ семъ случаѣ руководствовался собственными видами корыстолюбія. Я совѣтовалъ ему не разбрасывать людей по одиночкѣ, а устроить нѣкоторый порядокъ между жителей, которые сами могли бы защититься отъ хищническихъ нападенія нѣсколькихъ всадниковъ, ибо главные выѣзды и мѣста были бы заняты войсками; но онъ не умѣлъ сдѣлать сего и, не понимая внушеній моихъ, продолжалъ увѣщевать и ругать жителей безъ всякой пользы. Они, можетъ быть, и вѣроятно, понимали, что хлѣбъ, который они сожнутъ, отберется у нихъ въ счетъ долга ихъ Севарземидзеву, и не приступали къ работѣ. Хлѣбъ остался на поляхъ; малую часть онаго пожали, большая же погнила на корню.

11-го числа я ѣздилъ съ княземъ въ Джелалъ-Оглу, дабы видѣть успѣхъ работы при крѣпости. Князь опять старался склонить жителей къ жнитву, но безуспѣшно. Тутъ Армяне привели къ князю одного Татарина, котораго схватили по дорогѣ отъ Гумровъ черезъ Карагачъ въ Борчалу; на немъ нашли возмутительныя письма отъ сердаря Ериванскаго къ Борчалинцамъ. Человѣкъ сей былъ нашъ подданный и обласканъ Севарземидзевымъ, который, говорятъ, и помощь ему дѣлалъ; онъ бѣжалъ изъ Гумровъ до начатія еще войны. Общее мнѣніе было его повѣсить, какъ лазутчика, пойманнаго съ возмутительными письмами, бывшаго доселѣ нашимъ подданнымъ и извѣстнаго дурнымъ своимъ поведеніемъ. Князь колебался; но я въ семъ случаѣ подалъ

также мнѣніе свое съ полковникомъ Литовымъ, и человѣка сего повѣсили. Воздвигли на берегу оврага каменный глаголь, подвезли арбу, на которую его взвели и съ которой повѣсили, потомъ арбу выдвинули, и онъ повисъ.

Я никогда не видывалъ казней и любопытенъ былъ наблюдать человѣка въ полной силѣ своего разума ожидающаго смерть неминуемую, и вотъ что я замѣтилъ въ семъ молодомъ Татаринѣ. Пока его взводили на арбу, онъ все жаловался, оправдывался, просилъ пощады; когда же стали надѣвать ему на шею петлю, онъ вдругъ перемѣнилъ видъ свой, голосъ и слова, и началъ читать громко молитвы на Арабскомъ языкѣ. Казалось, что ничто въ сію минуту не могло бы отвратить его вниманіе отъ мысли, къ коей онъ обратился; казалось, что самое прощеніе едва-ли бы пробудило его отъ состоянія созерцанія и вдохновенія, и что, еслибы его пустили, то онъ остался бы на всю жизнь свою въ семъ положеніи, внимающимъ всѣми силами своими Божеству. Нельзя было сомнѣваться, чтобы человѣкъ сей не покинулъ стези распутства, по коей онъ шелъ. Я увѣренъ, что онъ болѣе не страдалъ, не видалъ ни висѣлицы, ни веревки, ни готовящейся ему казни. Профосъ дѣлалъ надъ нимъ всѣ нужныя приготовленія, дабы повѣсить, и онъ ничѣмъ не противился. Члены его двигались отъ руки палача, какъ у соннаго; но онъ стоялъ и былъ твердъ на ногахъ, и не переставалъ молиться, пока веревка не задушила его. Судорожное движеніе въ ногахъ и языкъ, показавшійся между губами, возвѣстили объ его смерти. Тѣло его висѣло до другаго утра, кажется, и было снято и зарыто.—Другаго Татарина, котораго, нѣсколько дней послѣ сего, также поймали въ воровствѣ и повѣсили на томъ же мѣстѣ, я не видѣлъ казни, а видѣлъ его уже висящимъ. Говорили, что онъ не произнесъ ни одного слова, когда его повели, и что хладнокровіе его и равнодушіе были въ семъ случаѣ необыкновенны и всѣхъ удивили.

ПЕРСИДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ РОССІИ

1829 года.

(По бумагамъ графа П. П. Сухтелена).

Какъ извѣстно, Персидское посольство 1829 г. было прислано въ Петербургъ съ торжественнымъ извиненіемъ за избіеніе Русской миссіи въ Тегеранѣ, жертвою которой былъ и самъ полномочный министръ А. С. Грибоѣдовъ. При другихъ обстоятельствахъ, Россія, можетъ быть, наказала бы такое звѣрство силою оружія; но это произошло вскорѣ послѣ войны съ Персіею, закончившейся Туркманчайскимъ миромъ 1828 года. Россія въ то время воевала съ Турціею; къ тому же выяснилось, что собственно правительство Персидское было непричастно этому дѣлу Тегеранской черни. По всѣмъ этимъ причинамъ государь императоръ Николай Павловичъ призналъ достаточнымъ для удовлетворенія Россіи, если шахъ пришлетъ извиненіе черезъ кого либо изъ своихъ принцевъ. Персія съ готовностію подчинилась этому требованію и снарядила чрезвычайное посольство, во главѣ котораго находился принцъ Хозревъ-Мирза, сынъ наслѣднаго принца Аббаса-Мирзы и любимый внукъ шаха. Это былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ 16-ти, но во всѣхъ отношеніяхъ самый симпатичный изъ множества Персидскихъ принцевъ; онъ состоялъ въ званіи статсъ-секретаря по внѣшнимъ сношеніямъ.

30 Января 1829 г. была истреблена въ Тегеранѣ Русская миссія, а въ Маѣ того же года Персидское посольство вступило черезъ Тифлисъ въ Русскіе предѣлы, направляясь къ Петербургу.

Предлагаемый очеркъ пребыванія этого посольства въ Петербургѣ составленъ *исключительно* по бумагамъ графа Павла Петровича Сухтелена, которыя авторъ очерка получилъ отъ родной племянницы графа, графини Н. К. Сухтеленъ, вмѣстѣ со многими другими бумагами ея дяди и дѣда, графа Петра Корниловича Сухтелена *).

Графъ П. П. Сухтеленъ, одинъ изъ героевъ Персидской войны 1828 г. и образованнѣйшихъ Русскихъ генераловъ того времени, былъ знакомъ съ Хозревомъ-Мирзою еще въ Персіи. Ему принадлежитъ честь покоренія

---

*) Бумаги эти находятся теперь въ распоряженіи Тамбовской Архивной Комиссіи. М. Р.

Ардебиля, бывшаго въ то время резиденціею Аббаса-Мирзы, гдѣ гр. Сухтеленъ и оставался комендантомъ крѣпости до заключенія мира. Онъ былъ назначенъ состоять при Персидскомъ посольствѣ во все время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. 27 Іюля 1829 г. Сухтеленъ выѣхалъ на встрѣчу посольству въ Новгородъ. Бумаги его, относящіяся къ этому посольству, состоятъ изъ собственноручныхъ отдѣльныхъ замѣтокъ и записокъ, изъ цѣлаго дневника, веденнаго имъ во время пребыванія посольства въ Петербургѣ, и изъ писемъ къ нему многихъ офиціальныхъ и частныхъ лицъ, имѣвшихъ дѣловыя и всякія другія, служебныя или частныя отношенія къ посольству.

Бумаги раздѣлены на нѣсколько пачекъ, съ надписями на каждой рукою гр. Сухтелена, въ родѣ слѣдующихъ: „Petit bulletin journailler tenu durant le séjour de Khosreff-Mirza et durant son voyage à St-Pétersbourg en 1829. Billets et correspondance concernant les établissements publics et autres curiosités visitées par Khosreff-Mirza en 1829. Réclamations, dettes et escroqueries de l'ambassade Persanne à St-Pétersbourg 1829. Audience et réception de l'ambassade Persanne en 1829 à Moscou et à St-Pétersbourg et son audience de congé et départ. Générosité Persanne, au départ de l'ambassade de Khosreff-Mirza et durant son séjour à St-Pétersbourg 1829" и т. п. Есть пачка съ надписью: „Exercices d'écriture autographe du prince Persan Khozreff-Mirza", содержащая въ себѣ много лоскутковъ и цѣлыхъ листовъ бумаги такихъ упражненій молодаго принца, писанныхъ по-французски и по-персидски; тутъ же письма Хозрева-Мирзы и лицъ его свиты къ графу Сухтелену, ихъ визитныя карточки, Персидскіе стихи и т. п.

М. Розановъ.

I.

Составъ посольской свиты.—Лица, сопровождавшія посольство.—Пріѣздъ въ Москву и церемонія встрѣчи.—Отъѣздъ изъ Москвы и прибытіе въ Новгородъ.—Осмотръ военныхъ поселеній.—Обсужденіе проекта церемоніала встрѣчъ въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и торжественной аудіенціи въ Петербургѣ.—Пріѣздъ въ Царское Село и Петергофъ.—Приготовленія къ пріему посольства въ Петербургѣ.—Въѣздъ въ Петербургъ.

Посольская свита состояла изъ 14 человѣкъ. Главными лицами въ посольствѣ, послѣ Хозрева-Мирзы, были: *Мегмедъ-Ханъ*, Эмиръ-Низамъ, или начальникъ регулярныхъ войскъ; *Мирза-Масудъ*, первый драгоманъ; *Мирза-Салехъ*, второй драгоманъ, на правахъ хана, и *Мирза-Баба*, врачъ принца. Въ спискѣ свиты, имѣющемся въ бумагахъ графа Сухтелена [1]) объ этихъ лицахъ сдѣланы такія характеристики: «Мегмедъ-Ханъ—главный при посольствѣ; знатенъ родомъ и пользуется

[1]) Списокъ составленъ былъ, повидимому, въ Азіатскомъ департаментѣ, такъ какъ на немъ имѣются замѣтки карандашемъ, сдѣланныя рукою начальника этого департамента, К. К. Родофиникина. М. Р.

всеобщимъ уваженіемъ, болѣе правдивъ, чѣмъ другіе Персіяне, привязанъ къ Аббасу-Мирзѣ и вѣритъ пользѣ союза съ Россіею; можетъ быть, будетъ предлагать объ уступкѣ контрибуціи [2]). Мирза-Масудъ образованнѣе другихъ, вѣритъ охотно лести, пользуется довѣренностію Эмиръ-Низама. Мирза-Салехъ—плутъ, но человѣкъ нужный; ибо, по непостоянству Аббаса-Мирзы, имѣетъ иногда на него вліяніе. Мирза-Баба въ молодости учился въ Англіи и, вѣроятно, служитъ при посольствѣ шпіономъ Англичанъ. Всѣ сіи лица—сказано въ томъ же спискѣ—пользуются титуломъ *высокостепенства,* но при Хозревѣ-Мирзѣ не смѣютъ ни садиться, ни ѣсть и пить. Остальные Персіяне занимаютъ во дворцѣ не столь важныя должности (*ляля*) и не могутъ слѣдовать за принцемъ въ присутствіи Государя Императора».

Эти остальныя лица свиты были: Французъ *Семинò,* начальникъ инженеровъ и артилеріи у Аббаса-Мирзы, служившій прежде при Наполеонѣ; *Мирза-Таги* секретарь Эмиръ-Низама; на его обязанности лежало вести журналъ путешествія; *Гуссейнъ-Али-Бекъ* дядька принца; *Мирза-Джафаръ назыръ* или смотритель за вещами принца, *Мирза-Багиръ* и *Мирза-Ага-Мушрифъ,* камердинеры принца; *Фазиль-Ханъ* поэтъ; *Али-Ашрефъ-Бекъ сундуктаръ* или казначей; *Джафаръ-Бекъ* и *Наурузъ-Бекъ, пишкадметы* или комнатные служители [3]). Кромѣ того, при Хозревѣ-Мирзѣ находились: три *туфенгдара* или оруженосца, вездѣ его сопровождавшіе; *секретный ферашъ,* на обязанности котораго было стлать принцу постель (онъ же исправлялъ и должность экзекутора); другой *ферашъ,* подчиненный секретному; *абдаръ,* подававшій принцу воду для питья; *кафечи,* приготовлявшій кофе; *шербетдаръ,* завѣдывавшій всякими другими напитками; цирульникъ, поваръ, водовозъ и хлѣбопекъ. Кромѣ служителей принца, при посольствѣ находились пятеро служителей Эмиръ - Низама и девять человѣкъ прислуги при Мурзѣ-Масудѣ, Семинò, и др. чиновникахъ, такъ что всѣхъ Персіянъ въ посольскомъ поѣздѣ было около 40 человѣкъ [4]).

---

[2]) По Туркманчайскому договору Персія обязана была, между прочимъ, заплатить Россіи 10 куруровъ, или 20 милліоновъ рублей серебромъ контрибуціи. М. Р.

[3]) А. П. Берже („Русская Старина" 1879 г., томъ XXV) упоминаетъ въ составѣ свиты Мирзу-Мустафу-Авшара; но ни въ одномъ изъ нѣсколькихъ списковъ свиты, имѣющихся въ бумагахъ графа Сухтелена, этого имени не встрѣчается. М. Р.

[4]) Въ особомъ спискѣ, писанномъ рукою гр. Сухтелена, названа по именамъ и вся прислуга, находившаяся при посольской свитѣ: фераши—*Хаджи-Гуссейнъ* и *Аббулъ;* оруженосцы—*Джафаръ-Кули-Бекъ* (братъ Мирзы-Бабы), *Али-Пани-Бекъ* и *Дервишъ-Али-Бекъ;* абдаръ—*Талыбъ,* кофешенкъ (кафечи)—*Абдулла;* шербетдарь—*Раджабъ,* цирульникъ—*Мехди,* поваръ—*Гуссейнъ-Али;* водовозъ—*Али,* хлѣбопекъ—*Джаватъ.* При Эмиръ-Низамѣ находились: дворецкій *Махмедъ-Бекъ,* 3 камердинера—*Тостъ-Мамедъ-Бекъ, Гассанъ-Али-Бекъ* и *Садыкъ-Бекъ;* адъютантъ, въ чинѣ поручика, *Баграмъ-Бекъ* и истопникъ—*Махмедъ-Рахимъ.* Въ томъ же спискѣ поименованъ *Маньяò,* бывшій Французскій солдатъ, преподававшій Хозреву-Мирзѣ Французскій языкъ.

Отъ Тифлиса посольство сопровождалъ генералъ-маіоръ Ренненкампфъ 2-й съ тремя переводчиками, нѣсколькими фельдъегерями и прислугою.

Посольство направлялось къ Москвѣ черезъ Ставрополь, Новочеркаскъ и Воронежъ и 14-го Іюля прибыло въ село Коломенское, въ 10 верстахъ отъ Москвы. По прибытіи Хозрева-Мирзы изъ Подольска въ Коломенскій дворецъ и при выходѣ изъ экипажа, его встрѣтилъ и привѣтствовалъ краткою рѣчью камергеръ Булгаковъ, а стоявшій на дворѣ караулъ отдалъ честь.

Изъ Коломенскаго долженъ былъ начаться церемоніальный въѣздъ въ Москву. Послѣ нѣкотораго отдохновенія во дворцѣ, принцъ выѣхалъ въ древнюю столицу въ нарочно высланной оттуда каретѣ, запряженной восьмерикомъ и сопровождаемый конвоемъ конницы, свита же его продолжала путь въ своихъ дорожныхъ каретахъ. У городской заставы караулъ отдалъ честь, а Московскій оберъ-полицеймейстеръ, подъѣхавъ верхомъ къ каретѣ принца, поздравилъ его съ благополучнымъ прибытіемъ и вручилъ ему почетный рапортъ. Затѣмъ принцъ пересѣлъ въ парадную карету, а чиновники посольской свиты въ приготовленныя для нихъ коляски, и церемоніальный кортежъ продолжалъ путь.

Впереди ѣхалъ полицеймейстеръ съ ординарцами, для указанія дороги, за нимъ 24 жандарма съ офицеромъ вдоль тротуаровъ, чтобы улицы не были загораживаемы народомъ; затѣмъ, одни за другими, слѣдовали: частные пристава съ квартальными надзирателями, взводъ жандармовъ, рота гренадеръ съ музыкою, придворные берейторы и конюхи верхомъ, 12 лошадей въ попонахъ, ведомыя конюхами, лошадь принца, въ богатой сбруѣ, ведомая двумя конюхами. За четверомѣстною каретою, въ которой помѣщались Русскіе переводчики (поручикъ Визиревъ, подпоручикъ Кашперовъ и прапорщикъ Караоглановъ) слѣдовали: коляска съ прислугою принца, коляска съ низшими его чиновниками, коляска съ оруженосцами, коляска съ пишкадметами, запряженныя въ четыре лошади каждая. Далѣе слѣдовали: четверомѣстная раскидная карета для Мирзы - Джафара; такая же карета для Мирзы-Салеха и Мирзы-Бабы; такая же карета для Гуссейнъ - Али - Бека и Мирзы - Таги, такая же карета для Эмиръ-Низама и Мирзы - Масуда, такая же карета для генералъ-маіора барона Ренненкампфа, камергера Булгакова и переводчика, чиновн. 9 класса Шаумбурга. Затѣмъ, предшествуемый взводомъ жандармовъ, ѣхалъ Хозревъ-Мирза. Онъ помѣщался въ четверомѣстной восьмистекольной каретѣ, запряженной шестерикомъ; каждую лошадь велъ придворный лакей; по одну сторону кареты ѣхали оберъ-полицеймей-

стеръ и полицеймейстеръ съ своими свитами и казаками, по другую начальникъ жандармскаго эскадрона съ двумя жандармами и одинъ изъ адъютантовъ генералъ-губернатора. Взводъ жандармовъ и казачья команда изъ 60 человѣкъ замыкали шествіе.

Кортежъ слѣдовалъ отъ Серпуховской заставы къ Серпуховскимъ воротамъ, по Полянкѣ, черезъ Каменный мостъ, направо, вдоль Москвы рѣки до Москворѣцкаго моста; отсюда кортежъ поднялся налѣво, къ Лобному мѣсту и мимо памятника Пожарскому, чрезъ Воскресенскіе ворота, продолжалъ путь по Тверской до дома графини Разумовской *), назначеннаго для жительства Персидскому принцу. По всему пути стояли войска, отдавая честь послу.

У дома гр. Разумовской находилась на караулѣ рота со знаменемъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до крыльца, Хозревъ-Мирза остановился и принялъ отъ коменданта рапортъ. Отсюда, по разостланному до самаго крыльца, красному сукну, посолъ вступилъ на крыльцо, гдѣ его встрѣтили и поздравили съ благополучнымъ прибытіемъ въ столицу Московскій губернаторъ и члены Губернскаго Правленія. Принцъ вошелъ въ домъ по лѣстницѣ, устланной краснымъ сукномъ, въ сопровожденіи губернатора, коменданта, оберъ-полицеймейстера, камергера Булгакова и главныхъ особъ своей свиты. Въ передней комнатѣ его встрѣтило знатное купечество и поднесло на блюдѣ хлѣбъ-соль, фрукты и цвѣты. Въ комнатѣ передъ гостиною онъ былъ привѣтствованъ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства. Черезъ часъ пріѣхалъ къ принцу самъ генералъ-губернаторъ и поздравилъ его съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Въ Москвѣ Хозревъ-Мирза пробылъ около двухъ недѣль. До Новгорода посольство долженъ былъ сопровождать, по прежнему, генералъ Ренненкампфъ; а въ Новгородѣ его дожидался графъ Сухтеленъ, который потомъ не разставался съ Хозревомъ-Мирзою до обратнаго отъѣзда послѣдняго изъ Петербурга.

23-го Іюля Ренненкампфъ доносилъ графу Сухтелену, что Хозревъ-Мирза намѣренъ выѣхать изъ Москвы 25-го, на разсвѣтѣ, чтобы прибыть въ Петербургъ 30-го числа.

28-го Іюля Хозревъ-Мирза прибылъ въ Новгородъ, гдѣ былъ встрѣченъ также съ большими почестями. Здѣсь онъ осмотрѣлъ паровой лѣсопильный заводъ и военныя поселенія со всѣми ихъ заведеніями, причемъ начальникомъ поселеній, Клейнмихелемъ, было отдано распоряженіе, чтобы, при проѣздѣ принца чрезъ поселенныя

*) Нынѣшнее владѣніе П. И. Шаблыкина, гдѣ помѣщается Англійскій клубъ. П. Б.

роты, хозяева домовъ съ ихъ семействами не выстраивались на улицахъ передъ домами, а выходили бы по своему произволу. Въ округахъ поселеній принцъ останавливался въ квартирахъ, устроенныхъ для пріѣздовъ Государя, а для остановки въ Новгородѣ предложилъ свой домъ князь Шаховской.

По маршруту пріѣздъ принца въ Царское Село былъ назначенъ на 29-е Іюля. Но Сухтеленъ еще 27 числа писалъ изъ Новгорода вице-канцлеру графу Нессельроде, что время, назначенное для проѣзда этого пути, онъ находитъ слишкомъ короткимъ и что Хозреву-Мирзѣ нельзя будетъ пріѣхать въ Царское Село ранѣе 30-го безъ того, чтобы не заставить его скакать на курьерскихъ и не лишить его возможности осмотрѣть военныя поселенія съ тѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживаютъ. «Въ особенности — присовокуплялъ Сухтеленъ—у него не будетъ времени приготовить рѣчь, которую онъ долженъ будетъ говорить предъ Государемъ».

Въ военныхъ поселеніяхъ принцъ оставался до 30-го Іюля. Въ это время ему былъ предъявленъ церемоніалъ пріема въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и Петербургѣ и составлены проекты двухъ рѣчей, которыя онъ долженъ былъ произнести на торжественной аудіенціи. По церемоніалу было предположено, что, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петергофъ, Хозревъ-Мирза отправится съ визитомъ къ вице-канцлеру. Отсылая къ гр. Нессельроде проекты рѣчей, гр. Сухтеленъ писалъ, что посолъ намѣренъ во всемъ согласоваться съ программой церемоніала и только одинъ пунктъ подалъ поводъ къ долгимъ пререканіямъ, а именно—визитъ къ вице-канцлеру. Хозревъ-Мирза говорилъ, что онъ готовъ исполнить волю Государя, но опасается отвѣтственности передъ шахомъ, такъ какъ, сдѣлавъ визитъ къ вице-канцлеру первымъ, онъ отступитъ отъ прецедента, установившагося на подобный случай во время Туркманчайскихъ переговоровъ, когда было, между прочимъ, условлено, что министръ шаха первый обязанъ будетъ сдѣлать визитъ Русскому посланнику въ Персіи. Сухтеленъ ссылался на разницу обычаевъ, существующихъ на этотъ счетъ въ Россіи и Персіи. Это, однако, не совсѣмъ успокоило Хозрева-Мирзу, и онъ, согласясь, наконецъ, подчиниться церемоніалу, упрашивалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, визиту былъ приданъ такой видъ, какъ будто Хозревъ-Мирза, получивъ еще въ дорогѣ отъ вице-канцлера приглашеніе заѣхать прямо съ дороги на чашку чаю, на обѣдъ, или завтракъ, вынужденъ былъ принять приглашеніе, чтобы не быть неучтивымъ. Сухтеленъ уступилъ, и между нимъ и Нессельроде было рѣшено, что въ Стрѣльнѣ навстрѣчу посольству выѣдетъ камеръ-юнкеръ князь Волконскій и отъ имени вице-канцлера пригласитъ Хозрева-Мирзу на

чай. При этомъ Нессельроде просилъ Сухтелена внушить Хозреву-Мирзѣ, что цѣлью визита можетъ быть еще и просьба посла доложить объ немъ Государю и получить указанія, въ какомъ порядкѣ онъ долженъ будетъ представиться Его Величеству.

Церемоніалъ торжественной аудіенціи также вызвалъ замѣчаніе со стороны Хозрева-Мирзы. Въ церемоніалѣ было сказано, что когда посолъ, проговоривъ рѣчь, поднесетъ шахову грамоту Его Императорскому Величеству, то Государь Императоръ приметъ оную и отдастъ вице-канцлеру, а послѣдній положитъ ее на приготовленный столъ и потомъ отвѣтствуетъ послу Высочайшимъ именемъ, каковой отвѣтъ прочтенъ будетъ послу на Персидскомъ языкѣ переводчикомъ. Хозревъ-Мирза выразилъ желаніе, чтобы Его Величество изволилъ самъ сказать ему нѣсколько словъ въ отвѣтъ на его рѣчь.

Сухтеленъ замѣтилъ на это, что когда Государь находится подъ балдахиномъ трона, то онъ говоритъ только съ своими подданными, и что на рѣчи посланниковъ онъ всегда отвѣчаетъ не иначе, какъ чрезъ своихъ министровъ.

— Я былъ бы счастливъ стать на этотъ разъ въ положеніе Русскаго подданнаго, съ живостью отвѣчалъ Хозревъ-Мирза.

— Впрочемъ — продолжалъ принцъ—воля Государя Императора для меня законъ (эти слова онъ повторилъ нѣсколько разъ), и я надѣюсь, что, поступая такъ, какъ угодно Его Величеству, я буду безопасенъ отъ всего, что̀ можетъ компрометировать меня передъ шахомъ.

Утромъ 30-го Іюля Хозревъ-Мирза закончилъ осмотръ военныхъ поселеній и въ 8-мъ часу выѣхалъ въ Царское Село. Съ нимъ продолжали путь Эмиръ-Низамъ, Мирза-Масудъ, Мирза-Салехъ, Мирза-Баба, Семино́ и нѣсколько человѣкъ прислуги; остальные чиновники посольства и прислуга были отправлены наканунѣ, въ сопровожденіи фельдъегеря и двухъ переводчиковъ, прямо въ Петербургъ.

Въ Царскомъ Селѣ Хозрева-Мирзу встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Захаржевскій. По приходѣ во внутреннія комнаты дворца, туда прибылъ оберъ-церемоніймейстеръ графъ Потоцкій и отъ имени Государя поздравилъ принца съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Въ Царскомъ Селѣ посольство оставалось на одинъ день для осмотра достопримѣчательностей. Утромъ 1-го Августа Хозревъ-Мирза и его свита ѣздили на прогулку въ Павловскъ, гдѣ имъ предложенъ былъ завтракъ въ нижнемъ этажѣ дворца. После обѣда въ Царскомъ Селѣ, окончившагося въ половинѣ 3-го часа по полудни, посольство выѣхало въ Петергофъ. Принцъ Хозревъ, Эмиръ-Низамъ и Мирза-Масудъ ѣхали въ придворныхъ колясахъ, а прочіе чиновники посольства въ своихъ дорожныхъ экипажахъ. Поѣздъ слѣдовалъ въ такомъ порядкѣ:

впереди въ одной коляскѣ ѣхали Хозревъ-Мирза съ гр. Сухтеленомъ, въ слѣдующей за ними коляскѣ Эмиръ-Низамъ и Мирза-Масудъ, а позади — всѣ остальные путешественники. Въ селѣ Горѣломъ была сдѣлана смѣна лошадямъ.

Государь желалъ, чтобы въѣздъ посольства въ Петергофъ состоялся до сумерекъ, что и было исполнено. Въ Стрѣльнѣ навстрѣчу посланнику выѣхалъ камеръ-юнкеръ кн. Волконскій *) и отъ имени вице-канцлера пригласилъ его на чай. У дворца на караулѣ стоялъ учебный кавалерійскій эскадронъ и отдалъ принцу честь. У кареты Хозревъ-Мирза былъ встрѣченъ двумя чиновниками министерства иностр. дѣлъ, а въ первой комнатѣ его встрѣтилъ самъ вице-канцлеръ. Послѣ угощенія кофеемъ, конфектами и шербетомъ, принцъ отправился въ Монплезиръ, назначенный для его мѣстопребыванія. Здѣсь онъ былъ принятъ Петергофскимъ комендантомъ, а спустя нѣсколько минутъ пріѣхалъ вице-канцлеръ съ визитомъ.

Въ Петергофѣ Хозревъ-Мирза пробылъ нѣсколько дней. Это время было посвящено обсужденію подробностей, касавшихся торжественной аудіенціи, и заботамъ о доставленіи посольству всевозможныхъ удобствъ въ Таврическомъ дворцѣ, который былъ назначенъ для пребыванія принца и его свиты, а равно заботамъ о томъ, чтобы сдѣлать пребываніе въ Петербургѣ вполнѣ для нихъ пріятнымъ.

Въ виду непривычки Персіянъ къ Европейской мебели, въ Таврическомъ дворцѣ было приготовлено множество ковровъ и дивановъ съ подушками. Въ одной изъ комнатъ, назначенныхъ для принца, былъ поставленъ портретъ его отца, Аббаса-Мирзы, въ художественной рамѣ въ Персидскомъ вкусѣ, работы Беггрова, присланный для этой цѣли Сухтелену Монферраномъ. Впослѣдствіи, уѣзжая изъ Петербурга, принцъ Хозревъ возвратилъ портретъ Сухтелену, съ прибавкою своего литографированнаго.

По правиламъ своей религіи Персіяне не могутъ ѣсть кушанье, приготовленное руками иностранныхъ поваровъ. Одного Персидскаго повара, привезеннаго съ собою Хозревомъ-Мирзою, было недостаточно для цѣлой свиты, поэтому было пріискано нѣсколько поваровъ изъ Татаръ секты шіитовъ. Впрочемъ, не всѣ Персіяне посольства были строгими исполнителями религіозныхъ требованій, и большинство изъ нихъ охотно употребляло Европейскія кушанья.

По непривычкѣ Персіянъ къ Европейскимъ и Турецкимъ приборамъ верховой ѣзды, для нихъ были приготовлены Черкесскія и казачьи сѣдла, а верховыя лошади, рѣзвыя и отлично выѣзженныя, назначены изъ Кавказской команды.

*) Вѣроятно сынъ министра двора, князь Григорій Петровичъ. Н. Б.

Къ посольству былъ прикомандированъ большой штатъ чиновниковъ и дворцовой прислуги. Четыре переводчика, два фельдъегеря, столько же урядниковъ и секретарь безотлучно находились при посольской свитѣ. Для услугъ во внутреннихъ комнатахъ было назначено болѣе 80 служителей разныхъ категорій; по конюшенной части состояло свыше 60 человѣкъ, такъ что весь штатъ чиновниковъ и прислуги доходитъ болѣе чѣмъ до 150 человѣкъ.

Обѣдъ посольской свиты и состоящихъ при ней Русскихъ чиновниковъ былъ проектированъ на нѣсколько столовъ. За первымъ столомъ обѣдалъ самъ Хозревъ-Мирза, за вторымъ Мегмедъ-Ханъ, Мирза-Масудъ, Мирза-Салехъ, Мирза-Баба, Мирза-Таги и Гуссейнъ-Али-Бекъ, дядька принца, за третьимъ—Французы Семинò и Маньягò и переводчики Шаумбургъ, Визиревъ, Кашперовъ и Караоглановъ; четвертый столъ былъ назначенъ для Мирзы-Багира, Мирзы-Джафара, Фазиль-Хана, Мирзы-Мустафы, Али-Ашрефъ-Бека, Джафаръ-Бека, Наурузъ-Бека и Мурзы-Аги-Мушрифа; пятый столъ—для всѣхъ прочихъ служителей миссіи и шестой—для фельдъегерей [1]).

4-го или 5-го Августа состоялся торжественный въѣздъ посольства въ Петербургъ. Переѣздъ изъ Петергофа до пристани у Таврическаго дворца совершился на яхтѣ. При входѣ на яхту принцъ былъ принятъ морскимъ министромъ, немедленно отдавшимъ приказъ къ отплытію. На мачтѣ поднятъ былъ Персидскій флагъ, и вся эскадра салютовала 21 выстрѣломъ. Противъ новаго адмиралтейства принцъ былъ встрѣченъ капитаномъ порта, а у Исакіевскаго моста—столичнымъ оберъ-полиціймейстеромъ и генералъ-интендантомъ флота. Съ крѣпости салютовали 21 выстрѣломъ. По обѣ стороны гавани, до воротъ Таврическаго дворца, стояли 4 баталіона пѣхоты, а вдоль рѣшотки и на дворѣ—кавалергардскій полкъ; тутъ же находился кара-

---

[1]) По поводу этого распредѣленія столовъ Ренненкампфъ писалъ Сухтелену: „Мнѣ кажется, в. с—во, что во время обѣда принца одинъ или два переводчика должны быть на лицо, но не будутъ ѣсть. Нужно будетъ имъ назначить отдѣльный столъ. Гг. Семинò и Маньягò слѣдовало бы помѣстить за вторымъ столомъ, чтобы предупредить неловкости въ ихъ поведеніи. На случай, еслибы пріѣхалъ еще кто-нибудь, или еслибы пришлось объясняться съ прислугою, второй столъ также нуждается въ переводчикѣ. Поэтому мнѣ кажется, лучше бы было соединить 2-й столъ съ 3-мъ, исключая Визирева и Караогланова, которые будутъ находится за четвертымъ столомъ, чтобы поддерживать за этимъ столомъ порядокъ между господами, которые не обойдутся безъ приключеній". Записка эта послѣдовала въ отвѣтъ на письмо гр. Сухтелена, который просилъ Ренненкампфа сдѣлать свои замѣчанія на проектъ распредѣленія столовъ.

По распоряженію вицеканцлера, при посольствѣ ежедневно находились по четыре воспитанника восточныхъ языковъ, какъ для переводовъ, такъ и для упражненія ихъ самихъ въ Персидскомъ языкѣ. Для нихъ были отведены въ Таврическомъ дворцѣ особыя комнаты, и они обѣдали также за третьимъ столомъ.

улъ со знаменемъ и музыкою (этотъ караулъ не снимался потомъ до самаго отъѣзда посольства изъ столицы). У пристани Хозрева-Мирзу ожидалъ губернаторъ, а тотчасъ по прибытіи во дворецъ, туда пріѣхалъ генералъ-губернаторъ и поздравилъ принца съ пріѣздомъ.

Встрѣча посольства, прибывшаго съ далекаго Востока въ Петербургъ съ торжественнымъ извиненіемъ къ Русскому Монарху и Персидскій флагъ, впервые развѣвавшійся на берегахъ Невы, не могли не привлечь множества зрителей. Наплывъ публики, по отзыву гр. Сухтелена, былъ такъ великъ, что онъ рѣдко видалъ подобный. По словамъ того же очевидца, вниманіе Персидскаго принца привлекали то корабли, встрѣчавшіеся и стоявшіе по пути, то строй морскихъ войскъ и кадетъ, то почести, отдававшіяся при встрѣчѣ. Польщенный до глубины блескомъ встрѣчи и очарованный великолѣпіемъ всего видѣннаго, Хозревъ-Мирза былъ такъ пораженъ, что его едва заставили идти со шлюпки прямо во дворецъ.

II.

Пребываніе въ Петербургѣ.—Дневникъ гр. Сухтелена.—Визиты.—Торжественная аудіенція.—Осмотръ достопримѣчательностей.—Представленіе Хозреву-Мирзѣ частныхъ лицъ и поднесеніе ими своихъ произведеній.

Во все время пребыванія въ Петербургѣ Хозревъ-Мирза былъ окруженъ самымъ лестнымъ вниманіемъ и радушіемъ. Умный отъ природы, добродушный, одушевленный благородными чувствами и мыслями и вдобавокъ надѣленный прекрасною наружностью, молодой принцъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ, начиная съ самого Государя. Каждый, съ кѣмъ ему приходилось познакомиться, желалъ сдѣлать ему пріятное, и два слишкомъ мѣсяца, проведенные имъ въ Петербургѣ, прошли для него какъ непрерывный праздникъ.

Когда посольство находилось еще на пути отъ Новгорода въ Петербургъ, гр. Чернышовъ отъ имени Государя писалъ гр. Сухтелену, что Его Величеству угодно, чтобы гр. Сухтеленъ писалъ каждый день, адресуя письма въ собственныя руки Государя и отдавая отчетъ обо всемъ, чтò происходитъ съ Хозревомъ-Мирзою, чтò онъ дѣлаетъ и говоритъ. Разумѣется, это повелѣніе Государя было исполняемо въ точности и, благодаря ему, мы имѣемъ подъ руками дневникъ, который гр. Сухтеленъ велъ съ 9 Августа по 17-е Октября (день отъѣзда посольства изъ Петербурга), отмѣчая въ немъ все, чтò, по его мнѣнію, могло интересовать Государя. Въ дневникѣ этомъ, помѣщаемомъ ниже въ полномъ его видѣ, читатели найдутъ множество любо-

пытныхъ подробностей пребыванія Персидскаго посольства въ Петербургѣ; почему въ настоящемъ очеркѣ мы ограничиваемся общимъ описаніемъ этого пребыванія, изложивъ здѣсь изъ бумагъ гр. Сухтелена лишь то, что̀ не нашло мѣста въ его дневникѣ.

Въ ожиданіи торжественной аудіенціи, назначенной на 10 Августа, Хозревъ-Мирза и его свита начали осмотръ достопримѣчательностей столицы и принимали и отдавали визиты. Въ это время принцемъ Хозревомъ были, между прочимъ, сдѣланы визиты: гр. Кочубею, адмиралу Мордвинову, кн. Куракину, кн. Лобанову-Ростовскому, гр. Литтѣ, Ланскому, гр. П. А. Толстому, г. Пашкову, кн. П. М. Волконскому, г. Тутолмину, Карцову, гр. Строгонову, генераламъ Сукину, Балашову, Опперману и Васильчикову, кн. А. Н. Голицыну, гр. Нессельроде, генералу Кутузову, кн. Ливену, гр. Сперанскому.

10 Августа въ зимнемъ дворцѣ состоялся торжественный публичный пріемъ посольства [1]). Въ этотъ день обыкновенный караулъ во дворцѣ былъ увеличенъ тремя баталіонами. Съ 11 часовъ утра во дворецъ начали съѣзжаться всѣ имѣющія туда пріѣздъ особы, а купечество по билетамъ. Въ 10 часовъ гр. Сухтеленъ, бывшій предводителемъ церемоніи, отправился церемоніальнымъ шествіемъ для приглашенія посла на аудіенцію. Шествіе предводителя открывалось дивизіономъ конногвардейцевъ съ обнаженными палашами, штандартомъ, трубами

---

[1]) У г. Берже днемъ публичной аудіенціи считается 12-е Августа. Но по бумагамъ гр. Сухтелена выходитъ несомнѣнно, что аудіенція была 10 Августа. Это видно, во 1-хъ изъ оффиціальнаго объявленія камеръ-фурьера Бабкина гр. Сухтелену отъ 9 Августа о томъ, что аудіенція назначена на 10-е Августа; во 2-хъ, изъ слѣдующаго письма оберъ-церемоніймейстера гр. Потоцкаго къ гр. Сухтелену отъ 8 Августа: „Г. графъ! Такъ какъ аудіенція пріема принца Хозрева-Мирзы назначена въ Субботу, 10 Августа, то я долженъ отправиться завтра къ его высочеству, чтобы объявить ему объ этомъ оффиціально и вручить церемоніалъ. Поэтому я покорнѣйше прошу в. с—во дать мнѣ знать, въ которомъ часу я могу выполнить эту формальность“.—Это подтверждается и дневникомъ гр. Сухтелена, изъ котораго видно, что 9 Августа принцъ Хозревъ нарочно оставался дома и никуда не выѣзжалъ, дожидаясь оффиціальнаго визита гр. Потоцкаго для объявленія о днѣ аудіенціи. За 10-е Августа въ дневникѣ Сухтелена совсѣмъ нѣтъ никакихъ замѣтокъ, по той, очевидно причинѣ, что Сухтеленъ не находилъ нужнымъ отмѣчать событіе и безъ того извѣстное Государю. Предположеніе, что аудіенція, назначенная первоначально на 10-е, была отложена до 12 Августа, опровергается тѣмъ же дневникомъ, въ которомъ подъ 12-мъ Августа не только ни словомъ не упоминается объ аудіенціи, а напротивъ описываются совсѣмъ другія занятія и день представляется, такъ сказать, будничнымъ. Можно догадываться, что ошибка г. Берже въ обозначеніи дня аудіенціи произошла отъ того, что, составляя свой очеркъ о Хозревѣ-Мирзѣ по изданнымъ имъ же самимъ матеріаламъ и заимствуя свѣдѣнія о днѣ аудіенціи изъ письма гр. Нессельроде къ гр. Сухтелену, помѣченнаго 12-мъ Августа, г. Берже принялъ это число за день аудіенціи, не досмотрѣвъ, что въ текстѣ письма Паскевичъ извѣщается именно о томъ, что аудіенція состоялась 10-го Августа („Русская Старина“ 1876 г., Декабрь). М. Р.

и литаврами. За посломъ была отправлена богатая дворцовая карета (туда въ ней ѣхалъ предводитель) и четыре другія кареты для его свиты. По прибытіи предводителя въ посольскій домъ, его встрѣтили у самой кареты чиновники свиты Персидскаго посла, на лѣстницѣ — болѣе почетные чиновники той же свиты, а въ первой комнатѣ самъ посолъ. Послѣ взаимныхъ учтивостей, посолъ, его свита и предводитель сѣли въ кареты, и началось шествіе въ зимній дворецъ. Оно направлялось чрезъ Воскресенскую, Литейную, Пантелеймоновскую, чрезъ Висячій мостъ, мимо Лѣтняго сада, на Новую Садовую, Невскій проспектъ и Малую Милліонную. Впереди шелъ дивизіонъ конной гвардіи, затѣмъ, одна за другою, карета предводителя, 4 кареты съ Персидскими чиновниками, 6 дворцовыхъ конюховъ верхами, 4 скорохода, 2 камеръ-лакея и 24 пѣшихъ лакея. Затѣмъ слѣдовала карета, въ которой ѣхалъ посолъ съ предводителемъ: посолъ на первомъ мѣстѣ, а предводитель противъ него. По обѣ стороны кареты шли лакеи, ѣхали камеръ-пажи, Русскій переводчикъ и по два кавалергардскихъ и конногвардейскихъ офицера. Шествіе замыкалъ дивизіонъ кавалергардовъ.

У воротъ дворца чиновники посольской свиты вышли изъ экипажей и пошли къ подъѣзду пѣшкомъ, посолъ же съ предводителемъ подъѣхали за ними къ подъѣзду въ каретѣ. При выходѣ посла изъ кареты его встрѣтили церемоніймейстеръ, два камеръ-юнкера, два камергера и гофмейстеръ, на верхней площадкѣ—оберъ-церемоніймейстеръ, въ первой комнатѣ—оберъ-гофмаршалъ, которые и провели его въ Концертную залу. Здѣсь встрѣтили его оберъ-камергеръ кн. Лобановъ-Ростовскій и оберъ-шенкъ и предложили кофе, дессертъ и шербетъ.

Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и вся августѣйшая фамилія прибыли въ Георгіевскую тронную залу. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ихъ величествъ, остановившихся предъ послѣднею ступенью трона, находился вице-канцлеръ. По обѣ стороны залы помѣстились члены Государственнаго Совѣта, Сенатъ, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи, главный штабъ, дипломатическій корпусъ, дворъ и всѣ дамы и гражданскіе чины первыхъ четырехъ классовъ; въ бѣлой галлереѣ находились армейскіе штабъ и оберъ-офицеры и всѣ прочія особы, имѣющія пріѣздъ ко двору, а въ большой Мраморной залѣ и первомъ аванзалѣ купечество.

По полученіи высочайшаго повелѣнія о допущеніи посла на аудіенцію, оберъ-камергеръ графъ Литта пригласилъ посла въ Георгіевскій залъ. Предшествуемый встрѣтившими его чинами двора, посолъ вступилъ въ залу, неся грамоту шаха, а за нимъ шли чины его свиты. Изъ свиты Хозрева-Мирзы были представлены ко двору только Эмиръ-

Низамъ, Мегмедъ-Ханъ, Мирза-Масудъ, Мирза-Салехъ, Мирза-Баба, Гуссейнъ-Али-Бекъ, Семино́ и двое секретарей принца, которые и въ Персіи удостоиваются чести представляться шаху.

Войдя въ аудіенцъ-залу, посолъ сдѣлалъ первый поклонъ, посреди залы—второй. Здѣсь чиновники Персидской свиты остановились, а Хозревъ-Мирза, подойдя еще на нѣкоторое разстояніе къ Государю, сдѣлалъ третій поклонъ и, остановясь, произнесъ по-персидски свою рѣчь *). Переводъ этой рѣчи по-русски читалъ г. Шаумбургъ. По прочтеніи перевода, посолъ поднесъ грамоту шаха Государю; принявъ оную, Государь передалъ ее вице-канцлеру, а онъ, положивъ грамоту на приготовленный столъ, отвѣтствовалъ послу отъ имени Государя, каковой отвѣтъ былъ прочтенъ послу по-персидски Мирзою-Масудомъ. Этимъ закончилась аудіенція у Государя.

Послѣ того Государь, въ сопровожденіи посла, удалился въ комнату между аудіенцъ-залою и Эрмитажемъ, гдѣ Хозревъ-Мирза представилъ ему своихъ чиновниковъ.

Тѣмъ временемъ Государыня Императрица, въ сопровожденіи двора, изволила перейти въ Малую Тронную, куда явился отпущенный Государемъ посолъ, и тѣмъ же порядкомъ было учинено представленіе посольства ея величеству, при чемъ Хозревъ-Мирза произнесъ также рѣчь.

Въ слѣдующіе за аудіенціею дни посольство вступило въ ближайшее знакомство съ Петербургскимъ обществомъ и продолжало осмотръ достопримѣчательностей. Начался рядъ обѣдовъ и баловъ въ

---

*) Въ бумагахъ гр. Сухтелена сохранился первоначальный проектъ рѣчей посла къ ихъ величествамъ:

I. Рѣчь къ Государю: „Его величество, августѣйшій дѣдъ мой, шахъ Персидскій, отправилъ меня къ вашему императорскому величеству для увѣренія въ прочности мира между обѣими высокими державами и въ непричастіи Персидскаго правительства въ случившемся несчастномъ происшествіи, которое желаетъ онъ, дабы ваше императорское величество соблаговолили предать совершенному забвенію. Съ моей стороны горжусь я столь великою честію, что удостоился представиться вашему импер. величеству, почитая себя чрезмѣрно счастливымъ, что сей выборъ его величества шаха преимущественно палъ на меня изъ всѣхъ сыновей его и внуковъ".

II. Рѣчь къ Государынѣ: „Почитаю себя чрезмѣрно счастливымъ и возвеличеннымъ, что первый изъ сыновей и внуковъ его величества удостоился я представиться вашему императорскому величеству и доложить объ уваженіи къ вашей августѣйшей особѣ его величества шаха, коему возвышенныя качества и величіе души вашего импер. величества сдѣлались извѣстны".

Въ рѣчи, произнесенной Хозревымъ-Мирзою на аудіенціи предъ Государемъ, которую читатели могутъ найти въ „Русской Старинѣ" за 1879 г. (т. XXV, „Хозревъ-Мирза", очеркъ А. П. Берже), изъ приведеннаго проекта не удержалось ни одного выраженія; рѣчь же, обращенная ка Государынѣ, была измѣнена лишь нѣсколько и прочтена почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ проектѣ. М. Р.

честь принца, который въ свою очередь также давалъ обѣды въ Таврическомъ дворцѣ. Хозревъ-Мирза былъ приглашаемъ присутствовать на маневрахъ, парадахъ, различныхъ торжествахъ и общественныхъ увеселеніяхъ и участвовалъ въ придворныхъ охотахъ. Театръ ему очень нравился, и онъ посѣщалъ его настолько часто, насколько позволяло время. Обыкновенно, на каждый слѣдующій день заранѣе составлялась программа времяпровожденія принца, хотя не всегда была выполняема и нерѣдко измѣнялась.

Въ продолженіе Августа и Сентября Хозревомъ-Мирзою были осмотрѣны Академіи Наукъ и Художествъ, Эрмитажъ, литейный дворъ, монетный дворъ, арсеналъ, 1-й кадетскій, инженерный, морской и горный корпуса, адмиралтейство съ его музеемъ, биржа, берейторская и фехтовальная школы, воспитательный домъ и училище глухонѣмыхъ, Смольный институтъ, болѣе знаменитые храмы столицы, театры, казармы и проч. Осмотры бывали очень продолжительны. Нѣкоторыя учрежденія, какъ напримѣръ Академію Художествъ, принцъ посѣтилъ нѣсколько разъ. Изъ учрежденій, находящихся внѣ города, Хозревъ-Мирза осмотрѣлъ казенный литейный заводъ, Александровскій заводъ, заводы зеркальный и фарфоровый, Охтенскій и Сестрорѣцкій и Царскосельскую бумажную фабрику. Былъ и въ Кронштадтѣ.

Изъ всѣхъ Персіянъ посольства особенную любознательность обнаружили самъ Хозревъ-Мирза и Мирза-Салехъ. Тотъ и другой вели журналы, описывая все, что приходилось имъ встрѣтить замѣчательнаго при осмотрѣ названныхъ учрежденій. Обыкновенно, они отправлялись всюду въ сопровожденіи гр. Сухтелена, и вотъ нѣсколько замѣтокъ, сохранившихся въ его бумагахъ, о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя были вынесены Персіянами изъ осмотровъ.

«Послѣ обѣда ѣздили мы въ Академію Художествъ. По оплошности чиновниковъ, назначенныхъ г. президентомъ для встрѣчи посланника, дверь ея была заперта. Увидѣвъ сіе, я обратилъ вниманіе Мирзы на стоящія кругомъ лѣстницы статуи, такъ что, кажется, не далъ ему замѣтить, что его не ждали. Мирза-Салехъ удивлялся колоссальнымъ картинамъ въ конференцъ-залѣ, представляющимъ различные сюжетія Россійской исторіи, восхищался статуею консула Балбуса и прекрасными памятниками древности, наполняющими первую залу академіи. Съ любопытствомъ разсматривалъ онъ модель гранитной горы, на коей стоитъ монументъ Петра Великаго, съ изображеніемъ, какъ ее перевозили далѣе. Взирая на мозаическую картину Св. Павла, говорилъ, что искусство мозаическое извѣстно и въ Персіи, но, за незнаніемъ живописи, ограничивается бездѣлицами. Болѣе всего понравился посланнику бюстъ Государя Императора работы г. Мартоса, назна-

ченный для здѣшней биржи. Благодаря художника, Мирза примолвилъ, что нельзя, трудясь надъ изображеніемъ Его Величества, не сдѣлать его хорошо, но что императору Александру не нужны изваянія, ибо каждый носитъ образъ его въ сердцѣ. Въ немалое также восхищеніе привела его мастерская г. Егорова и особенно прекрасная сего художника картина Благовѣщенія».

«Въ адмиралтейскомъ музеѣ богатое собраніе морскихъ моделей было для него пріятнымъ зрѣлищемъ. Разбирая ихъ, Мирза разспрашивалъ о построеніи кораблей, объ успѣхахъ мореходства въ Россіи, о разныхъ телеграфахъ, и не съ ребяческимъ любопытствомъ, а съ желаніемъ человѣка образованнаго обогатить умъ свой новыми познаніями. Осмотрѣвъ внутренность сего зданія, посланникъ взошелъ на новостроющійся корабль, фрегатъ Эмдгейдъ, и, говоря о составныхъ его частяхъ, вдругъ спросилъ меня, сколько у насъ судовъ. Я хотѣлъ отвѣчать, что какъ главныя силы Россіи суть не морскія, а сухопутныя, то правительство, имѣя множество военныхъ судовъ въ запасѣ, не считаетъ нужнымъ, по мирнымъ отношеніямъ къ другимъ державамъ, имѣть ихъ вооруженными; а потому въ гаваняхъ нашихъ не находится въ готовности столько кораблей, сколько можно выставить, когда настанетъ въ томъ нужда. Но едва я началъ говорить, какъ Мирза, будто понявъ нескромность вопроса своего, прервалъ меня, сказавъ, что имѣетъ гдѣ-то у себя постороннее о семъ извѣстіе».

«Въ Пятницу обозрѣвали мы монетный дворъ и арсеналъ. Мирза, всегда имѣвшій склонность къ наукамъ естественнымъ и обучавшійся имъ въ Англіи, съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ химическія операціи для разложенія и очищенія металловъ. Обозрѣвая паровыя машины, удивлялся ихъ величинѣ, отдѣлкѣ и удобству, говоря, что нигдѣ не видалъ столь хорошо устроенныхъ; садился на полъ, чтобы лучше видѣть рубку и тисненіе монетъ и медалей. Взирая на станокъ для сихъ послѣднихъ, упомянулъ, что таковой же заведенъ и въ Персіи, но испортился и давно уже не въ дѣйствіи».

«Изъ монетнаго двора перешли мы въ соборъ Св. Петра и Павла. Подходя къ гробамъ Россійскихъ государей, посланникъ дѣлалъ вопросы, показывавшіе въ немъ нѣкоторое познаніе Россійской исторіи. При семъ не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ. Взошедши въ церковь, Мирза приблизился къ развѣшаннымъ по стѣнамъ знаменамъ и, какъ будто нарочно, къ тому мѣсту, гдѣ были Персидскія. Полагая, что видъ сей не можетъ быть ему пріятенъ, я старался отвлечь его вниманіе, показывая ему другіе достойные замѣчанія предметы; но посланникъ, примѣтивъ мое намѣреніе, сказалъ:

— Не мѣшайте мнѣ разсматривать потерянные нами трофеи.

— Вы можете утѣшаться, отвѣчалъ я, что у васъ есть много взятыхъ у другихъ народовъ.

— Но вашихъ немного, отвѣчалъ онъ съ серіознымъ видомъ.

«Не могу сказать достовѣрно, какое вліяніе произвело на посланника множество оружія, собраннаго въ арсеналѣ. По обыкновенію своему, онъ внимательно разсматривалъ машины для точенія и сверленія орудій, разспрашивалъ о способѣ обходиться съ пушками; но при видѣ разставленныхъ по обширнымъ заламъ орудій, ни одна черта не перемѣнилась въ лицѣ его: съ видомъ равнодушія спросилъ онъ о числѣ ихъ тутъ и потомъ ни слова не упоминалъ объ арсеналѣ».

Въ первомъ кадетскомъ корпусѣ особенное вниманіе посланника заняль музей, заключающій модели орудій, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ, съ разными ихъ принадлежностями, модели укрѣпленій, различнаго рода мостовъ, осадныхъ машинъ и проч. Не было ни одной модели, которой Мирза не разсмотрѣлъ бы со вниманіемъ, о которой не разспросилъ бы съ подробностію. Онъ присутствовалъ при разводѣ, посѣтилъ столовую и отвѣдывалъ кушанье воспитанниковъ.

Болѣе другихъ заведеній понравился Мирзѣ - Салеху горный корпусъ.

«Выше сказано—продолжаетъ гр. Сухтеленъ—что естественныя науки и механика суть любимыя его занятія.—«Я страстный обожатель природы», говорилъ онъ мнѣ не разъ. Тутъ дѣлали передъ нимъ разные химическіе опыты, показывали ему модели машинъ, употребляемыхъ въ рудокопняхъ, и каждая внимательно была разсмотрѣна. Вопросы его при семъ случаѣ были лучшимъ доказательствомъ ясныхъ его понятій отчасти и о горномъ искусствѣ».

Наконецъ, минеральный кабинетъ обратилъ все его вниманіе. Года полтара тому назадъ онъ въ Персіи ѣздилъ съ нѣкоторыми Англичанами отыскивать рудники, а потому и могъ судить объ ихъ произведеніяхъ. Надъ каждымъ металломъ, каждымъ камнемъ останавливался онъ по нѣскольку минутъ, требовалъ на все подробныхъ объясненій и, наконецъ, когда должно было оставить сей кабинетъ, сказалъ, обратясь ко мнѣ: «я охотно остался бы здѣсь день и ночь, единственно занимаясь разбираніемъ собранныхъ тутъ рѣдкостей».

«Равно для него было любопытно изображеніе въ хрустальныхъ трубкахъ обращенія крови въ человѣкѣ. Мирза, похваляя искусную отдѣлку, примолвилъ: «у насъ въ Персіи о семъ теченіи крови въ жилахъ не имѣютъ понятія и смѣются тому въ глаза, кто вздумалъ бы сіе утверждать».

«Чугунныя и стальныя издѣлія нашихъ заводовъ не мало удивляли его. Обозрѣвая ихъ, онъ сказалъ, что въ самой Англіи литейное искусство не доведено до такого совершенства».

«Наконецъ, искусственный рудникъ довершилъ восхищеніе посланника: каждая жила останавливала его и была поводомъ къ новымъ вопросамъ и новымъ объясненіямъ».

Предметомъ большаго любопытства была для Мирзы-Салеха литографія, а Хозреву-Мирзѣ это искусство такъ понравилось, что онъ потомъ взялъ съ собою въ Персію полную литографію и мастера-литографа. При осмотрѣ литографіи, принцъ написалъ на копировальной бумагѣ нѣсколько словъ по-персидски и свое имя по-французски; снимокъ съ этого автографа былъ отлитографированъ въ его присутствіи, къ большому его удовольствію.

Пока посольство находилось въ Петербургѣ, графъ Сухтеленъ былъ осаждаемъ просьбами разныхъ лицъ доставить имъ случай представиться Персидскому принцу или поднести ему свои произведенія. Такъ хлопоталъ представиться Хозреву графъ Моденъ. Нѣкто кавалеръ д'Арриги сочинилъ въ честь принца и приподнесъ ему анаграмму и сонеты на Латинскомъ и Итальянскомъ языкахъ. Какой-то Де-Колла, «шарлатанъ въ родѣ Каліостро» (такъ отзывается объ немъ гр. Сухтеленъ), просилъ Сухтелена посѣтить съ принцемъ Хозревомъ его «кабинетъ, удостоенный уже неоднократнымъ присутствіемъ многихъ высокихъ особъ и обильный очаровательными предметами». Придворный актеръ Иванъ Сибиряковъ и отставной поручикъ артиллеріи Машковъ поднесли посвященные принцу первый—стихи, а второй—поэму своего сочиненія. Сибиряковъ писалъ при этомъ, что его стихи «есть произведеніе человѣка, не получившаго образованія, но одареннаго только природною способностію къ поэзіи; человѣка, имѣвшаго счастіе подносить свои посвященія въ Бозѣ почивающему императору Александру I-му и удостоиться его вниманія, такожде блаженныя памяти императрицамъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ—и отъ обѣихъ заслужилъ награды и благоволенія... того человѣка, который имѣетъ на попеченіи престарѣлую мать, жену, троихъ дѣтей и троихъ родственниковъ! Мои стихи были написаны послѣ первой встрѣчи его высочества, но я не имѣлъ смѣлости, какъ представить ихъ. Ваше сіятельство изволили быть такъ милостивы, что одобрили усердіе товарища моего, Григорьева: это внушило и мнѣ рѣшимость...» и т. д. *).

---

*) Кто-то, за подписью Г., писалъ графу Сухтелену по поводу этого Сибирякова: „Мирза-Масудъ былъ такъ добръ, что позволилъ мнѣ прислать эту поэму Сибирякова, обѣщая поговорить о немъ принцу и постараться получить что-нибудь pour ce pauvre diable. Будьте добры, в. с—во, если найдете удобнымъ, приказать передать эту книгу Мирзѣ-Масуду. Можетъ быть, онъ успѣетъ въ этомъ добромъ дѣлѣ».

Н. И. Гречъ просилъ о представленіи принцу своей Русской Грамматики. Слѣдующее письмо Греча къ графу Сухтелену по этому поводу довольно любопытно:

«Милостивый государь графъ Павелъ Петровичъ! Препровождая при семъ къ вашему сіятельству два тома изданной мною Русской Грамматики на Французскомъ языкѣ, всепокорнѣйше васъ прошу представить оные, если сіе возможно, его высочеству принцу Хозревъ-Мирзѣ. Сіе будетъ для него тѣмъ занимательнѣе, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сей книги найдетъ доказательства одного происхожденія и сходства Русскаго языка съ Персидскимъ. Мнѣ хотѣлось было надписать на книгахъ, что подношу оныя его высочеству; но я удержался отъ того, боясь какъ-нибудь нарушить форму, предписанную этикетомъ и мнѣ неизвѣстную. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю честь пребыть, м. г., в. с—ва всепокорнѣйшій слуга Николай Гречъ. Августа 8-го 1829 г.».

Профессоръ И. В. Буяльскій поднесъ Хозреву-Мирзѣ свою книгу: «Анатомико-хирургическія таблицы, объясняющія производство операцій перевязыванія большихъ артерій». Книга была принята благосклонно, и авторъ просилъ позволенія отослать другія ея части прямо въ Персію на имя принца.

Нѣкто Ольга Лихарева поднесла вышитую подушку; дочь надворнаго совѣтника Елисавета Фауценъ — сафьянный шитый бисеромъ портфель; дѣвицы Безюкины—экранъ изъ цвѣтовъ. Живописцы Шульцъ и Кольманъ поднесли: первый—портретъ Государя, а второй—четыре своихъ рисунка. Аладьинъ, издатель «Невскаго Альманаха», поднесъ экземпляръ своего «Альманаха», а какой-то Доманевскій—стихи Персидскаго поэта Гафиза, положенные на музыку, съ Русскимъ ихъ переводомъ. Одинъ музыкантъ сочинилъ тріумфальный маршъ въ честь принца, партитуру котораго приподнесъ принцу. Маршъ этотъ разыгрывался въ Таврическомъ саду. Актеры Бобровъ и вдова Ботичелли изъ Итальянскаго театра поднесли билеты въ ложу на свои бенефисы. Всѣ эти лица получили подарки, за исключеніемъ Фауценъ и Кольмана, которымъ поднесенія ихъ были возвращены.

Находились желающіе ѣхать съ посольствомъ въ Персію. Такъ, г-жа Хитрова, дочь фельдмаршала Кутузова, просила гр. Сухтелена представить Хозреву-Мирзѣ состоявшаго гувернеромъ при ея воспитанникѣ *), Прусскаго офицера Шутца, который желалъ отправиться въ Персію съ цѣлію открыть тамъ Нѣмецкую школу.

*) Этотъ воспитанникъ былъ графъ Феликсъ Сумароковъ-Эльстонъ. П. Б.

III.

Болѣзнь Хозрева-Мирзы.—Объясненія Эмиръ-Низама съ гр. Сухтеленомъ.—Приготовленія къ отъѣзду.—Подарки розданные посольству.

11-го Сентября Хозревъ-Мирза заболѣлъ. Болѣзнь, вначалѣ незначительная, такъ что принцъ продолжалъ выѣзжать, потомъ усилилась и внушала серіозныя опасенія. Это было воспалительное состояніе кишокъ. Сначала принцъ ограничивался лѣченіемъ у своего врача, Мирзы-Бабы, но потомъ вынужденъ былъ обратиться къ помощи Петербургскихъ врачей, Англичанина Крейтона и доктора Арендта. Выздоровленіе шло медленно и окончательно наступило только 28-го Сентября.

Во время своей болѣзни Хозревъ-Мирза получилъ извѣстіе о болѣзни шаха и нездоровьи Аббаса-Мирзы. Извѣстія эти встревожили посольство. Эмиръ-Низамъ откровенно выражалъ гр. Сухтелену свои опасенія по этому поводу.

Шахъ—говорилъ Мегмедъ-Ханъ графу Сухтелену—давно близокъ къ смерти; онъ даже заказалъ себѣ гробницу и сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ мавзолеѣ, который долженъ покрыть его прахъ. Но онъ давно уже обманываетъ надежды Персидскаго народа: онъ все живетъ. Хотя при его царствованіи цивилизація насъ не коснется, но, по крайней мѣрѣ, при его жизни продолжится тотъ миръ, который послѣ него, вѣроятно, нарушится.

«Нездоровье наслѣднаго принца—пишетъ гр. Сухтеленъ въ своей замѣткѣ по случаю бесѣды съ Эмиръ-Низамомъ—нисколько его (Эмиръ-Низама) не безпокоитъ. Болѣзнь, которою Аббасъ-Мирза страдаетъ, происходитъ отъ невоздержности къ женщинамъ,—это обычная болѣзнь въ странѣ, и никто отъ нея не умираетъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ уже поправился. Если бы въ данную минуту шахъ, дѣйствительно, умеръ, или если бы его конецъ былъ близокъ, то Эмиръ-Низамъ не сомнѣвается въ возможности того, что Аббасъ-Мирза ранѣе всѣхъ другихъ соискателей захватитъ въ свои руки тронъ и сокровища шаха. Увѣренность въ поддержкѣ Россіи, если бы таковая потребовалась, есть, по мнѣнію Эмиръ-Низама, первое условіе того, чтобы вся Персія повиновалась Аббасу-Мирзѣ. Онъ опасается только, что тамъ не поторопятся разгласить о благопріятныхъ намѣреніяхъ Русскаго правительства (т. е. въ пользу Аббаса-Мирзы). Нѣсколько батальоновъ на границахъ, пять или шесть—самое большое (Эмиръ-Низамъ такъ ихъ располагаетъ: три въ новыхъ округахъ, Эривани и Нахичевани, и три въ Нижнемъ Араксѣ и Талышѣ) и нѣсколько дру-

жескихъ выраженій со стороны генерала Паскевича, кн. Долгорукова и начальства, командующаго на границахъ, были бы достаточны, чтобы это подтвердить. Аббасъ-Мирза располагаетъ 18-ю пушками [1]), но небольшимъ количествомъ войска. Въ особенности у него мало ружей, которыхъ мы отняли у него, какъ онъ говоритъ, болѣе 12,000; однако ни одинъ изъ принцевъ не могъ бы оказать ему такого вооруженнаго сопротивленія, котораго онъ не былъ бы въ силахъ преодолѣть, и всего вѣроятнѣе, что Русскимъ войскамъ даже не пришлось бы тронуться съ мѣста. Принцъ Али-Шахъ-Мирза, Тегеранскій губернаторъ, братъ Аббаса-Мирзы отъ одной матери, преданъ ему всецѣло. Али-Наги-Мирза, командующій въ Казбинѣ—его лучшій, испытанный другъ, который никогда его не выдастъ. Меликъ-Касимъ имѣетъ пребываніе въ Тавризѣ; онъ былъ воспитанъ Аббасомъ [2]) и хотя про-

---

[1]) Пушки эти были подарены Аббасу-Мирзѣ Государемъ Николаемъ Павловичемъ.

[2]) Въ особой запискѣ подъ заглавіемъ: *Братья Аббаса-Мирзы* графъ Сухтеленъ пишетъ:

„*Меликъ-Касимъ* — воспитанникъ Аббаса-Мирзы, которому шахъ подарилъ его въ раннемъ дѣтствѣ. Подарокъ сына есть знакъ большаго почета со стороны шаха, но обязываетъ тратиться на воспитаніе и будущее обезпеченіе царскаго питомца, отъ котораго его величество так. обр. отдѣлывается. Аббасъ-Мирза ничего не пожалѣлъ, чтобы хорошенько воспитать этого маленькаго брата, которому теперь должно быть 18 или 20 лѣтъ, но кажется, воспиталъ неблагодарнаго: онъ былъ даже вынужденъ отнять у него губернаторство въ Урміи вслѣдствіе тайныхъ происковъ Мелика, которые поселили сомнѣніе въ вѣрности послѣдняго къ брату и воспитателю".

Въ той-же запискѣ гр. Сухтеленъ дѣлаетъ слѣдующія замѣтки о нѣкоторыхъ изъ сыновей Аббаса-Мирзы, въ томъ числѣ и о Хозревѣ-Мирзѣ:

„Между сыновьями Аббаса-Мирзы надо замѣтить въ особенности слѣдующихъ:

„*Мегмедъ-Мирза*—вѣроятный наслѣдникъ престола, губернаторъ Карадага, имѣющій резиденцію въ Агарѣ, человѣкъ образованный, разсудительный, но необыкновенной для его возроста тучности, которая ему вредитъ. Онъ былъ нѣсколько часовъ нашимъ военноплѣннымъ въ Ардебилѣ, также какъ и слѣдующій"

„*Джангиръ-Мирза*, Ардебильскій губернаторъ, человѣкъ молодой, умный, страстный солдатъ, прекрасной наружности. Онъ только что вынесъ наказаніе отъ отца, будучи выставленъ внѣ дворца въ Тавризѣ на солнечномъ припекѣ, съ обнаженною головой, въ продолженіе двухъ часовъ,—за то, что онъ не съумѣлъ открыть виновника одного убійства, совершеннаго въ его провинціи. Послѣ наказанія онъ былъ отпущенъ, при чемъ съ него взято обѣщаніе быть менѣе небрежнымъ. Хозревъ-Мирза, узнавъ въ бытность въ Петербургѣ объ этой немилости, постигшей Джангира, заперся и плакалъ нѣсколько часовъ. Они братья отъ одной матери".

„*Байрамъ-Мирза*, комендантъ крѣпости Хои".

„*Филейдунъ-Мирза*, комендантъ въ Харуси. О немъ хорошо отзываются. Онъ красивъ собою; но, будучи сыномъ невольницы, онъ во всемъ будетъ уступать своимъ братьямъ".

„*Хозревъ-Мирза*—любимый сынъ Аббаса-Мирзы, воспитанный подъ его надзоромъ, статсъ-секретарь для внѣшнихъ сношеній".

„Въ гаремѣ находится еще нѣсколько сыновей Аббаса-Мирзы, но они не имѣютъ еще, на сколько мнѣ извѣстно, общественнаго значенія и не занимаютъ никакихъ государственныхъ должностей".

говорился (послѣ того, какъ лишили его управленія Урміею), что онъ тутъ для того только, чтобы глодать кости послѣ своего великаго брата, однако онъ не внушаетъ опасенія и могъ бы быть развѣ тайнымъ врагомъ. Принцу, который живетъ въ Испагани, только 12 лѣтъ. Карадагъ, Агаръ, Ардебиль и Хоя находятся въ рукахъ сыновей Аббаса-Мирзы, въ которыхъ онъ увѣренъ. Остается единственный и самый опасный претендентъ, это — Гассанъ-Али-Мирза, губернаторъ Хорасана, человѣкъ предпріимчивый, жестокій, котораго всѣ боятся и немногіе любятъ. Смуты, происшедшія во время его пребыванія въ . . . . (точки въ подлинникѣ) заставили его избрать другое мѣстопребываніе, въ сторону къ Испагани. Во всякомъ случаѣ онъ дальше отъ Тегерана, чѣмъ Аббасъ-Мирза, и если бы онъ даже предупредилъ Али-Шаха-Мирзу, то Тегеранскій губернаторъ будетъ настолько силенъ, чтобы отстаивать въ продолженіе нѣсколькихъ дней столицу и права̀ своего брата. Эмиръ-Низамъ полагаетъ, что Аббасъ-Мирза желалъ бы вступить на престолъ мирно, безъ покушенія на жизнь своихъ братьевъ и не лишая ихъ владѣній, хотя онъ рѣшилъ отнять у нихъ впослѣдствіи управленіе провинціями, когда обстоятельства будутъ тому благопріятствовать».

«Слухъ, который дошелъ до Персіянъ—такъ заканчиваетъ свою замѣтку графъ Сухтеленъ — о возвращеніи генерала Паскевича въ Европу, какъ только окончится война *), и что армія возвратится въ предѣлы Россіи, интересуетъ ихъ въ высшей степени, не потому, чтобы они жалѣли о человѣкѣ, котораго такъ боятся, но потому, что опасаются назначенія другаго, который будетъ враждебно относиться къ Персіи».

Вслѣдъ за выздоровленіемъ принца въ посольствѣ начались приготовленія къ отъѣзду. 6 Октября, въ 11 часовъ утра въ зимнемъ дворцѣ Хозреву-Мирзѣ была дана приватная прощальная аудіенція. Съ этого дня отъѣздъ останавливался только ожиданіемъ ѣхавшаго изъ Персіи курьера, который могъ привезти отъ Аббаса-Мирзы какія-либо новыя приказанія. Впрочемъ, ожиданіе курьера служило, повидимому, только предлогомъ замедлить отъѣздъ, такъ какъ Хозревъ, не исполнившій еще нѣкоторыхъ порученій своего отца объ исходатайствованіи у нашего правительства разныхъ милостей, долго не могъ собраться съ духомъ начать свое ходатайство, сознавая, что къ Персіи и безъ того были слишкомъ снисходительны. Послѣ прощальной аудіенціи онъ имѣлъ еще нѣсколько свиданій съ вицеканцлеромъ.

*) Съ Турціею. М. Р.

Передъ отъѣздомъ посольству были розданы богатые подарки. Принцу Хозревъ-Мирзѣ былъ пожалованъ брилліантовый орелъ для ношенія на груди, Эмиръ-Низаму орденъ Бѣлаго Орла, Мирзѣ-Масуду перстень съ солитеромъ въ 6 тысячъ рублей, Мирзѣ-Салеху—перстень съ изумрудомъ въ 5 тыс. руб., Мирзѣ-Бабѣ—перстень въ 4 тыс. руб.; дядькѣ принца, Гуссейнъ-Али-Беку—перстень и золотая медаль на голубой лентѣ, съ надписью. Мирза-Масудъ и Семино́, какъ участвовавшіе въ качествѣ коммиссаровъ въ проведеніи границы между Россіею и Персіею по Туркманчайскому договору, получили, кромѣ всѣхъ другихъ подарковъ, первый—1.000 червонцевъ, а второй—500 черв. и орденъ Св. Анны 2 класса. Поэту Фазиль-Хану, за поднесенную имъ Государю оду своего сочиненія, были пожалованы золотые часы стоимостью въ 800 рублей и брилліантовый перстень.

10 Октября, при посѣщеніи Хозревомъ-Мирзою императорскихъ фарфороваго и хрустальнаго заводовъ, ему было поднесено болѣе 200 разныхъ роскошныхъ фарфоровыхъ и хрустальныхъ вещей и издѣлій изъ опала. Тутъ были: портретъ Государя Императора, фарфоровыя вазы съ портретами цесаревича Александра Николаевича и самого Хозрева-Мирзы, расписанные по-китайски золотомъ и красками, умывальники, чаши, тарелки, корзины, чайные и столовые приборы изъ граненаго хрусталя, зеркала, подсвѣчники, лампы, фонари и проч. Портретъ принца на вазѣ отличался, вѣроятно, полнымъ сходствомъ, такъ какъ рисовавшему его художнику императорскихъ заводовъ Голову, по просьбѣ директора заводовъ Пенскаго, предварительно былъ доставленъ гр. Сухтеленомъ случай видѣть Хозрева-Мирзу и, кромѣ того, художникъ руководствовался портретомъ принца, писаннымъ масляными красками.

Эмиръ-Низамъ получилъ свыше ста фарфоровыхъ и хрустальныхъ издѣлій въ томъ же родѣ; въ такомъ же количествѣ и такого же рода вещи были розданы и прочимъ болѣе важнымъ лицамъ посольской свиты, а девять младшихъ чиновниковъ посольства получили каждый по 30 вещей, состоявшихъ изъ кальяновъ, графиновъ, стакановъ, кружекъ, зеркалъ и проч. Всего фарфоровыхъ и другихъ издѣлій съ императорскихъ заводовъ было роздано посольству болѣе 840 штукъ.

Хозреву-Мирзѣ очень понравились Китайскія куклы, находившіяся въ занимаемыхъ имъ комнатахъ Таврическаго дворца. Узнавъ объ этомъ, Государь соизволилъ на отдачу принцу двухъ куколъ, по выбору самаго принца. Гр. Сухтеленъ разсказываетъ, что когда Хозреву предложили сдѣлать выборъ, «онъ въ продолженіе трехъ дней находился въ нерѣшительности и совѣтовался съ своими бородачами (barbes), какія куклы ему выбрать».

12 Октября были доставлены къ графу Сухтелену отъ директора Азіатскаго департамента Родофиникина, при подробномъ реестрѣ, для врученія посольству 911 аршинъ бархату, сукна и атласу, 283 арш. флёру, кисеи, ситцу и коленкору, 21 хорьковый мѣхъ, цѣною отъ 175 до 250 руб. за штуку, 5 мѣховъ горностаевъ, по 500 руб. каждый, и 30 бѣличьихъ мѣховъ. Принцу было дано пять горностаевыхъ мѣховъ и столько же хорьковыхъ и бѣличьихъ. Лучшіе бархатъ и сукно цѣнились по 34 руб. за арш., атласъ по 4 руб., кисея и ситецъ по 3 руб. Всего матерій и мѣховъ было подарено на 23.864 руб. 75 к.

Изъ депо картъ было отпущено для подарка принцу и его свитѣ по 6 экземпляровъ атласа всѣхъ частей свѣта, Carte Géorgie [1]) d'une partie de la Perse, почтовой карты Россіи, эстамповъ перехода черезъ Нѣманъ и молебствія въ Парижѣ и 6 штукъ буссолей (компасовъ).

Свитѣ принца были розданы кромѣ того денежные подарки: Мирзѣ-Масуду и Мирзѣ-Салеху по 1000 червонц., Мирзѣ-Бабѣ 500 черв., Гуссейнъ-Али-Беку, Мирзѣ-Таги, Мирзѣ-Джафару и Мирзѣ-Багиру по 300 черв., Мирзѣ-Агѣ-Мушрифу, Фазиль-Хану, Али-Ашрефу-Беку и Семино по 250 черв., Джафаръ-Беку и Наурузъ-Беку по 150. Прислугѣ принца и его свиты было назначено, для раздачи по распредѣленію Эмиръ-Низама, 1000 червонцевъ, изъ которыхъ 200 были выданы учителю принца, Маньяго [2]).

IV.

Отъѣздъ посольства изъ Петербурга.—Пребываніе въ Москвѣ и Тулѣ на обратномъ пути.—Выписки изъ секретнаго журнала посольства.—Выписки изъ писемъ генерала Ренненкампфа.

17 Октября въ часъ пополудни посольство выѣхало изъ Петербурга. За нѣсколько минутъ до отъѣзда, къ Хозреву-Мирзѣ прибылъ гр. П. В. Кутузовъ [3]) и отъ имени Государя Императора пожелалъ ему благополучнаго путешествія. При самомъ выѣздѣ посольства изъ дворца находился губернаторъ, а оберъ-полицеймейстеръ проводилъ принца до шлагбаума. Въ этомъ и заключались всѣ почести проводовъ.

---

[1]) Грузія. М. Р.

[2]) По поводу этой раздачи въ бумагахъ графа Сухтелена находится слѣдующая анонимная записка:

„Его сіятельство графъ Сухтеленъ извѣщается, что два служителя Мирзы-Масуда и одинъ Мирзы-Салеха были исключены изъ числа ихъ товарищей и, слѣдственно, лишены подарка, который Его Императорское Величество повелѣлъ выдать. Надо надѣяться, что его сіятельство пожелаетъ принять мѣры къ тому, чтобы эта несправедливость была устранена“. На запискѣ рукою графа Сухтелена написано карандашомъ: „Это была правда. Персидскій раздаватель хотѣлъ воспользоваться, Хозревъ узналъ объ этомъ. Было (секретно) битье по подошвамъ; расправа была учинена..... надъ жалобщиками....“ М. Р.

[3]) Тогдашній Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ. П. Б.

Обратное путешествіе посольства совершилось опять въ сопровожденіи генерала Ренненкампфа.

Доѣхавъ до Москвы въ послѣднихъ числахъ Октября, Хозревъ-Мирза пробылъ здѣсь до 7 Ноября. Отсюда 28 Октября принцъ и Эміръ-Низамъ писали къ графу Сухтелену.

Подробности пребыванія посольства въ Москвѣ на обратномъ пути и нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ путешествіи изложены въ имѣющейся въ бумагахъ графа Сухтелена выпискѣ изъ секретнаго журнала посольства и въ отрывкахъ изъ писемъ ген. Ренненкампфа, которые мы и приводимъ здѣсь сполна.

Заглавіе «выписки» таково: «Выписка изъ секретнаго журнала Персидскаго чрезвычайнаго посольства обратно изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ 1829 года. Въ сопровожденіи свиты Его Императорскаго Величества г. генералъ-маіора Ренненкампфа».

Далѣе слѣдуетъ текстъ выписки, писанной по-русски и обнимающей время съ 31 Октября по 11-е Ноября.

31 Октября.

Персидское чрезвычайное посольство было приглашено на обѣдъ къ кн. Юсупову, на которомъ были также княгини Голицына и Щербатова. По окончаніи обѣда кн. Юсуповъ пригласилъ гостей въ домашній свой театръ, на коемъ его актрисы, показавъ сперва свое искусство въ пѣніи, дали потомъ небольшой балетъ, который принцу довольно понравился. Послѣ сего въ 9 часовъ по полудни принцъ изволилъ отправиться съ первыми 4-мя своими чиновниками на вечеръ къ г-жѣ Дмитріевой, гдѣ участвовалъ въ тѣхъ же играхъ, кои ему столь понравились при дворѣ во время пребыванія его въ Царскомъ Селѣ.

1 Ноября.

Персидское посольство было на большомъ обѣдѣ у князя Сергѣя Михайловича Голицына, а вечеромъ на балу у графини Бобринской, откуда его высочество возвращаясь домой, изъявилъ желаніе въ первый разъ прокатиться въ санкахъ. Ночь была лунная, погода самая тихая, и сія прогулка столько понравилась принцу, что уже въ 3 часа по полуночи изволилъ прибыть онъ къ себѣ на квартиру.

2 Ноября.

Его высочество Хозревъ-Мирза изволилъ у себя дать обѣдъ на 60 особъ, имена коихъ означены въ особенно приложенномъ у сего спискѣ *). За каждымъ Европейскимъ блюдомъ слѣдовало другое, Пер-

*) Списка этого въ бумагахъ графа Сухтелена нѣтъ. М. Р.

сидское, которыя показались всѣмъ довольно вкусными. Пріятное и ласковое обращеніе принца съ каждымъ изъ присутствовавшихъ, его веселость и разговорчивость понравились всѣмъ чрезвычайно. За столомъ его высочество предложилъ тосты: первый за здравіе Государя Императора и Государыни Императрицы, второй за здравіе всей августѣйшей императорской фамиліи, на которые г. главнокомандующій князь Голицынъ отвѣтствовалъ предложеніемъ тостовъ за здравіе его величества шаха, наслѣдника Персидскаго престола и самого его высочества. Вечеромъ былъ его высочество у князя Хованскаго, гдѣ впрочемъ недолго изволилъ оставаться.

3 Ноября.

Посѣтилъ его высочество государственный архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ изволилъ долго разсматривать древнія грамоты Россійскія, Турецкія и Персидскія и, удивляясь немало отличному почерку послѣднихъ, замѣтилъ, что въ Персіи нынѣ не могутъ писать столь красиво, а что за каждую таковую грамоту большія дали бы деньги. Изъ архива его высочество изволилъ отправиться въ Армянское училище Лазаревыхъ, гдѣ привѣтствовали его воспитанники приготовленными рѣчами на трехъ языкахъ: Татарскомъ, Армянскомъ и Французскомъ. Вечеромъ его высочество былъ на балу у г. главнокомандующаго князя Голицына, но, почувствовалъ усталось и круженіе головы, скоро оставилъ оный.

4 Ноября.

Его высочество изволилъ откушать у себя и до 7 часовъ пополудни не выѣзжалъ никуда. Вечеромъ былъ на концертѣ въ залѣ Московскаго благороднаго собранія, даннымъ семействомъ г. Контскаго, имѣвшимъ счастіе въ С.-Петербургѣ въ присутствіи Государыни Императрицы показать свое искусство.

5 Ноября.

Приготовясь къ отъѣзду изъ Москвы и желая сколько возможно облегчить дальнѣйшее наше путешествіе, рѣшился я*) для тягостей и излишнихъ вещей, которыя посольству не столь нужны могутъ быть въ дорогѣ, нанять извощиковъ для доставленія ихъ въ Тифлисъ, чрезъ что̀ самое можно было бы уменьшить число обывательскихъ лошадей, выставляемыхъ на каждой станціи. Почему, объявивъ о семъ Персидской миссіи, заключилъ я контрактъ съ однимъ подрядчикомъ, въ которомъ обязался онъ всѣ оныя тягости по 10 рубл. съ пуда доставить въ Тифлисъ. Но, не смотря на то, что вышло до 500 пудовъ, отправленныхъ мною съ онымъ подрядчикомъ, число повозокъ немногимъ

*) Пишетъ, вѣроятно, генералъ Ренненкампфъ. М. Р.

уменьшилось, ибо Персіяне во время пребыванія своего въ Москвѣ столько закупили себѣ разнаго рода вещей, что безъ сего средства я приведенъ бы былъ въ большія затрудненія и рѣшительно не зналъ бы, на чемъ поднять оныя.

Его высочество изволилъ принять въ часъ по полудни ординарцевъ и вѣстовыхъ и, откушавъ чай вмѣстѣ съ г. Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ кн. Голицынымъ, отправился осмотрѣть пивоваренный заводъ купца Даніельсона. Производство пивоваренія показалось ему столь легкимъ, что не находилъ никакого затрудненія завести оное въ Тавризѣ. Онъ немало равнымъ образомъ удивлялся чистотѣ, порядку, огромному и красивому заведенію, назначенному для сей промышленности. По осмотрѣніи завода онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ хозяйку онаго и принялъ приглашеніе ея выпить чашку чаю. Послѣ сего пожелалъ онъ осмотрѣть находившуюся по близости отъ завода фабрику шелковыхъ издѣлій купцовъ Рогожиныхъ. Совершенство, до коего доведена у насъ нынѣ въ Россіи (сія) отрасль промышленности, нисколько не уступающая въ издѣліяхъ своихъ иностраннымъ, крайне его изумила. Онъ много разспрашивалъ о цѣнѣ, въ которую обходятся фабриканту самому сіи издѣлія, разчисливъ выгоду, какую онъ отъ нихъ получить можетъ, и чрезмѣрно изумлялся, почему Англійскія и Французскія шелковыя матеріи столь дорого продаются въ Персіи. Взошедши въ контору, съ удовольствіемъ онъ услышалъ, что большая часть шелку употребляемаго на сей фабрикѣ получается изъ Персіи подъ именемъ Команскаго, который, послѣ Италіянскаго, наиболѣе уважается въ Россіи. При выходѣ принца изъ сей фабрики, купцы Рогожины, желая сохранить въ немъ воспоминаніе объ оной, поднесли ему образцики лучшихъ своихъ издѣлій. Послѣ обѣда его высочество изволилъ сдѣлать визитъ княгинѣ Голицыной, откуда вечеромъ отправился въ театръ.

6 Ноября.

Его высочество, изволивъ встать въ 11 часовъ, отправился въ ванну. Во второмъ часу пополудни посѣтили его г. Московскій военный генералъ-губернаторъ и кн. Юсуповъ. Послѣ обѣда изволилъ онъ въ каретѣ прогуливаться по городу. Вечеромъ былъ въ театрѣ, откуда потомъ изволилъ отправиться къ дѣйств. статск. совѣтнику Булгакову *), у коего оставшись на ужинъ, возвратился на квартиру уже въ 2 часа по полуночи.

*) Московскому почтдиректору. П. Б.

7 Ноября.

Его высочество, изволивъ раздать награды находившимся при немъ во время пребыванія его въ Москвѣ чиновникамъ и придворной прислугѣ, отправился въ часъ пополудни къ г. главнокомандующему кн. Дмитрію Владимировичу Голицыну, откуда, позавтракавъ, прямо уже отправился въ дорогу. Прощаясь съ кн. Голицынымъ, его высочество, будучи чрезмѣрно растроганъ, съ трудомъ могъ удержать слезы, готовыя показаться изъ глазъ его; но едва сѣлъ только въ карету, какъ далъ полную волю онымъ. Эмиръ-Низамъ, сидѣвшій съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ, началъ было смѣяться надъ его слабостію, но тѣмъ болѣе еще растрогалъ и заставилъ его признаться, сколь пріятно ему было сообщество кн. Дмитрія Владимировича и сколь тронутъ онъ былъ ласковымъ обхожденіемъ его супруги.

Въ Подольскѣ его высочество, снова будучи встрѣченъ гг. дѣйств. статск. совѣтниками Булгаковымъ и Гедеоновымъ, поблагодарилъ ихъ за сіе вниманіе чувствительнѣйшимъ образомъ и просилъ по возвращеніи ихъ въ Москву доставить къ нѣкоторымъ лицамъ отъ него подарки.

8 Ноября.

Изъ Подольска его высочество изволилъ выѣхать въ 9 часовъ утра. На первой станціи, Лопаснѣ, нашелъ онъ въ одномъ, нарочно убранномъ для сего случая домѣ, хорошій завтракъ, приготовленный для него г. тайн. совѣтн. Нащокинымъ. Многія дамы изъ сосѣдственныхъ мѣстъ, какъ-то семейства: Васильчикова, Гурьева и дѣти Нащокина, желавшія видѣть принца, находились при ономъ. Сіе столь понравилось его высочеству, что, пробывъ на сей станціи болѣе обыкновеннаго, изволилъ сказать, что онъ не иначе можетъ почитать сіе путешествіе, какъ пріятною для себя прогулкою. На сей станціи его в—во обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить прибывшему во время завтрака въ оное мѣсто одному знакомому Англійскаго доктора Кормика, г. Меньяну, ѣдущему съ своимъ семействомъ въ Тифлисъ, слѣдовать вмѣстѣ съ посольствомъ. Видя, что сіе желаніе принца непремѣнно и не находя причины отказать ему въ ономъ, тѣмъ болѣе, что означенная особа будетъ отъ себя платить прогонныя деньги, принужденъ я былъ на сіе согласиться.

По прибытіи нашемъ въ гор. Серпуховъ, гдѣ назначено имѣть ночлегъ, узналъ я отъ адъютанта Московскаго военн. ген.-губернатора лейбъ-гвардіи поручика кн. Щербатова, что рѣка Ока уже стала и безъ всякой опасности можно намъ будетъ завтра переправиться; но, желая самъ лично въ семъ увѣриться, отправился я къ оной и выбралъ для переправы одно мѣсто въ 5-ти верстахъ отъ города, гдѣ ледъ показался мнѣ болѣе надежнымъ.

9 Ноября.

Въ 7 час. утра, давъ приказаніе переправить напередъ пустые экипажи для большей безопасности, выѣхали мы изъ Серпухова на санкахъ, на коняхъ и переправились благополучно черезъ рѣку. Самъ же его высочество съ первыми четырьмя особами пожелалъ перейти оную пѣшкомъ. На второй станціи, Вошанѣ, гдѣ останавливались мы для обѣда, его высочество почувствовалъ было боль въ животѣ, но оная скоро потомъ миновалась.

Въ 8 часовъ пополуночи изволилъ прибыть его в—во въ Тулу и былъ встрѣченъ на своей квартирѣ г. гражданскимъ губернаторомъ, генералъ-лейтенантомъ Штаденомъ и прочимъ мѣстнымъ начальствомъ.

10 Ноября.

Его высочество изволилъ встать въ 10 часовъ, отправился въ приготовленную въ его квартирѣ баню; по выходѣ изъ оной, принималъ мѣстное начальство, ординарцевъ и вѣстовыхъ. Мирза-Масудъ, Мирза Салехъ, капитанъ Семинò и г. Маньягò, получивъ приглашеніе на обѣдъ отъ г. статск. сов. Мазаровича, отправились къ нему въ саняхъ, въ сопутствіи кол. ассесора Шаумбурга, въ деревню Болговъ, отстоящую отъ Тулы въ 13 верстахъ, откуда къ 6 часамъ пополудни возвратились назадъ. Прочіе чиновники посольства занимались сей день покупкою для себя ружей, пистолетовъ и другихъ стальныхъ вещей. Вечеромъ его высочество изволилъ отправиться на балъ въ благородное собраніе, на которомъ впрочемъ недолго оставался.

Извлеченіе изъ писемъ ген.-маіора Ренненкампфа мы приводимъ также дословно.

«*12 Марта* *) онъ сопровождалъ Хозревъ-Мирзу до Аракса. Потомъ находился при фельдмаршалѣ въ экспедиціи противъ Джаровъ. Онъ препровождаетъ свѣдѣнія о Восточныхъ нарѣчіяхъ, которыя имъ собраны по желанію барона Гумбольдта, прося о доставленіи оныхъ, если послѣдуетъ на то соизволеніе начальства. Далѣе пишетъ, что Аббасъ-Мирза выѣхалъ изъ Тавриза на охоту единственно во избѣжаніе посѣщенія трехъ женъ шаха, ѣдущихъ въ Мекку, и чтобы не быть вынужденнымъ приносить симъ дамамъ богатые подарки. Онъ полагаетъ, что князь Долгорукой выѣхалъ въ Ширазъ по приглашенію шаха».

«*27 Марта.* Весна въ Грузіи прекраснѣйшая. Фельдмаршалъ, получивъ извѣстіе о скоромъ выѣздѣ Его Императорскаго Величества въ Варшаву, отмѣнилъ свой выѣздъ въ С.-Петербургъ и приказалъ

*) 1830 года.

возвратить въ Тифлисъ экипажи и вещи, которые уже были отправлены впередъ. Мы въ скоромъ времени полагаемъ быть готовыми для новой экспедиціи къ сторонѣ Кубани, а на лѣто соберемся на горячія воды, гдѣ въ семъ году ожидаютъ много посѣтителей. Чума въ провинціяхъ нашихъ на линіи вовсе прекратилась. По письму, отъ Мирзы-Масуда полученному, Хозревъ-Мирза имѣлъ выѣхать 15 Марта въ Ширазъ, куда и Мирза-Масудъ сопровождаетъ его, по волѣ шаха».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо Хозрева-Мирзы къ графу Сухтелену.

Сіятельнѣйшій графъ, любезнѣйшій другъ! По истинѣ, разлука съ вами весьма ощутительна. Безпокойства ваши по должности пристава при мнѣ и взаимная ваша дружба были слишкомъ очевидны. Почему, при настоящемъ отправленіи курьера, привязанность, любовь моя къ вамъ заставляютъ взять перо и привести на память пріятное время, нами проведенное.

Съ курьеромъ симъ прислано мнѣ двѣ стклянки самыхъ лучшихъ духовъ, которыя, ежели бы не было противно приличію, я бы желалъ черезъ васъ, любезнаго моего друга, представить въ даръ Ея Императорскому Величеству, или кому вамъ самимъ угодно будетъ. Впрочемъ, надѣюсь, что вы сохраните меня въ своей памяти и будете увѣдомлять о всѣхъ своихъ обстоятельствахъ, что̀ доставитъ большое удовольствіе. (*На оборотѣ въ печати* :) Хозревъ-Мирза.

1245 года.
1829 Октября 28 дня.

P. S. Я обѣщался, любезнѣйшій другъ, подарить (?) саблю, но по случаю отъѣзда позабылъ; теперь, препровождая ее, прошу васъ принять трудъ доставить.

II.

Письмо Эмиръ-Низама къ графу Сухтелену.

24-го Октября, получивъ курьера*), мы озарены были сіяніемъ столицы великаго государства Иранскаго. При отправленіи настоящаго курьера я вмѣнилъ себѣ въ обязанность искреннѣйшей дружбы увѣдомить, что любезное вашего сіятельства обращеніе и заботливая попечительность во время нашего въ Петербургѣ пребываніи не только никогда не истребятся изъ моей памяти, но единая благодарность и похвалы будутъ залогомъ признательныхъ чувствованій. И отъ дружбы вашего сіятельства про-

*) Изъ Персіи. М. Р.

шу единственно радовать меня пріятными письмами въ знакъ вашего ко мнѣ памятованія. Не смотря, однакоже, на возвращеніе наше, по связямъ съ опытными и мудрыми вельможами государства Россійскаго, сердце и мысли мои, чувствующія вполнѣ одолженія, стремятся къ вамъ. При семъ убѣдительнѣйше и покорнѣйше прошу ваше сіятельство засвидѣтельствовать предъ Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею, что благодѣянія и щедроты ихъ величествъ, изліянныя на принца, онъ сохранитъ по конецъ своей жизни, будетъ навсегда гордиться ими и возсылать мольбы объ ихъ благоденствіи.

Въ заключеніе прошу васъ вручить отъ имени принца Англичанину, находившемуся при лѣченіи его по высочайшему повелѣнію, одну шаль—термя, а другую—переводчику Мирзѣ-Джагфару. Обѣ онѣ отправлены съ курьеромъ Баба-Бекомъ, и вы, по расположенію вашему, не откажетесь принять трудъ доставить помянутымъ лицамъ.

28 Октября
1829.

III.

Сіятельнѣйшій графъ, любезнѣйшій другъ! Въ день отъѣзда нашего изъ Петербурга по многимъ различнымъ занятіямъ нѣкоторыя особы были забыты; а потому его высочество тѣмъ, которыхъ онъ припомнилъ, съ настоящимъ курьеромъ Баба-Бекомъ отправилъ подарки: генералу-начальнику стекольнаго завода и генералу Аделунгу, коего сынъ погибъ въ возмущеніи въ Тегеранѣ, по одной шали, и еще генералу (?), коему, вмѣсто шали, 40 червонныхъ, прося извиненія за всѣ безпокойства имъ причиненныя. Впрочемъ, поручая себя искренней дружбѣ и памяти, прошу не лишать увѣдомленія о себѣ.

P. S. Мирза-Салехъ и Мирза-Масудъ свидѣтельствуютъ свою благодарность и высокопочитаніе

Октября 28 дня.

Перевелъ съ Персидскаго надворный совѣтникъ и кавалеръ Януарій Ярцовъ *).

IV.

Переводъ оды сочиненной Персидскимъ поэтомъ Фазиль-Ханомъ въ честь государя императора Николая Павловича.

О, царь великодушный! Ты, у коего на стражѣ стоятъ цари, подобные Александру, коего дворъ исполненъ Даріями! Царь царей міра, пове-

*) Подлинники писемъ, писанные по-персидски, имѣются въ бумагахъ гр. Сухтелена. На письмѣ Хозрева-Мирзы красная сургучная печать, а на конвертѣ, послѣ адреса, писаннаго по-персидски, прибавлено по-русски нетвердымъ и неразвитымъ почеркомъ: „Другу моему графу Сухтилину". Переводъ Ярцова мы привели дословно. Кому принадлежитъ третье письмо—неизвѣстно, но надо полагать, что оно отъ Эмиръ-Низама. М. Р.

литель духовъ и людей! Звѣзда, подъ которою ты родился подобно Гумаю [1]) основана на престолѣ счастія; златыя крылья осѣняютъ тебя какъ симурга [2]), престолъ твой возвышенъ какъ Кафъ [3]); твое величіе какъ тѣнь Бога, твоя добродѣтель блещетъ какъ солнце.

Ты повелитель временъ. Твои собратія омываютъ главы свои пылью вратъ твоихъ. Великій, подобный Солейману! Вѣнценосцы гордятся тѣмъ, что преклонили главы свои на прахъ твоего порога. Дворецъ твой—вселенная; алтарь лица твоего подобенъ Меккѣ, предъ которою всѣ преклоняютъ колѣна; твое рѣшеніе есть рѣшеніе судьбы всемогущей, повелѣнія твои суть главы въ книгѣ предопредѣленія. Твое величіе гремитъ въ предѣлахъ вселенной; солнце—вѣнецъ твой, тронъ—сводъ небесный. Твоимъ правосудіемъ пожигается коварство; справедливость твоя освѣщаетъ міръ, гнѣвъ твой страшенъ какъ преисподняя; твое благоволеніе порождаетъ счастливцевъ.

Солейманъ нашихъ временъ! Солнце нашего вѣка! Ты служишь украшеніемъ вѣнцу и престолу, украшеніемъ блеску и величію. Но сравнивать тебя съ Солейманомъ еще не есть говорить о твоей славѣ, — нѣтъ! Міръ со всею пышностью и со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ есть лишь меньшій изъ твоихъ подданныхъ. Не только міръ тебѣ подвластенъ, но даже Паскевичъ, возжегшій такой огонь на землѣ, что рыба, на коей она основана, ищетъ убѣжища, что луна ищетъ, гдѣ бы укрыться. Ты блестящій перлъ изъ рудниковъ блаженства, ты драгоцѣнный алмазъ изъ моря царей царствующихъ. Низведи благосклонный взоръ на Фазиля Шейду, съ униженностью стоящаго предъ твоими чертогами, прахомъ дверей которыхъ всѣ смертные отираютъ глаза свои! Хотя Фазиль не оказалъ еще тебѣ никакой услуги, но по великодушію своему пріими его въ число рабовъ твоихъ. Онъ подобенъ муравью, который гордится тѣмъ, что принесъ во дворецъ Солеймана часть ноги кузнечика [4]). Онъ ропщетъ на превратность судьбы: дай способъ воспротивиться ей, или укажи ему дверь другаго могущества твоему подобнаго. Но что́ говорю я? Да наполнятся прахомъ уста мои! Неужели таковая дверь существуетъ? Солнце неба величія! Такія слова не могутъ быть произнесены. Пока небо стоитъ неподвижно, пока земля обращается, ты будешь служить осью земли, солнцемъ и мѣсяцемъ небу; счастіе твое неподвижно какъ небо, твердыня твоей славы будетъ блестѣть подобно тверди лазурной.

Двѣ красоты отличаютъ стихи мои, какъ мускусъ душистый: первая, что въ нихъ, хотя не во многихъ словахъ, но выражена часть твоего достоинства; вторая—то, что я не льстилъ тебѣ, какъ льстили другіе поэты другимъ государямъ. Но во всемъ, что́ я сказалъ, правда; нѣтъ ни слова

[1]) Гумай—баснословная птица, соотвѣтствующая фениксу.

[2]) Симургъ—тоже птица, имѣющая золотыя крылья.

[3]) Кафъ—высочайшая гора въ свѣтѣ.

[4]) Восточное преданіе.

лживаго. Стихи сіи чистотою и простосердечіемъ равны Дѣвѣ Маріи. Отъ пламени твоего справедливаго гнѣва въ пепелъ обращены вертепы возмущеній, и поле надеждъ орошено каплями дождя твоей щедрости.

О средоточіе неба! Солнце и луна всякое утро и вечеръ омываютъ очи прахомъ дверей твоихъ: какъ же мнѣ не омыть лица своего симъ прахомъ, душистымъ какъ мускусъ?

V.

Изъ стиховъ графа Хвостова, посвященныхъ Фазиль-Хану-Шейдѣ по случаю воздухоплаванія Робертсона, на которомъ автору случилось быть съ Персидскомъ поэтомъ, 1829 Августа 19 дня.

Не умолчитъ правдивое потомство
Высокихъ душъ прямое благородство
И огласитъ, остепеня молву,
Что Внукъ Царевъ державнаго Востока,
Едва узрѣлъ седмьхолмную Москву,
Средь быстраго любви и чувствъ потока,
Искалъ въ ней мать—печальную жену,
И лѣтъ числомъ, и горемъ удрученну.
Онъ, оцѣня потерю драгоцѣнну,
Съ родившею тоски ея вину
О сынѣ [1]) скорбь, рыданье раздѣляетъ
И слезъ потокъ, сострадя, отираетъ.
Уныніе, печаль, души яремъ,
Является отрадъ, надеждъ лучемъ.
Безсмертенъ на землѣ высокій даръ поэта:
Звѣзда Фирдусія среди вѣковъ горитъ,
Не истлѣваетъ прахъ въ предѣлахъ дальнихъ свѣта
И лучъ живительный изъ нѣдръ могилъ даритъ.

Дневникъ графа П. П. Сухтелена о пребываніи Персидскаго посольства въ Петербургѣ въ 1829 году.

(Переводъ съ Французскаго).

29 Іюля 1829 г., когда Персидское посольство, сопровождаемое гр. Сухтеленомъ, находилось еще на пути изъ Новгорода въ Петербургъ, гр. Чернышовъ писалъ Сухтелену отъ имени Государя, что его величество желаетъ, чтобы Сухтеленъ писалъ каждый день, адресуя письма въ собственныя ру-

[2]) Къ автору писали, что его высочество принцъ Хозревъ-Мирза посѣтилъ Настасью Өедоровну, родительницу покойнаго А. С. Грибоѣдова, сострадалъ съ ней о справедливой ея печали и участіемъ и привѣтствіями своими старался хотя нѣсколько облегчить грусть материнскаго сердца. *Примѣч. графа Хвостова.*

ки Его Величества и отдавая отчетъ обо всемъ, что̀ происходитъ съ принцемъ Хозревомъ-Мирзою, что̀ послѣдній дѣлаетъ и говоритъ. Съ цѣлію точнѣйшаго исполненія воли Государя и былъ веденъ гр. Сухтеленомъ предлагаемый дневникъ, въ которомъ онъ обращается иногда къ особѣ Государя во второмъ лицѣ.

Дневникъ начинается 9 Августа. Онъ писанъ по-французски на листахъ почтовой бумаги малаго формата, начерно, съ помарками и поправками, а 9, 11, 12 и 13 числа Августа записаны на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги.

М. Розановъ.

9 Августа 1829 г.

Принцъ Хозревъ-Мирза желаетъ провести утро дома, для того, какъ онъ говоритъ, чтобы отмѣтить въ своемъ дневникѣ наиболѣе замѣчательное изъ того, что̀ онъ видѣлъ вчера въ Академіи Художествъ, а главное—въ ожиданіи оффиціальнаго визита гр. Потоцкаго, который пріѣдетъ объявить сему о днѣ аудіенціи. Принцъ желаетъ въ будущій Вторникъ снова посѣтить академію: его зрѣніе и память не въ состояніи были разсмотрѣть и запомнить столько предметовъ за разъ. Одинъ кабинетъ восточныхъ монетъ занялъ у него около двухъ часовъ времени.

Воскресенье, 11 Августа.

Принцъ Хозревъ-Мирза будетъ принимать сегодня утромъ, съ 12 до 2 часовъ визиты гг. офицеровъ гвардіи, которыхъ онъ зналъ прежде въ Дей-Караганѣ и Туркманчаѣ *). Его высочество высказалъ предположеніе отправиться въ Эрмитажъ.

Понедѣльникъ, 12 Августа 1829 г.

Принцъ Хозревъ-Мирза желаетъ сегодня, въ 1 часъ по полудни посѣтить арсеналъ, а въ 4 часа онъ отправится на обѣдъ къ князю Волконскому. Его высочество проведетъ вечеръ, вѣроятно, за изготовленіемъ своихъ депешъ, которыя всегда объемисты, къ періодическому отъѣзду курьера по Вторникамъ. Впрочемъ, принцъ не любитъ загадывать впередъ чего бы то ни было, и не всегда бываетъ возможно предвидѣть, что̀ онъ будетъ дѣлать. Такъ, вчерашняя его пе-

---

*) Списокъ этихъ офицеровъ: лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Хвощинскій, штабсъ-капитаны Озерецковскій, Кушелевъ, Бахтинъ, поручикъ Лагода, подпоручики Воропай, Багговутъ, Навроцкій, Полуграблиновъ, батальоннаго штаба лѣкарь Славчанскій; лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка полковникъ Шебеко, капитаны Майборода, Ломоносовъ, Пущинъ, штабсъ-капитаны Меллинъ, Ассіеръ, поручики Трегубовъ, Карякинъ, Лелякинъ и подпоручикъ Ховенъ.

рѣшительность насчетъ прогулки верхомъ и концерта, на которомъ онъ присутствовалъ, продолжалась до той минуты, когда надобно было садиться въ карету. Принцъ былъ въ восторгѣ отъ своего вечера.

Впрочемъ, распредѣленіе утренняго времени до Пятницы, 16 числа, сдѣлано слѣдующее:

Втроникъ, 13-го. Посѣщеніе военной школы въ 12 ч. утра и во второй разъ въ музей Академіи Художествъ.

Среда, 14-го. Въ первый кадетскій корпусъ въ 11 часовъ. Отъ 2 до 4 часовъ принцъ будетъ принимать визиты.

Четвергъ, 15-го. Отъ 12 до 2 часовъ пріемъ визитовъ, отъ 2 до 4 часовъ — въ Эрмитажъ и зимній дворецъ, а потомъ обѣдать къ вице-канцлеру.

Пятница, 16-го. Въ 12 часовъ—въ горный институтъ.

(приписка карандашомъ): Въ Пятницу вечеромъ—Академія живописи, въ субботу—Академія Художествъ.

Вторникъ, 13 Августа 1829 г.

Принцъ Хозревъ-Мирза поѣдетъ сегодня смотрѣть только военную школу, откладывая до Субботы свой второй визитъ въ академію. Его высочество поѣдетъ въ назначенный часъ въ Елагинскій дворецъ, чтобы представиться Государынѣ Императрицѣ. Вчера онъ сдѣлалъ репетицію, какъ онъ будетъ цѣловать ея руку.

Среда, 14 Августа 1829 г.

Хозревъ-Мирза посѣтитъ въ 11 часовъ первый кадетскій корпусъ. Съ 2 до 4 часовъ онъ будетъ принимать церемоніальные визиты. Если погода будетъ хороша, принцъ желаетъ сдѣлать вечеромъ прогулку по островамъ верхомъ или въ дрожкахъ.

Четвергъ, 15 Августа 1829 г.

Принцъ Хозревъ былъ въ восторгѣ отъ вчерашняго посѣщенія перваго кадетскаго корпуса. Ему предложили записаться въ книгу посѣтителей, и онъ прекраснымъ почеркомъ написалъ приблизительно слѣдующее: «Среда 25 мѣсяца Сефера 1245 года я посѣтилъ сей корпусъ. Установленныя въ немъ правила для воспитанія молодыхъ людей мнѣ чрезвычайно понравились. Я полагаю, что они во многомъ превосходятъ всѣ подобныя учрежденія въ другихъ государствахъ. Хозревъ-Мирза».

Пріемъ гостей, который превосходно былъ выполненъ принцемъ, чрезвычайно утомилъ его. Онъ не пожелалъ выѣхать вечеромъ, но много гулялъ по саду и по большому залу. Его высочество особенно полюбилъ дѣтей г-жи Нейдгардтъ.

Сегодня его высочество будетъ принимать церемоніальные визиты отъ 12 до 2 часовъ. Потомъ онъ, можетъ быть, поѣдетъ осматривать Эрмитажъ, прежде чѣмъ отправиться на обѣдъ къ графу Нессельроде.

Было секретное совѣщаніе насчетъ мундира, который принцъ будетъ носить. Вѣроятно, это будетъ мундиръ сарбазскій: зеленый кафтанъ съ краснымъ воротникомъ и обшлагами и широкія суконныя панталоны, заправленныя въ сапоги.

Гг. Howe, медикъ, и Oll, Англичане, провели часть вчерашняго утра у Мирзы-Баба. Эти господа живутъ насупротивъ дворца великаго князя, въ домѣ Жербина.

На косвенное предложеніе послать карточку принца фельдмаршалу, сдѣланное мною чрезъ г. Шаумбурга, ему отвѣтили замѣчаніемъ, что его сіятельство пріѣхалъ послѣ принца.

Пятница, 16 Августа 1829 г.

Сегодня Хозревъ-Мирза будетъ осматривать горный корпусъ, а вечеромъ поѣдетъ въ театръ.

Вчера фельдмаршалъ сдѣлалъ принцу визитъ передъ самымъ его отъѣздомъ на обѣдъ къ вице-канцлеру. Принцъ пригласилъ его сіятельство отправиться туда вмѣстѣ. Онъ выразилъ мнѣ свое желаніе наградить небольшою суммой придворныхъ служителей, которые находились въ его кортежѣ въ день аудіенціи (онъ называетъ этотъ день своимъ счастливымъ днемъ). Я предложилъ сперва справиться о числѣ лицъ, составлявшихъ свиту, думая такимъ образомъ выиграть довольно времени, чтобы получить приказанія на этотъ счетъ; но принцъ меня предупредилъ, приславъ вчера 400 червонцевъ при письмѣ Мирзы-Масуда. Эти деньги еще у меня. Я имѣлъ честь увѣдомить объ этомъ князя Волконскаго *).

Эмиръ-Низамъ сообщилъ мнѣ вчера, что принцъ и его свита, при отъѣздѣ изъ Тавриза, получили приказаніе не сближаться ни съ какими иностранными миссіями. Видя, однакожъ, что невозможно будетъ избѣгать встрѣчъ съ дипломатическимъ корпусомъ и въ особенности съ Англичанами (какъ-то докторъ Korniagh), которые всѣ его старые знакомые, онъ рѣшился посовѣтоваться объ этомъ со мною. Я отвѣчалъ (полагая, что такой отвѣтъ будетъ хорошъ), что принцъ и лица, принадлежащія къ посольству, вольны располагать своими знакомствами, какъ между иностранцами, такъ и между Русскими; что, по моему мнѣнію, приличнѣе будетъ не разрывать знакомства

*) Министръ Двора.

съ старыми друзьями и отнюдь не избѣгать вообще видѣться съ иностранцами; но что̀ будетъ совершенно естественно, если гг. Персіяне, будучи нашими гостями, станутъ видѣться предпочтительно съ Русскими, которые такъ радушно ихъ принимаютъ.

Г. вице-канцлеръ увѣдомленъ мною объ этомъ объясненіи [1]).

17 Августа.

Вчера Хозревъ-Мирза большую часть дня провелъ дома послѣ того, какъ ему поставили піявокъ къ уху. Но вечеромъ онъ не могъ устоять противъ желанія быть въ спектаклѣ, хотя съ завязаннымъ ухомъ. Сегодня утромъ, если позволитъ здоровье, онъ поѣдетъ въ Академію Художествъ, а потомъ въ Эрмитажъ. Вечеромъ онъ надѣется не пропустить бала у графа Потоцкаго.

Сарбазскій мундиръ его высочества еще не готовъ. Онъ будетъ почти такой же, какъ тотъ, который принцъ носилъ въ Тавризѣ до назначенія его въ званіе тайнаго секретаря по внѣшнимъ сношеніямъ и когда онъ, по обычаю, замѣнилъ кинжалъ свиткомъ бумаги, какъ носятъ ихъ мирзы.

18 Августа, Воскресенье.

Вчерашній день Персидскій принцъ провелъ въ уходѣ за своимъ ухомъ, чтобы уничтожить въ немъ воспаленіе. Послѣ 3-хъ часовой ванны, онъ пришелъ пить чай въ большой залъ, куда велѣлъ пригласить для прогулки всѣхъ дамъ, живущихъ во дворцѣ, приказавъ зажечь нѣсколько лишнихъ свѣчей. Дамъ угощали Персидскими конфектами, сдѣланными на бараньемъ салѣ. Послѣ того принцъ, хотя еще нѣсколько больной, отправился на балъ. Онъ какъ будто боится, чтобы его не сочли за нѣженку. Онъ остался очень доволенъ подаркомъ двухъ ружей, которыя я имѣлъ честь передать ему отъ имени Его Величества Государя Императора [2]).

---

[1]) Въ отвѣтъ на это увѣдомленіе графъ Нессельроде писалъ Сухтелену въ тотъ же день: „Я могу только одобрить, любезный графъ, отвѣтъ, который вы дали по поводу визитовъ иностранцамъ. Могущія произойти по этому поводу зависть и недовѣріе были бы мелочны и недостойны въ отношеніи политики великой державы“.

[2]) Ружья были присланы къ гр. Сухтелену кн. Волконскимъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивый государь мой графъ Павелъ Петровичъ. Государь Императоръ, узнавъ что его высочество принцъ Хозревъ-Мирза на послѣдней охотѣ въ Петергофѣ желалъ имѣть двухъ-ствольное ружье, высочайше повелѣть мнѣ изволилъ послать ему въ подарокъ два двухъ-ствольныя ружья нашего Тульскаго завода, которыя при семъ препровождая, прошу вручить его высочеству отъ имени Его Величества и притомъ увѣдомить меня о здоровьѣ его высочества и поѣдетъ ли сегодня на балъ къ гр. Потоцкому. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и т. д. К. Петръ Волконскій“.

Съ той же охоты былъ присланъ козленокъ, убитый Государемъ, съ приказаніемъ изготовить его на обѣдъ принцу.

На сегодня нѣтъ росписанія, кромѣ того, что его высочество пригласилъ къ себѣ обѣдать генерала Бенкендорфа.

19 Августа, Понедѣльникъ.

Вчера принцъ Хозревъ выѣзжалъ только для осмотра ботаническаго сада. Онъ обѣдалъ вчера съ генераломъ Бенкендорфомъ, а вечеромъ долго гулялъ съ дамами въ большомъ залѣ. Онъ любезно водилъ подъ руку мамзель Нелидову [1]).

Увидавши г-жу Закревскую на балконѣ ея дачи, его высочество пошелъ сдѣлать ей визитъ.

Принцъ желаетъ отправиться сегодня посмотрѣть полетъ воздушнаго шара.

Я узналъ, что принцъ хочетъ испросить у вице-канцлера свиданіе, послѣ котораго немедленно отправитъ г-на Семино курьеромъ въ Персію.

Сегодня Эмиръ-Низамъ пустилъ себѣ кровь.

Вторникъ, 20 Августа.

Вчера Хозревъ-Мирза ѣздилъ смотрѣть полетъ воздушнаго шара. Въ тотъ моментъ, когда воздухоплаватель Робертсонъ хотѣлъ подниматься, принцъ попросилъ меня передать ему 50 дукатовъ на путевыя издержки [2]). Увидавъ въ толпѣ супругу Австрійскаго посланника, графиню Чернышову и еще нѣсколько другихъ дамъ, принцъ предложилъ имъ сѣсть въ его ложу.

Вечеромъ его высочество ѣздилъ смотрѣть пьесу Robin du bois. Онъ вернулся изъ театра очень довольный.

Сегодня, во Вторникъ, посѣщеніе горнаго корпуса [3]).

Принцъ радуется, что увидитъ завтра прогулку институтокъ по Таврическому саду. Ему кажется, что это напомнитъ ему смотръ,

---

[1]) Екатерину Ивановну. П. Б.

[2]) Замѣтка изъ бумагъ гр. Сухтелена:

„20 Августа. Воздухоплаватель иностранецъ Робертсонъ опустился въ деревнѣ Малой Манушкиной, принадлежащей г. Чоблокову (Чоглокову?), разстояніемъ въ 35 верстахъ за пороховыми заводами, благополучно. Опустился пополудни въ 6 часу и 20 минутъ; прибылъ въ городъ въ 1-мъ часу пополуночи".

[3]) Черезъ два дня послѣ осмотра посольствомъ горнаго корпуса, 22 Августа, директоръ корпуса Карнѣевъ прислалъ Сухтелену семь сабель при слѣдующемъ письмѣ: „Честь имѣю препроводить къ вашему сіятельству семь сабель, которыя были назначены для Персидскаго принца и его свиты. Покорнѣйше прошу убѣдить его высочество, чтобы онъ принялъ выбранную для него саблю съ двойнымъ клинкомъ, въ память посѣщенія корпуса. Другая подобная же сабля, но съ однимъ клинкомъ, предназначается для главнокомандующаго регулярными войсками, а остальныя для прочихъ лицъ по вашему усмотрѣнію".

который шахъ дѣлаетъ въ Тегеранѣ каждый годъ всѣмъ принцессамъ королевской семьи, какъ-то дочерямъ, внучкамъ и т. д. Ихъ было, какъ онъ говоритъ, въ тотъ разъ, какъ онъ присутствовалъ на этомъ смотру, числомъ до 200.

Среда, 21 Августа.

Горный корпусъ и его минеральныя коллекціи чрезвычайно заинтересовали Хозрева-Мирзу и его свиту. Принцъ вернулся домой только къ тому времени, когда институтки пришли на прогулку. Онъ попросилъ меня заготовить для нихъ конфектъ и щедро имъ раздавалъ ихъ.

Сегодня, въ Среду, принцъ будетъ присутствовать при поднятіи одной изъ колоннъ въ Исаакіевскомъ соборѣ [1]). Вечеромъ у него будетъ свиданіе съ графомъ Нессельроде.

Сейчасъ принцъ отослалъ 50 дукатовъ вдовѣ одного человѣка, который находился въ услуженіи у г. Грибоѣдова и былъ убитъ съ нимъ въ Тегеранѣ. Эта женщина, Анна Захарова, очень бѣдна; у нея двое малолѣтнихъ дѣтей. Хозревъ-Мирза засталъ нашъ разговоръ о ней съ Мирзою-Масудомъ и пожелалъ знать, о чемъ мы бесѣдуемъ. Я отвѣчалъ, что мы замышляемъ сдѣлать нападеніе на его кошелекъ. Онъ сказалъ: «я заранѣе на это согласенъ; я знаю, что все то, что вы изъ него возьмете, послужитъ только къ моей чести». Узнавъ подробности, онъ быстро прибавилъ: «на этотъ разъ, я надѣюсь, вы возьмете съ меня вдвойнѣ». На этихъ дняхъ принцъ нѣсколько разъ меня спрашивалъ, какъ я думаю, долго ли онъ будетъ лишенъ счастія видѣть ихъ императорскія величества.

Пятница, 23 Августа.

Вчера, въ Четвергъ, Хозревъ-Мирза катался верхомъ по Каменному острову, откуда проѣхалъ въ театръ и остался въ восторгѣ отъ балета Cora et Alonzo. Сегодня, въ Пятницу, его высочество поѣдетъ утромъ въ музей Академіи Художествъ. Если погода будетъ хороша, то воспитанницы института изъ недворянскаго отдѣленія (classe bourgeoise) будутъ гулять по Таврическому саду [2]).

---

[1]) Письма Монферрана къ гр. Сухтелену:

I. „Ваше сіятельство. Думая, что Персидскому принцу будетъ пріятно присутствовать при поднятіи колонны въ соборѣ Св. Исаакія и что, по примѣру многихъ другихъ иностранныхъ царственныхъ особъ, его высочество не откажетъ намъ въ чести положить медаль подъ колонну, которую я велю поднять въ его присутствіи, имѣю честь увѣдомить васъ, что 23 сего мѣсяца все будетъ готово для этой операціи. 16 Августа 1829 г.“.

II. „В. с—во. Сейчасъ только-что получилъ я сообщеніе отъ е. с. г-на президента коммиссіи работъ въ храмѣ Св. Исаакія, что такъ какъ въ будущій Четвергъ празднуется день коронованія, то поднятіе колонны въ присутствіи Персидскаго принца будетъ ускорено однимъ днемъ, т. е. оно будетъ въ слѣдующую Среду, 21 сего мѣсяца“.

[2]) Письмо г-жи Нейдгардтъ къ гр. Сухтелену:

Хозревъ-Мирза прислалъ мнѣ шаль для передачи г. Монферрану (шаль недорогая) и 18 червонцевъ для рабочихъ, которые поднимали колонну въ Исаакіевскомъ соборѣ.

Суббота, 24 Августа.

Хозревъ-Мирза посѣтилъ вчера въ академіи Египетскій музей, обсерваторію и зданіе биржи. Онъ разговаривалъ со многими изъ воспитанницъ, которыя прогуливались по саду. Вечеромъ принцъ неожиданно собрался въ театръ смотрѣть драму.

Сегодня, въ Субботу, на литейномъ заводѣ приготовились къ отливкѣ 8 артилерійскихъ орудій. Послѣ того Англійскій водолазъ г. Штокъ опустится на дно рѣки. Принцъ будетъ присутствовать при этомъ опытѣ въ шлюпкѣ, приготовленной у литейнаго завода [1]).

Третьяго дня принцъ пробовалъ на Крестовскомъ острову одно изъ своихъ новыхъ ружей, стрѣляя по воронамъ. Нѣсколькихъ онъ убилъ. Онъ стрѣлялъ не сходя съ лошади.

Воскресенье, 25 Августа.

Хозревъ-Мирза желаетъ сегодня осмотрѣть зимній дворецъ и Эрмитажъ. Вчера онъ въ первый разъ допустилъ обѣдать за своимъ столомъ на четыре куверта Эмиръ-Низама и Мирзу-Масуда.

Одинъ рыбакъ съ Крестовскаго озера подарилъ принцу морскую собаку. Принцъ велѣлъ пустить ее въ озеро Таврическаго сада и для забавы ходитъ смотрѣть, какъ она ныряетъ. Онъ посылалъ сперва спросить у директора сада, не будетъ ли вреда отъ этого животнаго.

Одинъ изъ секретарей принца серьозно заболѣлъ. Я велѣлъ, по его просьбѣ, перевести его въ военный госпиталь, гдѣ ему очень хорошо [2]).

Понедѣльникъ, 26 Августа.

Вчера утромъ Персидскій принцъ осмотрѣлъ дворецъ и Эрмитажъ. Это было слишкомъ много для одного раза. Г. Лабенскій [3]) находитъ принца неутомимымъ.

„Спѣшу, в. с., отвѣтить на вашу любезность. Мы надѣемся пріѣхать сегодня съ барышнями въ Таврическій около 6 часовъ, *если небо намъ позволитъ*, т. е. если оно не покроется грозными тучами. Число воспитанницъ до 300. Я думаю, что конфекты доставили бы имъ большое удовольствіе. Что касается визита принца *въ нашъ дворецъ*, то г-жа Адлербергъ желала бы видѣть васъ лично, чтобы переговорить объ этомъ, ибо это требуетъ нѣкоторыхъ приготовленій“.

[1]) Принцъ подарилъ водолазу золотую табакерку. Расписка Штока: Я, нижеподписавшійся, удостовѣряю, что получилъ чрезъ г. генералъ-маіора барона Боде (начальн. арсенала) золотую табакерку отъ его высочества принца Персидскаго Хозрева-Мирзы сего 28 Августа 1829 г. Вильямъ Генрихъ Штокъ“.

[2]) Изъ донесеній старшаго врача военно-сухопутнаго госпиталя гр. Сухтелену объ этомъ больномъ видно, что Персіанинъ страдалъ язвами во рту.

[3]) Хранитель художественныхъ коллекцій Эрмитажа.

Вечеромъ принцъ отправился въ театръ. Онъ пожелалъ видѣть сцену, сказалъ нѣсколько любезностей танцовщицамъ и восхищался *королевой* (м-е Шелихова).

Сегодня его высочество не желаетъ выѣзжать; онъ хочетъ писать письма и доставить себѣ удовольствіе провести нѣсколько часовъ въ ваннѣ.

Онъ долго пробылъ въ портретной галлереѣ; многихъ лицъ на портретахъ онъ узналъ и попросилъ указать ему портретъ графа Дибича, который долго разсматривалъ. Отъ портрета генерала Ермолова онъ съ досадой отвернулся.

Принцъ заказалъ Гиппіусу нѣсколько портретовъ, въ томъ числѣ главныхъ особъ своей свиты и портреты графа Нессельроде, графа Чернышова, Сухтелена, генерала Клейнмихеля и Ренненкампфа [1]).

Вторникъ, 27 Августа.

Принцъ Хозревъ выѣзжалъ вчера только въ театръ. Сегодня, около 4 часовъ онъ поѣдетъ въ каретѣ съ Мирзою-Масудомъ и графомъ Сухтеленомъ въ Царское Село, если только не послѣдуетъ другаго распоряженія на счетъ часа.

Среда 28.

Хозревъ-Мирза провелъ день въ Царскомъ Селѣ, присутствовалъ на маневрахъ въ мундирѣ, а вечеръ провелъ у Государыни Императрицы.

Четвергъ, 29.

Маневры, которые должны были быть, не состоялись по случаю дурной погоды. Принцъ Хозревъ-Мирза и вся его свита вернулись въ Петербургъ.

Пятница, 30 Августа.

Принцъ Хозревъ хочетъ сегодня утромъ послать Мирзу-Масуда къ генералу Мердеру [2]) узнать, будетъ ли его высочество Наслѣдникъ

---

[1]) Письмо президента Академіи Художествъ Оленина къ графу Сухтелену отъ 15 Августа 1829 года.:

„Вотъ, в. с., начальникъ С.-Петербургской школы портретистовъ (г. Венеціановъ), о которомъ я имѣлъ честь говорить в. с. вчера утромъ у его высочества принца Хозрева-Мирзы. Онъ желалъ бы изобразить принца съ кѣмъ-нибудь изъ его свиты въ одномъ изъ залъ зимняго дворца или Эрмитажа, чтобы это имѣло видъ портрета. Для этого необходимо согласіе принца, потому что художнику потребовалось бы на нѣсколько дней платье, которое принцъ укажетъ, чтобы сдѣлать съ него вѣрную копію. Подобная картина могла бы потомъ доставить удовольствіе Петербургской публикѣ и даже Тавризской и Тегеранской, куда можно бы было послать хорошую копію, а также его сіятельству графу Сухтелену-отцу. Я имѣю честь писать эти строки тонкому знатоку искусства,— отъ отца къ сыну,—и надѣюсь встрѣтить въ немъ покровительство нашимъ художникамъ“.

[2]) Воспитатель Государя Императора Александра Николаевича.

принимать визиты и въ которомъ часу; если нѣтъ, то онъ долженъ будетъ попросить генерала передать его императорскому высочеству поздравленіе принца Хозрева-Мирзы [1]). Принцъ, желая видѣть процессію, будетъ смотрѣть ее изъ окна графини Барановой, по приглашенію г. Родофиникина [2]).

Сегодня вечеромъ принцъ желаетъ отправиться посмотрѣть изъ ложи на публичный балъ-маскарадъ.

Суббота, 31 Августа.

Сегодня утромъ Хозревъ-Мирза будетъ осматривать монетный дворъ. На остальной день нѣтъ ничего опредѣленнаго.

Вчерашній балъ-маскарадъ показался Персіянамъ очень скучнымъ, каковымъ былъ и на самомъ дѣлѣ.

Одинъ живописецъ пришелъ предложить Хозреву-Мирзѣ портретъ Петра Великаго. Едва принцъ увидѣлъ портретъ, какъ сказалъ: «Я желаю его имѣть; но какая бы ни была ему цѣна, я не въ состояніи буду оплатить ею портрета такого великаго человѣка».

Воскресенье, 1 Сентября.

Вчера Хозревъ-Мирза видѣлъ монетный дворъ. Я не упустилъ дать ему понять, что тутъ имѣются громадные запасы металловъ и звонкой монеты. Ему польстило, что тутъ же при немъ отчеканили медаль въ честь его.

Вернувшись въ Таврическій дворецъ, онъ скрылся ото всѣхъ въ садъ, съ ружьемъ, чтобы объявить войну воронамъ. Также украдкою онъ вернулся, убивши ихъ нѣсколько.

Его высочество не преминулъ спросить у меня, что́ означаютъ городскіе слухи о пораженіи, понесенномъ нашими войсками въ Азіи. Я, не колеблясь, сказалъ, что эта новость—чистая выдумка. Надо полагать, что слухи эти были занесены изъ Французскаго посольскаго дома, куда были присланы газеты, или изъ Англійскаго посольства.

Хозревъ говорилъ о визитахъ и прогулкѣ на сегодня, но ничего опредѣленнаго еще нѣтъ.

Завтра, въ Понедѣльникъ, его высочество приглашаетъ нѣсколько особъ къ себѣ обѣдать по списку, одобренному г. вице-канцлеромъ [3]).

[1]) Отвѣтъ Мердера гр. Сухтелену:

„В. с—во. Такъ какъ его высочество Наслѣдникъ черезъ нѣсколько минутъ собирается оставить Елагинъ, чтобы ѣхать въ городъ, то я буду вамъ очень обязанъ, если вы сообщите Мирзѣ-Масуду, что Его Императорское Высочество будетъ находиться въ Аничковомъ дворцѣ около 10 ч. утра. Мердеръ. Елагинъ, 30 Августа, въ 9 ч. утра“.

[2]) Изъ записки Родофиникина къ гр. Сухтелену видно, что процессія окончилась въ 10 час. утра, и Хозревъ-Мирза къ ней опоздалъ. Процессія, т. е. крестный ходъ въ Невскую лавру.

[3]) На обѣдъ были приглашены: гр. Кочубей, гр. Нессельроде, гр. Потоцкій, Чернышовъ, кн. Волконскій, Голицынъ, Бенкендорфъ и нѣкоторыя другія лица.

Понедѣльникъ, 2 Сентября.

Вчера Французскій посланникъ сдѣлалъ визитъ принцу Хозреву. Они вмѣстѣ поѣхали въ театръ. Его высочество принялъ на завтрашній день, на Вторникъ, приглашеніе на обѣдъ къ этому посланнику, а на Среду вечеромъ—приглашеніе графа Лаваля.

Сегодня утромъ принцъ поѣдетъ въ Смольный институтъ [1]).

Вторникъ, 3 Сентября.

Хозревъ-Мирза остался очень доволенъ своимъ посѣщеніемъ Смольнаго института. Едва вернувшись оттуда, онъ началъ уже выражать свой восторгъ. Онъ пожелалъ узнать имя воспитанницы, которая произнесла прелестную оду Гафиза [2]), въ послѣднихъ строфахъ которой выражается пожеланіе благополучія Персіи. Когда дѣвицы проходили въ столовую, принцъ сказалъ, что это — непобѣдимый батальонъ.

Кн. Долгорукій доставилъ отличныя дрожки, которыя должны составить часть предназначенныхъ принцу подарковъ и будутъ отправлены съ 12-ю пушками, посылаемыми для Аббаса-Мирзы [3]).

---

[1]) Ко 2-му Сентября относится слѣдующій эпизодъ, описанный въ донесеніи генералъ-адъютанта Демидова графу А. И. Чернышову отъ 8 Сентября за № 3707, которое и приводимъ:

„Изъ числа находившихся въ караулѣ 2-го числа сего Сентября въ Таврическомъ дворцѣ нижнихъ чиновъ 3-го баталіона л.-гв. Московскаго полка двое рядовыхъ 8-й фузелерной роты, стоявшіе у среднихъ воротъ онаго дворца, Ермолай Латунинъ и Игнатій Терентьевъ, по смѣнѣ съ часовъ въ 3 часа пополуночи, представили караульному капитану Бастіону два червонца, съ слѣдующимъ объясненіемъ. Во 2-мъ часу ночи его высочество Хозревъ-Мирза, выходя изъ дворца, подошелъ прямо къ воротамъ; на окликъ часовыхъ отвѣчалъ поперсидски: солдатъ (сарбазъ), потомъ, подошедъ поближе, спрашивалъ ихъ чрезъ находившагося при немъ, неизвѣстно имъ какого чиновника, гвардейскіе ли они и были ли въ Тавризѣ. Получивъ отвѣтъ, хотѣлъ имъ пожаловать по червонцу, объявивъ притомъ настоящее свое имя. Тогда часовые, взявъ подъ прикладъ, стали на свои мѣста, не принимая денегъ. Вѣроятно, его высочество полагалъ, что они его не понимаютъ, и приказалъ червонцы положить въ будку, не смотря на то, что часовые сіи старались отклонить отъ сего, употребляя знаемыя ими нѣкоторыя Татарскія слова. Но его высочество въ то же время удалился въ покои; часовые же, по приходѣ смѣны объявили о семъ разводившему на часы рядовому Антону Тиханову и деньги сіи представили капитану Бастіону.—Обстоятельство сіе генералъ-адъютантъ Демидовъ, въ слѣдствіе дошедшаго къ нему по командѣ донесенія, долгомъ поставляетъ довести до свѣдѣнія е. с. графа Александра Ивановича, испрашивая разрѣшеніе: куда приказано будетъ обратить означенные два червонца, кои хранятся у баталіоннаго командира полковника Хвощинскаго“. На донесеніи рукою гр. Чернышова написано: „Высочайше повелѣно червонцы сіи отдать симъ рядовымъ, по графу Сухтелену объясниться со мною о семъ предметѣ 10 Сентября“.

[2]) Знаменитый Персидскій поэтъ.

[3]) Дрожки эти подарены были Хозреву-Мирзѣ Государемъ. Отъ себя кн. Долго-

Обѣдъ прошелъ очень прилично. Въ будущую Пятницу предполагается второй обѣдъ, на которомъ обѣщалъ быть г. фельдмаршалъ. Принцъ былъ въ театрѣ.

Среда, 4 Сентября.

Вчера Хозревъ-Мирза осматривалъ институтъ глухонѣмыхъ и воспитательный домъ. Первые сильно возбудили его любопытство, но второе учрежденіе ему не понравилось: онъ находитъ дурнымъ, что могутъ быть дѣти, никому не принадлежащія, или отъ которыхъ родители отреклись. Его высочество обѣдалъ у Французскаго посланника. Между прочими любезностями, онъ поздравилъ посланника съ отличнымъ поваромъ. Сегодня принцъ поѣдетъ смотрѣть главный штабъ, если только ему не вздумается, какъ въ прошлую ночь, прогуливаться по двору до 3 часовъ утра, вслѣдствіе чего сонъ его продолжается неопредѣленное время.

Четвергъ, 5 Сентября.

Принцъ не поѣхалъ въ главный штабъ, такъ какъ проснулся очень поздно. Онъ взялъ урокъ фехтованія у учителя по имени Годольфи.

Принцъ пробылъ на балу у г. Лаваля до 3 часовъ утра.

На сегодняшній день нѣтъ опредѣленнаго росписанія.

Пятница, 6 Сентября.

Вчера Хозревъ-Мирза не выѣзжалъ. Онъ обѣдалъ съ двумя дѣвицами S-t Aldegounde и потомъ взялъ урокъ фехтованія. Вечеромъ его навѣстилъ г. вице-канцлеръ. Визитъ былъ по-восточному, т. е. продолжался долго. Принцъ казался мнѣ удовлетвореннымъ только на половину и озабоченнымъ тѣмъ пріемомъ, который его ожидаетъ по возвращеніи.

На нынѣшній день ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что фельдмаршалъ графъ Сакенъ и нѣкоторыя другія особы будутъ обѣдать съ его высочествомъ.

рукій въ тотъ же день прислалъ въ подарокъ принцу трость при слѣдующемъ письмѣ на имя гр. Сухтелена:

„Спѣшу увѣдомить в. с., что я непремѣнно буду имѣть честь прибыть, по приглашенію его высочества Хозрева-Мирзы, въ будущую Пятницу, въ 4 часа. Я замѣтилъ, что его высоч. употребляетъ трость; поэтому позвольте мнѣ просить в. с. предложить ему единственную въ своемъ родѣ: она была привезена мнѣ изъ Германіи однимъ изъ моихъ друзей. Гармоническіе звуки, которые она издаетъ, придаютъ этому новому изобрѣтенію особенную прелесть. Я былъ бы счастливъ, если бы его высочество принялъ ее“.

(*Надпись на письмѣ карандашомъ рукою гр. Сухтелена:*) „Въ этой палкѣ заключался родъ гармоніи. Она очень забавляла Хозрева-Мирзу“.

Суббота, 7 Сентября.

Вчера Хозревъ-Мирза не выѣзжалъ изъ Таврическаго дворца. Онъ былъ очень обрадованъ пріѣздомъ курьера изъ Тавриза, привезшаго письма отъ шаха, отъ Аббаса-Мирзы и братьевъ принца. Такимъ образомъ принцъ провелъ утро за чтеніемъ писемъ и раздѣлываніемъ тюковъ съ платьемъ и другими вещами, которыхъ онъ ожидалъ ко дню своей аудіенціи. Онъ показалъ мнѣ прекрасный манускриптъ, назначенный для поднесенія Вашему Величеству; говорилъ также, что получилъ нѣсколько орденовъ Льва и Солнца, которые были пожалованы во время подписанія Туркманчайскаго договора, но до сихъ поръ не могли быть изготовлены [1]). Фельдмаршалъ Сакенъ и нѣкоторыя другія особы обѣдали у принца.

Сегодня утромъ его высочество будетъ имѣть честь присутствовать на маневрахъ согласно извѣщенію, присланному чрезъ генерала Кавелина [2]).

11 (23) Сентября 1829 г.

Вчера Хозревъ-Мирза не выходилъ изъ комнаты. Теперь онъ чувствуетъ себя гораздо лучше и въ 12 ч. хочетъ отправиться въ Петербургъ [3]). Сперва онъ намѣренъ сдѣлать визитъ графу Кочубею, у котораго господа изъ его свиты вчера провели вечеръ.

Подарки полученные принцемъ изъ Персіи для поднесенія Вашему Величеству, какъ я узналъ, состоятъ, между прочими другими вещами, изъ большаго брилліанта Надиръ-шаха [4]), 20-ти драгоцѣнныхъ манускриптовъ, двухъ Кашмирскихъ ковровъ и жемчужнаго ожерелья для Ея Величества Императрицы, сабли для Великаго Князя Наслѣдника и нѣсколькихъ менѣе драгоцѣнныхъ предметовъ, которые Хозревъ-Мирза желалъ бы поднести Великимъ Княжнамъ.

---

[1]) Замѣтка гр. Сухтелена: „Такъ какъ Персидскій орденъ Льва и Солнца не имѣлъ опредѣленнаго статута, то Хозревъ-Мирза былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы привести въ свою страну статуты Русскихъ орденовъ“. Поэтому гр. Потоцкій прислалъ Сухтелену статуты всѣхъ Русскихъ орденовъ.

[2]) Письмо ген. Кавелина къ гр. Сухтелену:

„В. с—во. Государь отдалъ мнѣ приказъ пригласить всѣхъ иностранныхъ пословъ. Такъ какъ мы всегда смотрѣли на принца Хозрева какъ на исключеніе (une épisode), то не имѣли чести васъ увѣдомить; но нѣтъ сомнѣнія, что Государю пріятно будетъ видѣть его на маневрахъ. Кажется, вы хорошо сдѣлаете, если привезете его. Вся свита Государя сядетъ на лошадей на Выборгской дорогѣ, около дачи Лапскаго“.

[3]) Такъ далеко тогда казался Таврическій садъ отъ главныхъ улицъ Петербурга. П. Б.

[4]) Письмо кн. Волконскаго:

„Будьте добры, любезный графъ, спросите у Мирзы-Масуда, что̀ означаетъ каждая изъ надписей на большомъ брилліантѣ, поднесенномъ Хозревомъ-Мирзою Его Величеству, и пришлите мнѣ ихъ переводъ. Волконскій“, 2 Октября.

„Какъ здоровье его высочества? Государыня продолжаетъ кашлять“.

12 (24) Сентября 1829 г.

Персидскій принцъ принялъ приглашеніе кн. Юсупова на вечеръ въ будущую Субботу, говоря, что Четвергъ и Пятницу онъ желаетъ посвятить на полное свое выздоровленіе. Его высочество чувствуетъ себя лучше и, повидимому, не хочетъ больше такъ долго засиживаться по ночамъ. На сегодняшній день ничего еще не назначено. Принцъ выразилъ желаніе созвать въ какой-нибудь день къ себѣ на обѣдъ гг. посланниковъ. Такъ какъ онъ лично не дѣлалъ визитовъ Англійскому и Австрійскому посланникамъ, то я объяснилъ ему, что необходимо предварительно это сдѣлать.

13 (25) Сентября 1829 г.

Докторъ принца нашелъ необходимымъ поставить ему еще вчера десятка два піявокъ внизу живота. Я ничего другаго не могу сказать про его здоровье, какъ только то, что его высочество, изнѣженный по природѣ, кажется, дѣйствительно, очень больнымъ, что онъ очень измѣнился и что, можетъ быть, нелишнее было бы присоединить къ его длиннобородому хакиму (au hakim à la longue barbe [1]) другаго коллегу для консультаціи.

14 (26) Сентября 1829 г.

Его высочество все еще боленъ. 50 піявокъ въ продолженіе трехъ дней, шпанская мушка и всякія лѣкарства не принесли ему облегченія отъ боли, которую онъ чувствуетъ въ правомъ боку. Онъ самъ проситъ, чтобы къ нему пріѣхалъ м-г Kreighton или другой врачъ, который настолько бы говорилъ по-англійски, чтобы могъ объясниться съ его хакимомъ.

Говоря о сообщеніи, сдѣланномъ ему г. вицеканцлеромъ, принцъ сказалъ мнѣ вчера: «Государь поднялъ меня изъ праха и возвысилъ до полдороги къ небу. Я могу теперь вернуться въ Персію съ честію и удовлетворенный».

15 Сентября.

Персидскій принцъ былъ очень благодаренъ за приглашеніе къ нему г. Крейтона. Сегодня утромъ его нельзя еще было видѣть. Вчера вечеромъ онъ чувствовалъ себя лучше, но все еще ему было неловко отъ шпанской мушки. Онъ потребовалъ, чтобы его свита непремѣнно ѣхала на балъ къ князю Юсупову [2]).

---

[1]) Хакимъ—лѣкарь. М. Р.

[2]) Къ этому дню относится слѣдующій рецептъ Мирзы-Бабы, врача принца: „Pilulae nitratis potaisae pulv. antimonii et confect. rosae“.

„Ordine D. d-ris Murza-Baba. 15 IX 1829 г.“. На сигнатурѣ: „Pharmacopolium Aulae Imperialis“.

16 Сентября, Понедѣльникъ.

Докторъ Арендтъ пріѣзжалъ осмотрѣть Хозрева - Мирзу. Онъ одобрилъ способъ, по которому до сихъ поръ лѣчили принца и прописалъ нѣсколько новыхъ лѣкарствъ; онъ не думаетъ, чтобы была опасность, но что, дѣйствительно, у больнаго воспаленіе кишокъ и что слѣдуетъ лѣчить его внимательно. Г. Арендтъ пріѣдетъ еще сегодня. Принцъ чувствуетъ облегченіе. Лѣкарства ему надоѣдаютъ, и шахматы перестали его занимать. Г. Французскій посланникъ пріѣзжалъ къ его высочеству съ короткимъ визитомъ.

17 Сентября, Вторникъ.

Хозревъ-Мирза чувствуетъ себя нѣсколько лучше, но все-таки г. Арендтъ говоритъ, что болѣзнь еще серьозна, и приказываетъ постоянно ставить ему припарки внизу живота и дѣлаетъ ртутныя втиранія. Вчера принцъ почти весь день проспалъ. Онъ, однакоже, принялъ визитъ Австрійскаго посланника.

Среда, 18 Сентября 1829 г.

Г-нъ докторъ Арендтъ былъ очень доволенъ состояніемъ здоровья Хозрева-Мирзы вчера вечеромъ, не смотря на небольшую лихорадку. Мѣстная боль внизу живота и воспаленіе кишокъ уступили лѣкарствамъ, чтобы перенестись на желѣзы въ ляшкѣ—перемѣна, которую гг. врачи единогласно признаютъ благопріятною. Хозревъ-Мирза, повидимому, искренно радуется заключенію мира [1]), будучи убѣжденъ, что это событіе столько же благопріятно и для Персіи при теперешнихъ обстоятельствахъ. Болѣзнь шаха, о которой говорилъ Персіянамъ Англійскій посланникъ, тревожитъ его; какъ видно, напротивъ, онъ нисколько не безпокоится о здоровьѣ Аббаса-Мирзы.

Четвергъ, 19 Сентября.

Врачи находятъ состояніе здоровья Хозрева-Мирзы очень удовлетворительнымъ. Ему видимо лучше, но полное выздоровленіе можетъ затянуться на неопредѣленное время.

Его высочество, говоря вчера о мирѣ, заключенномъ съ Турціею, спросилъ, запретитъ ли и теперь Россія султану имѣть регулярныя войска. Онъ какъ будто думалъ, что учрежденіе этихъ войскъ было главною причиною войны. Я не упустилъ дать ему понять, что Россіи не было основанія безпокоиться существованіемъ нѣсколькихъ полковъ низамскихъ, гедитскихъ или сарбазскихъ; что она требуетъ отъ своихъ сосѣдей не того, чтобы они были слабы и разоружены,

---

[1]) Съ Турціею.

но чтобы они соблюдали трактаты и добросовѣстность въ международныхъ сношеніяхъ; что, наконецъ, политика не должна быть низводима до вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ державъ до такой степени, чтобы отъ этого могъ страдать общій миръ. Его высочество сказалъ, что пока я говорилъ, ему казалось, что изъ моихъ устъ течетъ фонтанъ перловъ.

20 Сентября, Пятница.

Хозревъ-Мирза пострадалъ нѣсколько отъ задержанія мочи, вслѣдствіе принятыхъ имъ лѣкарствъ. Но боли, которыя онъ испытывалъ, уступили дѣйствію ванны и пріему вяжущаго средства. Г. Арендтъ думаетъ, что черезъ нѣсколько дней принцъ будетъ на ногахъ и здоровымъ.

21 Сентября, Суббота.

Гг. врачи продолжаютъ увѣрять, что принцъ Хозревъ-Мирза внѣ всякой опасности. Однако, онъ еще слабъ и дурно чувствуетъ себя по ночамъ. Задержаніе мочи продолжаетъ его мучить. Выздоровленіе наступитъ не такъ скоро, какъ надѣялись.

Воскресенье, 22 Сентября.

Состояніе здоровья принца Хозрева видимо улучшается. Полученные его высочествомъ вчера вечеромъ ордена, которые Ваше Величество изволили ему пожаловать, повидимому, преисполнили его благодарностію и радостію. Онъ говоритъ, что всѣ его братья будутъ ему очень завидовать. Свита принца будетъ смотрѣть на молебенъ изъ окна дома графа Салтыкова.

Понедѣльникъ, 23 Сентября.

Вчера Хозревъ въ первый разъ вышелъ изъ своей комнаты, чтобы пить чай въ большой пріемной гостиной. Онъ еще слабъ, но совсѣмъ выздоравливаетъ.

Гг. Персіяне вернулись въ восторгѣ отъ вчерашней торжественности. Эмиръ-Низамъ разсыпался въ похвалахъ войскамъ и въ особенности кавалеріи, которая, повидимому, больше всего его поразила.

Вторникъ, 24 Сентября.

Принцъ Хозревъ-Мирза совсѣмъ выздоравливаетъ.

Вчера онъ прогуливался по большому залу дворца. Его свита въ большомъ волненіи и даже ссорится между собою по поводу отсылки впередъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мирза-Масудъ и Мирза-Салехъ одинаково домогаются быть вѣстниками тѣхъ благопріятныхъ вѣстей, которыя они должны передать. Принцъ еще не рѣшилъ, кого изъ нихъ послать; но Эмиръ-Низамъ склоняется въ пользу Масуда. Поэту Фазиль-хану такъ здѣсь нравится, что онъ только и думаетъ, какъ

бы ему здѣсь остаться. «Я желалъ бы быть принятымъ здѣсь на службу для преподаванія восточныхъ языковъ», говоритъ онъ.

25 Сентября, Среда.

Принцъ Хозревъ-Мирза съ нетерпѣніемъ ждетъ своего выздоровленія. Онъ сдѣлалъ прогулку въ каретѣ. Онъ почти здоровъ.

26 Сентября, Четвергъ.

Хозреву-Мирзѣ все лучше и лучше. Онъ провелъ день дома по случаю дурной погоды. Его высочество не пропускаетъ освѣдомляться о здоровьѣ Ея Императорскаго Величества Государыни.

27 Сентября, Пятница.

Принцъ Хозревъ вчера не выѣзжалъ и сегодня хочетъ еще принимать лѣкарства. Мирза-Салехъ долженъ отвезти кн. Волконскому подарки, присланные изъ Персіи. Хозревъ-Мирза показалъ ихъ мнѣ. Всѣ они мнѣ показались не особенно цѣнными.

Эмиръ-Низамъ увѣряетъ, что онъ написалъ убѣдительное письмо Аббасу-Мирзѣ, совѣтуя ему наказать хана Макинскаго.

29 Сентября, Воскресенье.

Хозревъ-Мирза катался вчера въ каретѣ по Елагинскому и Крестовскому островамъ, потомъ гулялъ пѣшкомъ по Таврическому саду. Встрѣтивъ здѣсь великую княжну Елисавету, онъ пригласилъ ея высочество зайти въ большой залъ дворца, отдохнуть. Потомъ принцъ послалъ нѣсколько подарковъ особамъ, которыя сопровождали ея высочество. Принцъ и его свита начинаютъ поговаривать объ отъѣздѣ.

30 Сентября, Понедѣльникъ.

Хозревъ-Мирза въ отличномъ состояніи здоровья; всталъ послѣ 12 часовъ, сдѣлалъ прогулку въ каретѣ одинъ, а остальной день провелъ за шахматами и чтеніемъ. Принцъ не пожелалъ ѣхать въ театръ сегодня вечеромъ. Когда я спросилъ его высочество, не желаетъ ли онъ видѣть карету, приготовленную для его путешествія, онъ отложилъ это до завтрашняго дня.

1 Октября, Вторникъ.

Омовенія, шахматы и театръ наполнили вчерашній день принца Хозрева. Его высочество надѣется видѣть сегодня графа Нессельроде и поговорить съ нимъ о прощальной аудіенціи и объ отъѣздѣ. Онъ самъ говоритъ, что это будетъ чрезъ 8 или 10 дней. Его высочество часто спрашиваетъ, нѣтъ ли жалобъ на кого-нибудь изъ Персіянъ посольской свиты. Я могъ по всей справедливости удостовѣрить о хорошемъ поведеніи всѣхъ ихъ вообще. Сегодня вечеромъ, когда мы

ѣхали въ каретѣ вдвоемъ, принцъ обѣщалъ, что онъ самъ не будетъ больше стрѣлять въ саду изъ ружья, чѣмъ онъ забавлялся еще вчера.

2 Октября, Среда.

Хозревъ-Мирза видѣлъ вчера вице-канцлера. Онъ, вѣроятно, просилъ его сiятельство передать ему приказанiя Вашего Императорскаго Величества относительно прощальной аудiенцiи. Его высочество во всеуслышанiе объявилъ всѣмъ своимъ, что онъ намѣренъ выѣхать въ непродолжительномъ времени. Первый снѣгъ былъ для него большою неожиданностiю.

3 Октября, Четвергъ.

Вчера Персидскiй принцъ и его свита осматривали придворныя конюшни, музей и состоящiя при нихъ мастерскiя. Онъ былъ въ восторгѣ ото всего, а также отъ своей дорожной кареты. Его очень позабавило, что его прокатили въ ландо по конюшнѣ. Онъ еще разъ вошелъ на минуту въ ту золоченую карету, въ которой ѣздилъ на аудiенцiю. Вечеромъ принцъ былъ во Французскомъ театрѣ. Держа во время игры свою записную книжку въ рукахъ, онъ отмѣчалъ въ ней тѣ слова, которыя особенно его поражали.

4 Октября, Пятница.

Принцъ Хозревъ осматривалъ главный штабъ съ большимъ вниманiемъ, чѣмъ можно было ожидать. Книгопечатанiе, литографiя и газовое освѣщенiе, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, въ особенности его заинтересовали. Его высочество написалъ на копированной бумагѣ нѣсколько словъ по-персидски и свое имя по-французски. Снимокъ съ его автографа, экземпляръ котораго я прилагаю, былъ сдѣланъ при немъ. Принцъ беретъ съ собою въ Персiю полную литографiю и намѣревается пригласить къ себѣ на службу литографа.

Эмиръ-Низамъ надѣлъ вчера полученную имъ ленту Бѣлаго Орла. Онъ, повидимому, очень польщенъ этимъ пожалованiемъ.

Принцъ настаиваетъ на своемъ желанiи осмотрѣть домъ умалишенныхъ. Эта поѣздка назначена на сегодня, въ 2 часа.

5 Октября, Суббота.

Хозревъ-Мирза часа два провелъ въ совѣщанiи съ модисткой, окруженный картонками. Модистка должна сдѣлать небольшое приданое изъ Европейскихъ нарядовъ для одной изъ его сестеръ *).

---

*) Въ бумагахъ гр. Сухтелена сохранилась печатная карточка съ адресомъ моднаго магазина, въ которомъ бытъ сдѣланъ этотъ заказъ. Вотъ онъ: „Магазинъ модныхъ и другихъ вещей Эйзелера и Бусса на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ купца Паскова, на углу, противъ Гостиннаго двора и Императорской библiотеки“.

Принцъ завтракалъ померанцами, поджаренными въ сахарѣ имъ самимъ. Потомъ онъ осмотрѣлъ съ живѣйшимъ интересомъ Обуховскую больницу и разспрашивалъ о способѣ леченія умалишенныхъ, повидимому вполнѣ одобряя гуманное обращеніе, посредствомъ котораго достигаютъ ихъ выздоровленія. Сегодня, если ничто не помѣшаетъ, принцъ поѣдетъ смотрѣть школу верховой ѣзды.

6 Октября.

Сегодня утромъ Хозревъ сдѣлалъ визитъ графу Нессельроде. Вечеромъ, послѣ того, какъ онъ побывалъ въ двухъ театрахъ, онъ попросилъ меня зайти въ его апартаменты. Тамъ онъ передалъ мнѣ превосходную саблю съ отлично изукрашенной портупеей, прося меня сегодня поднести ее, на память объ немъ, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику. Я долженъ былъ обѣщать принцу, что исполню это до назначеннаго часа его прощальной аудіенціи.

9 Октября, Среда.

Сегодня принцъ не выѣзжалъ, сдѣлалъ только небольшую прогулку по саду и вечеромъ отправился въ театръ. Онъ принималъ нѣсколько визитовъ. Сегодня онъ долженъ обѣдать у вице-канцлера.

10 Октября, Четвергъ.

Принцъ Хозревъ былъ очень польщенъ полученіемъ портрета Ея Величества Государыни Императрицы. Его высочество обѣдалъ вчера у вице-канцлера и скучалъ въ театрѣ.

Сегодня принцъ долженъ ѣхать на обѣдъ къ лорду Heytesbury.

11 Октября, Пятница.

Хозревъ-Мирза вернулся вчера въ восхищеніи отъ стеклянной и фарфоровой мануфактуръ. Онъ долго разсматривалъ вещи, которыя ему тамъ подарили, когда ихъ принесли во дворецъ.

Одинъ кондитеръ поднесъ ему конное его изображеніе изъ сахара. Онъ очень этимъ доволенъ и непремѣнно желаетъ отвезти это сладкое образцовое произведеніе въ Персію.

Сегодня утромъ принцъ будетъ принимать нѣсколько прощальныхъ визитовъ. Обѣдать онъ будетъ у графа Потоцкаго.

12 Октября, Суббота.

Вчера утромъ принцъ Хозревъ принималъ визиты; обѣдалъ у графа Потоцкаго. На сегодняшній день нѣтъ опредѣленной программы, кромѣ того, что принцъ проведетъ вечеръ у его сіятельства графа Кочубея. Отъѣздъ его высочества, назначенный сперва на Воскресенье, потомъ на Вторникъ, отложенъ, наконецъ, до будущаго Четверга по причинѣ предварительныхъ приготовленій, которыя, какъ говорятъ, не могутъ быть сдѣланы ранѣе.

13 Октября, Воскресенье.

Хозревъ-Мирза вчера выѣзжалъ только для того, чтобы провести вечеръ у графа Кочубея. Принцъ и всѣ другіе Персіяне казались очень удивленными совершенствомъ произведеній нашей мануфактуры, разсматривая нѣкоторые изъ подарковъ, полученныхъ ими вчера. Нужна была наличность клеймъ и знаковъ, чтобы ихъ убѣдить, что это, дѣйствительно, мѣстныя произведенія.

Понедѣльникъ, 14 Октября.

Письма полученныя изъ Персіи причинили озабоченность. Говоря о трудности перевозки ружей, выписанныхъ изъ Англіи для Аббаса-Мирзы, принцъ спросилъ меня, нѣтъ ли возможности пріобрѣсти ихъ въ Россіи. Онъ со дня на день ожидаетъ пріѣзда курьера изъ Персіи.

Принцъ, кажется, имѣетъ намѣреніе, если Его Высочество Великій Князь Михаилъ прибудетъ сюда до его отъѣзда, испросить честь быть ему представленнымъ. Хозревъ-Мирза прогуливался. Онъ былъ въ театрѣ вчера и отказался сдѣлать какое-либо расписаніе на сегодня. Онъ просилъ свиданія съ г. Родофиникинымъ [1]).

Вторникъ, 15 Октября.

Вчера Хозревъ-Мирза былъ только въ театрѣ. Его высочество откровенно высказался мнѣ о затрудненіи, въ которомъ онъ находится по поводу содержанія писемъ, привезенныхъ вчера изъ Персіи. Осыпанный милостями и вниманіемъ—говоритъ онъ—онъ будетъ краснѣть, если обратится съ новыми просьбами къ Вашему Величеству, и какой бы пріемъ ни ожидалъ его со стороны его отца, онъ ни въ какомъ случаѣ, кажется, не рѣшится искать поводовъ къ тому, чтобы отложить свой отъѣздъ, а въ особенности поднимать во второй разъ неприступный (inabordable) вопросъ о Талышѣ [2]). Я сталъ поддерживать его въ этихъ намѣреніяхъ и доказывать ему неумѣстность и даже невозможность этого и что отецъ не долженъ былъ заставлять его этого домогаться. Онъ остался въ убѣжденіи, что я говорилъ съ нимъ какъ съ другомъ. Единственное изъ порученій, которое онъ, повидимому, все еще намѣренъ исполнить, это—просить о возвращеніи части артилерійскихъ полевыхъ орудій и ружей, которыя мы отняли у Персіянъ въ послѣднюю войну. Въ основаніе этой просьбы онъ намѣренъ выставить необходимость реорганизаціи военныхъ силъ, чтобы сдѣлать ихъ способными укрѣпить за его отцомъ тронъ, а равно то обстоятельство, что мы уничтожили ихъ литейные заводы, отобрали металъ, инструменты, машины и даже рабочихъ; что все это можетъ быть воз-

---

[1]) Тогдашнимъ директоромъ Азіатскаго Департамента.

[2]) Провинція въ Персіи.

становлено лишь съ большими издержками и въ отдаленномъ будущемъ; что ружья они могутъ пріобрѣсти только въ Англіи, на что потратится два года времени, и что, наконецъ, ихъ ружья для насъ безполезны. Принцъ намѣренъ просить, чтобы имъ позволено было выкупить ружья за умѣренную цѣну. Онъ разсчитываетъ, что въ нашихъ рукахъ ихъ до 6000, а всѣхъ ружей ими потеряно до 12000. Его выс. хочетъ переговорить сегодня объ этомъ съ гр. Нессельроде.

Среда, 16 Октября.

Принцъ Хозревъ пригласилъ вчера къ себѣ обѣдать генерала Нейдгардта съ супругой и дочерью. Сегодня его высочество желаетъ отправиться на корабль, который былъ спущенъ вчера.

17 Октября 1829.

Часть прислуги Персидскаго посольства уѣхала вчера утромъ въ сопровожденіи лейтенанта Кашперова и ляля, дядьки принца.

Его высочество былъ до такой степени въ дурномъ настроеніи духа, что это выразилось въ припадкѣ гнѣва, стоившемъ ударовъ кулакомъ его казначею Али-Ашрифъ-Беку, поэту Фазиль-Хану и одному изъ лакеевъ. Произошла потомъ смѣшная сцена съ генераломъ Ренненкампфомъ изъ-за того, что послѣдній не тотчасъ же какъ надѣлъ явился къ принцу въ орденской лентѣ. Принцъ кончилъ тѣмъ, что сознался въ своей несправедливости. Онъ послалъ нѣсколько шалей знакомымъ дамамъ и въ томъ числѣ, тайкомъ отъ меня, моей дочери.

Насколько можно полагаться на Персидскую аккуратность, нужно надѣяться, что въ часъ пополудни его высочество отправится въ путь. Принцъ поручилъ мнѣ передать его императорскому высочеству великому князю свое сожалѣніе, что *внезапный* [1]) отъѣздъ лишилъ его чести представиться Его Императорскому Высочеству [2]).

Сообщилъ М. Розоновъ.

20-го Ноября 1888 г. Тамбовъ.

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[2]) Письмо Нейдгардта къ графу Сухтелену отъ 16 Октября: Его императорское высочество (*карандашемъ рукою графа Сухтелена:* „великій князь Михаилъ") приметъ васъ завтра въ 10 или въ 11 часовъ. Такъ какъ его императорск. высочеству сказали, что Хозревъ-Мирза желаетъ его видѣть, что онъ готовъ принять у себя; но только нужно, чтобы онъ былъ заранѣе объ этомъ предупрежденъ. Устройте это и если вы хотите получить какія-нибудь указанія отъ великаго князя, то даже пріѣзжайте сегодня къ его высочеству, и вы будете приняты; но только скажите, чтобы объ васъ доложили, что вы имѣете надобность переговорить съ самимъ великимъ княземъ".

ПИСЬМА Н. П. СЛѢПЦОВА КЪ КНЯЗЮ БАРЯТИНСКОМУ [1]).

1851.

1) Ст. Сунжинская. 1851 г. Апрѣля 8.

Христосъ Воскресъ! Ваше сіятельство князь Александръ Ивановичъ!

Извините, князь, что запоздалъ и письмомъ моимъ, и поздравленіемъ съ годовымъ праздникомъ нашимъ, при чистосердечномъ желаніи всего прекраснаго въ жизни вашей на множество лѣтъ; служебныя хлопоты, а болѣе праздничная суета были тому единственной причиной. Поспѣшаю препроводить къ вамъ копіи съ послѣдней переписки моей по вопросамъ касательно устройства двухъ новыхъ станицъ; изъ нихъ увидите, какъ я торопился отвѣтомъ—писалъ въ самый 1-й день праздника и конечно неполно и довольно несвязно изобразилъ предположенія по многимъ предметамъ. Какъ сумѣлъ такъ и передавалъ ихъ на вопросы довольно сложные и требующіе тщательной точности и вниманія. Что же касается до предшествовавшей переписки по этому предмету, то въ проѣздъ чрез Сунжу Машковъ [2]) сказалъ мнѣ, что она имѣется при дѣлахъ Лѣваго фланга, и потому я не прилагаю копій съ нея; если же прикажите, то не замедлю препроводить. Воображаю, ваше сіятельство, какъ весело вамъ пришлось встрѣчать и провожать праздникъ! У насъ здѣсь довольно благополучно, и праздники обошлись безъ тревогъ. Послѣднія извѣстія, полученныя мною чрезъ лазутчиковъ, не оправдываются, и Тавлинцы дѣйствительно усердно занимаются устройствомъ волчьихъ ямъ на Шалинской полянѣ [3]). Вотъ уже приближается и время къ сбору отряда для устройства новыхъ станицъ, и къ тому времени я поспѣшаю закончить всѣ маленькія дѣлишки по линіи и по полку, чтобы посвободнѣе приступить къ новымъ занятіямъ. При душевномъ желаніи добраго здоровья и всего лучшаго, съ истиннымъ уваженіемъ моимъ Н. Слѣпцовъ [4]).

---

[1]) См. выше, стр. 159-я. Примѣчанія принадлежатъ А. Л. Зиссерману. П. Б.

[2]) Офицеръ, бывшій старшимъ адъютантомъ въ штабѣ Лѣваго фланга.

[3]) Это послѣ взятія окопа Слѣпцовымъ.

[4]) Дальнѣйшія начало и окончаніе писемъ, для краткости опускаются. П. Б.

2) Ст. Сунжинская. 1851 г. Апрѣля 19.

Два письма вашего сіятельства я имѣлъ честь получить; по послѣднему поспѣшаю извѣстить, что я уже донесъ вашему сіятельству объ отсрочкѣ сбора войскъ вмѣсто 20-го къ 25 числу этого мѣсяца; остается рѣшить вашему сіятельству о направленіи вашихъ войскъ къ этому сроку. Перемѣна произошла по случаю поздняго прибытія на Сунжу Эриванскаго баталіона. Ген. Ильинскій увѣдомляетъ, что баталіонъ этотъ прибудетъ на Сунжу не ранѣе 24-го Апрѣля.

Во всякомъ случаѣ я рѣшился далѣе не отсрочивать и заняться дѣломъ съ 26-го и потому соберу всѣ войска здѣшнія 25-го числа въ Заканъ-юртъ, минуя препятствія, еслибъ они и встрѣтились. По разнымъ служебнымъ хлопотамъ я отлучался въ Владикавказъ на два дня и возвратился поздно вчера вмѣстѣ съ Николаемъ Агапычемъ [1]), который сегодня въ Заканъ-юртѣ у своего моста.

Евфросинья Петровна [2]) проѣхала благополучно въ Назранъ и далѣе я даже не успѣлъ распорядиться о высылкѣ ей встрѣчнаго конвоя, ибо выѣхалъ съ ними въ одно время въ станицу Сунжинскую. Опочинины и Ивановы поручили мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое совершенное уваженіе. Простите мнѣ, ваше сіятельство, если замедлилъ какимъ-либо увѣдомленіемъ и въ случаѣ малѣйшаго недоразумѣнія не оставьте приказать, хотя и адъютанту вашему, напомнить мнѣ: я тотчасъ постараюсь исправиться. Наше дѣло здѣсь и святое, и общее, но теперь немудрено сдѣлать маленькую ошибку: ибо и у васъ, и у меня заботъ достаточно. Соображая свѣдѣнія, получаемыя отъ лазутчиковъ съ движеніемъ между ново-покорными нашими, я распорядился вновь сборомъ аманатовъ съ Карабулака, Малыхъ Чеченцевъ и Галашевцевъ. Мнѣ сказывали, что Шамиль, полагая всѣ силы наши оттянутыми на Правый флангъ, замышляетъ что-то не совсѣмъ доброе въ нашихъ краяхъ; будто бы, подъ видомъ для работъ въ Шаляхъ, предполагаетъ сдѣлать стороной сборъ Тавлинцевъ. Это согласно и съ мнѣніемъ вашего сіятельства, ибо въ письмѣ своемъ вамъ угодно было замѣтить, что есть предположеніе о сборѣ рабочихъ Тавлинцевъ въ Большой Чечнѣ; посмотримъ, чѣмъ разъяснится. Хотя всякую весну разсказываютъ здѣсь о приготовленіяхъ и замыслахъ Шамиля, но осторожность не мѣшаетъ. Какъ бы Богъ далъ поскорѣе въ Алханъ-юртъ! Тогда мы будемъ достаточно сильны противъ всѣхъ крамолъ хищниковъ, и я буду ожидать только распоряженій вашего сіятельства, чтобъ быть всюду по указанію вашему. P. S. Ваше сіятельство, если возможно, нельзя ли пріостановить фуражировки по „Тремъ Братамъ“ [3]) изъ Грозной, ибо скоро отряду изъ Алханъ-юрта негдѣ будетъ фуражировать, теперь же всѣ транспорты тамъ травою пользуются.

---

[1]) Ивановъ—строитель мостовъ, впослѣдствіи атаманъ Кубанскаго казачьяго войска.

[2]) Супруга генерала Нестерова, начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга.

[3]) Названіе мѣстности.

3) Лагерь при Алханъ-юртѣ.

27-го числа этого мѣсяца войска, составляющія ввѣренный мнѣ отрядъ (по соединеніи 26-го въ Заканъ-юртѣ) стали на весьма удобную позицію нѣсколько пониже Алханъ-юрта. Къ сожалѣнію конница еще не вся собралась, и пѣхотѣ много дѣла по расчисткѣ береговъ рѣки и устройству лагеря, и потому разбивку станицы я по необходимости отлагаю до 1-го Мая; теперь же пользуюсь временемъ для благовременнаго заготовленія провіанта, чтобы въ послѣдствіи было сколь можно менѣе отрывокъ пѣхоты отъ занятій. Ваше сіятельство 29-го полагали возвратиться въ Грозную, а у меня здѣсь покуда не совсѣмъ все приведено въ порядокъ, и потому только 1-го числа предстоящаго мѣсяца, т. е. во Вторникъ, мнѣ возможно будетъ исполнить усердное желаніе свое представиться вашему сіятельству въ Грозной; до того же времени обо всемъ буду доносить въ подробности, что̀ здѣсь будетъ дѣлаться.

Сюда въ лагерь прибыла команда саперъ при офицерѣ въ числѣ 35 человѣкъ, которая слѣдуетъ къ вашему сіятельству; по маршруту въ Грозную прибыть должны 12 Мая. Не позволите ли ее на нѣкоторое время задержать здѣсь хотя дней на 7-мь, что̀ было бы весьма полезно при разбивкѣ и начальныхъ работахъ по устройству станицы? Сейчасъ здѣсь слышались пушечные выстрѣлы въ Урусъ-Мартанѣ — разъ пять; вѣроятно хищники угнали нѣсколько скотинъ у мирныхъ. Таже исторія случилась вчера на разсвѣтѣ у Ачхоевскихъ жителей: у нихъ взяли семь быковъ по ихъ собственной неосторожности.

4) Лагерь при Алханъ-юртѣ. 6 Мая.

Сегодняшній день прошелъ въ ожиданіяхъ; непріятель ни ночью ни днемъ еще ничего не придумалъ; можетъ статься, такъ и пройдетъ въ тщетныхъ ожиданіяхъ, ибо рѣшительности въ Чеченцахъ менѣе, чѣмъ хитрости и лукавства. Вы простите мнѣ, искренно многоуважаемый князь, что я запоздалъ высылкой унтеръ-офицера савернаго и 2-хъ рядовыхъ, предположивъ ихъ отправить 8-го съ той оказіей, которая пойдетъ за вами; ибо конечно вы не измѣнили, князь, обѣщанію вашему пріѣхать 8-го на ночь къ намъ въ нашъ лагерь и провести 9-е. Вообразите, что въ этотъ день пріѣзжаютъ сюда Опочинины и Ивановы въ сопровожденіи Михаила Сергѣича. Николай Агапычъ рѣшилъ 9-е праздновать въ лагерѣ и, пользуясь желаніемъ вашимъ видѣть у себя дамъ ранѣе 30 Августа, я намекнулъ, что имъ не мѣшало бы сдѣлать прогулку къ добрымъ знакомымъ, которымъ они доставили бы величайшее удовольствіе; къ тому же имъ теперь развлеченіе необходимо: всѣми любимый Бахметевъ *) не пе-

---

*) Инженеръ путей сообщенія во Владикавказѣ.

ренесъ страданій и померъ; всѣ эти доводы подѣйствовали наконецъ. Развѣ слухи о партіяхъ остановятъ. Впрочемъ вамъ и мнѣ 9-го надобно ожидать гостей; если вы здѣсь встрѣтитесь, то къ вечеру можно быть въ Грозной. Сдѣлайте милость, князь, не измѣните своему слову; я всѣми мѣрами постараюсь обезопасить путь для дорогихъ гостей, но до поры до времени секретъ. Привезите съ собой, князь, Чернова и другихъ добрыхъ знакомыхъ.

Извините, что я васъ безпокою такимъ докучливымъ письмомъ; дѣло съ бездѣльемъ иногда необходимо помѣшать: одно другому не помѣха. Планъ станицы еще не сдѣланъ для васъ, но окончивши тотчасъ представлю. Сегодня послалъ князю Михаилу Семеновичу при письмѣ, въ которомъ не забылъ объяснить все *искреннее* по разговору нашему на Сунжѣ.

Не оставьте приказать, когда къ вамъ выслать казаковъ въ Грозную, т. е. къ которому часу 8-го числа? Съ ними препровожу и требуемыхъ саперъ. Если получите что либо о хищникахъ, не откажите приказаніемъ меня извѣстить. Я съ своей стороны блюду спокойствіе вверхъ, согласно инструкціи вашего сіятельства. Увѣдомте, пожалуйста, довольны ли вы приглашеніемъ Владикавказскихъ *); я ихъ очень почитаю; да при томъ вы сами сказали, что желали бы ихъ видѣть ранѣе 30 Августа.

5) Лагерь въ Алханъ-юртѣ. 1851 г. Мая 14.

Изъ донесенія моего ваше сіятельство замѣтите, что занятія наши здѣсь продолжаютъ идти спокойно. Гости наши поручили мнѣ засвидѣтельствовать вамъ еще разъ свои глубокія чувствованія за душевный пріемъ; я ихъ проводилъ до Заканъ-юрта. Новостей здѣсь не слышно никакихъ, даже лазутчики рѣже ходятъ. Мелкія партіи шляются около; раза два или три я высылалъ секреты, но ничего не открыли. Жду переселенцевъ Моздокскихъ; къ несчастію въ устройствѣ новаго парома вышла остановка за канатами, за коими послали въ Кизляръ; прежде купленные не годились, и потому ранѣе 20-го паромъ не будетъ исправленъ. Это обстоятельство задерживаетъ нашихъ переселенцевъ, а теперь бы и время приступать имъ къ занятіямъ своимъ на новосельи. Изъ Тифлиса ни строчки не получалъ. Мнѣ сказывалъ г. Сулимовскій, что ваше сіятельство имѣли намѣреніе сообщить мнѣ нѣчто изъ письма вами полученнаго; любопытно особенно знать, нѣтъ ли чего въ связи съ моимъ письмомъ къ князю Михаилу Семеновичу, о которомъ я объяснялъ вашему сіятельству.

P. S. Поспѣшаю поздравить съ дождичкомъ. Слава Богу!

6) Алханъ-юртъ. 19 Мая.

Вчера я рано утромъ предупредилъ всюду у себя и въ Заканъ-юртѣ о партіи Маки въ 60 человѣкъ; она обнаружилась около Заканъ-юрта, гдѣ

*) Т. е. гостей, семейства Опочининыхъ и Ивановыхъ.

у меня г. Ленскій [1]) заготовляетъ лѣсъ, и была съ успѣхомъ отражена, какъ усмотрите, ваше сіятельство, изъ прилагаемой при семъ копіи съ донесенія г. Ленскаго. Таже партія въ 20 человѣкъ, о которой я получилъ извѣстіе изъ Грозной по порученію вашего сіятельства, нигдѣ не обнаружилась и вѣроятно шляется гдѣ-нибудь ниже.

Теперь вновь извѣстіе о серьезной уже партіи; когда же этому конецъ? Надобно положить предѣлъ всѣмъ крамоламъ хищниковъ, истинно уважаемый князь! Я теперь въ большихъ хлопотахъ, а то бы поскакалъ къ вамъ; надобно мнѣ очень много переговорить. Изъ письма князя Михаила Семеновича, при семъ посылаемаго (которое по прочтеніи не оставьте возвратить) ваше сіятельство увидите, что дѣлишки пойдутъ хорошо, и ваши благодатныя идеи примутъ свое начало; все пойдетъ преотлично. *Вы знаете*, князь, *мое душевное настроеніе и позвольте еще разувѣрить васъ, что я не отступлю отъ союза благонамѣренности и, чего не достанетъ у меня, со всей охотой подчиняюсь всему здравому и благородному, отъ васъ исходящему, въ отношеніи здѣшняго узла, перепутаннаго до nec plus ultra* [2]). Обо всемъ надобно намъ прежде опять переговорить самымъ положительнымъ образомъ, безъ чего я не рѣшусь взяться за перо, чтобъ писать превосходному старцу нашему, консулу [3]).

Обо всемъ буду извѣщать ваше сіятельство; Богъ милостивъ, обойдемся и безъ тѣхъ, кои такъ торопливо спѣшатъ въ Россію [4]).

Душевно обязанъ за воспоминаніе ваше въ письмѣ къ г. главнокомандующему. Располагайте мною, почитаемый князь, и всѣми войсками въ отрядѣ; я же весь къ вашимъ услугамъ: только прикажите!

Ради Бога, будьте увѣрены въ величайшемъ секретѣ съ моей стороны на счетъ всякаго вашего предположенія: во снѣ не проговорюсь, ибо понимаю уже давно, что въ здѣшней войнѣ глубочайшій секретъ есть первое условіе успѣха.

7) Лагерь въ Алханъ-юртѣ. 20-го Мая.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе считаю себя обязаннымъ вашему сіятельству за доброе расположеніе ваше ко мнѣ; *надѣюсь и постараюсь по крайней мѣрѣ всѣми силами моими быть достойнымъ вашего довѣрія навсегда.* Письмо г. главнокомандующаго поспѣшаю возвратить. Эти отвлеченные намеки о возвращеніи г. Козловскаго еще ничего положительнаго со стороны князя не обнаруживаютъ; Богъ милостивъ, для блага

---

[1]) Командиръ батальона Навагинскаго полка.

[2]) Намекъ на многоначаліе, въ подчиненіи у котораго Слѣпцовъ находился: начальнику Лѣваго фланга съ одной, начальнику Владикавказскаго округа съ другой и атаману линейнаго казачьяго войска съ третьей стороны.

[3]) Т. е. главнокомандующему князю Воронцову.

[4]) Намекъ на ген. Козловскаго, спѣшившаго отпускомъ въ Москву, къ невѣстѣ.

края устроится къ наилучшему *). Ко мнѣ пишутъ изъ Моздокскаго полка, что переселенцы, окончивъ свой паромъ, 22-го переправляются со всѣмъ имуществомъ и скотомъ за Терекъ для слѣдованія на водвореніе въ новоустроенной здѣсь станицѣ; это обстоятельство на нѣсколько дней развлечетъ войска въ отрядѣ. Ваше сіятельство, теперь подходитъ покосъ; я у васъ буду нѣсколько разъ за полученіемъ приказаній; увѣдомите только, когда вамъ посвободнѣе, и тогда, выслушавъ ваши рѣшенія о предположеніяхъ военныхъ, приготовлюсь какъ вамъ угодно будетъ приказать; это будетъ вѣрнѣе (въ этомъ отношеніи) переписки. Между тѣмъ мнѣ желательно было бы заглянуть къ ближайшимъ сосѣдямъ своимъ въ М. Чечнѣ; если возможность будетъ ихъ потормошить на скорую руку въ одинъ денекъ, со средствами, которыя у меня подъ рукой, то это думаю сдѣлать, не откладывая на дняхъ. Если Богъ пошлетъ (успѣхъ), тотчасъ же извѣщу ваше сіятельство.

На счетъ записокъ вашихъ о краѣ, если дозволите мнѣ быть ихъ представителемъ у князя-намѣстника, то также думаю, что это лучшій моментъ представить наиполезнѣйшій трудъ вашего сіятельства на заключеніе г. главнокомандующаго. Это облегчитъ все дѣло, ибо въ нихъ все подготовлено сообразно съ благими идеями нашего торжественнаго старика-властителя въ краѣ.

Но прежде всего извольте лично выразить ваши намѣренія по этому предмету; ибо это обстоятельство для меня очень важное, и я не могу рѣшиться на него безъ самыхъ положительныхъ совѣщаній съ вашимъ сіятельствомъ. Сію минуту прибыла ко мнѣ другая сотня Моздокскаго линейнаго казачьяго полка безъ всякаго предписанія, и я не знаю по чьему распоряженію, ибо я ожидалъ сотни въ отрядъ, но не изъ Моздокскаго полка. Сдѣлайте милость, князь, не оставьте разъяснить мнѣ это обстоятельство; равно также я не получаю бумаги отъ васъ и о хуторахъ, какъ вы мнѣ говорили.

8) Лагерь въ Алханъ-юртѣ. 22-го Мая 1851 г.

Предположенія мои рушились; отъ безпрерывныхъ дождей въ горахъ, воды въ рѣкахъ наполнились, слѣдовательно о чемъ вашему сіятельству я докладывалъ секретно, долженъ отложить до болѣе благопріятнаго времени. Между тѣмъ маленькія дѣлишки призываютъ на Верхнюю Сунжу; надобно будетъ побывать хотя на одинъ денекъ; теперь самое лучшее до начатія покоса, да и за трудными переправами нельзя ожидать къ нашей сторонѣ большихъ партій. Сегодня отправлюсь и до возвращенія поручу отрядъ старшему по мнѣ здѣсь, г. Сулимовскому. 24-го непремѣнно обращусь, ибо

---

*) Какъ дружественны были взаимныя отношенія между кн. Барятинскимъ и Слѣпцовымъ можно судить уже по этимъ сообщеніямъ другъ другу, получаемыхъ отъ главнокомандующаго писемъ, болѣе частнаго, чѣмъ служебнаго характера. Особенно это еще замѣтнѣе со стороны князя, сообщавшаго Слѣпцову свою записку о реформѣ всего военнаго управленія на Кавказѣ, которую Слѣпцовъ признавалъ *благодатною* для края.

въ этотъ день прибываютъ переселенцы съ Терека, и я долженъ ихъ встрѣтить. Послѣ этого немедленно явлюсь къ вашему сіятельству.

9) Лагерь при Алханъ-юртѣ. 1851 г. Іюня 14.

Поспѣшаю препроводить вашему сіятельству оба письма отъ г. главнокомандующаго и къ вамъ, и ко мнѣ; изъ послѣдняго вижу, что желаніе наше исполнилось; не знаю, что̀ заключается въ первомъ, но полагаю, что дѣло пойдетъ къ лучшему. Дай Богъ! Одно обстоятельство въ словѣ *записки о Чечнѣ* меня нѣсколько смущаетъ, ибо въ письмѣ князю Михаилу Семеновичу я писалъ о вашей запискѣ и о вашемъ взглядѣ на *край* вообще; такъ какъ намѣстникъ наиболѣе интересуется теперь положеніемъ Чечни, то вѣроятно онъ замѣнилъ одно слово другимъ при диктовкѣ письма, не обративъ на то особеннаго вниманія [1]). Слава Богу! Лишь было бы благопріятное начало, а то все равно; *надобны ваши записки и болѣе ничего.* Здѣсь второй день дожидается вашъ человѣкъ, служившій прежде у князя Мирскаго, а нынѣ отправляющійся къ вашему сіятельству. Не оставьте въ четыре часа пополудни сего числа выслать на половину дороги, верстъ на пять отъ Грозной, конвой для него, а отсюда я его отправлю. Прилагаемое при семъ письмо мое не оставьте возвратить.

Простите за торопливость письма: спѣшу отправить нарочнаго.

P. S. Что̀ слышно о Шамилѣ, уѣхалъ ли онъ изъ Б. Чечни или еще пребываетъ въ нашемъ сосѣдствѣ? Ко мнѣ мои посланные не идутъ и ничего не увѣдомляютъ по этому предмету.

Поспѣшаю увѣдомить ваше сіятельство, что я предпринималъ очень сложное и трудное движеніе, которое кончилось по милости Божіей довольно удачно и съ полнымъ успѣхомъ ожидаемаго, даже болѣе.

Извините что не своею рукой пишу это письмо, потому что я очень утомленъ, да притомъ раненъ въ ногу, впрочемъ кажется легко; по крайней мѣрѣ теперь особой боли не чувствую и надѣюсь лечиться въ лагерѣ, если позволятъ, по прежнему командуя отрядомъ, хотя изъ вашей прекрасной палатки, на первое время [2]).

Укр. Ачхой. 1851 г. 15 Іюня.

P. S. Форменное и правдивое донесеніе не замедлю прислать.

10) Ст. Сунжинская, 1851 года Іюня 23.

До 27-го [3]) уже осталось немного, истинно-уважаемый князь Александръ Ивановичъ, а здоровье мое еще не возстановилось. Хотинскій

---

[1]) Главнокомандующій дѣйствительно писалъ только объ одной запискѣ касавшейся особаго народнаго суда для Чеченцевъ. Въ Біографіи князя Барятинскаго (томъ 1-й, стр. 112—115) читатель найдетъ объ этомъ подробности и также объ отношеніяхъ князя съ Слѣпцовымъ.

[2]) Подарокъ князя Барятинскаго Слѣпцову.

[3]) Къ этому числу князь Барятинскій приглашалъ Слѣпцова въ Грозную для участія въ предположенномъ имъ 28 числа движеніи въ Большую Чечню, которое и состоялось съ полнымъ успѣхомъ.

уничтожилъ конское средство и велѣлъ бросить заволоку, и теперь мнѣ легче, но встать еще не могу; послѣднія заволоки были ужасно нестерпимы: онѣ меня чуть въ горячку не вогнали.

Позвольте вамъ представить, князь, подателя письма сего г. есаула Петрова. Хотя по наружности онъ и кажется не джигитомъ, потому что безъ бороды, но въ сущности онъ-то и есть истый джигитъ-молодецъ; по хозяйственной части тоже весьма исправенъ; полагаю, что ваше сіятельство останетесь имъ довольны.

Теперь, князь, моя покорнѣйшая просьба не брать по крайней мѣрѣ изъ кавалеріи болѣе трехъ сотенъ казаковъ; пѣхота и артилерія пусть пойдутъ по назначенію вашего сіятельства; къ этому времени слѣдуютъ сюда Донскіе переселенцы съ большимъ числомъ скота; кромѣ того и у Моздокскихъ довольно; тѣмъ болѣе что они (хищники?) смѣняются безпрерывно; при томъ работы много, а на три дня отрывокъ. Больше и нельзя оставить новыя станицы безъ прикрытія; вамъ же можно болѣе взять со старой линіи конницы. Если можно только, я прошу; право, крѣпко опасаюсь, чтобы чего не случилось: хищники всюду шныряютъ. Копію съ донесенія при семъ прилагаю. Къ тремъ сотнямъ можно будетъ взять изъ лагеря еще одну сотню милиціи.

Письмо князя-намѣстника возвращаю; еще нѣтъ ничего отъ старика; правда, что и донесеніе мое я посылаю только сегодня.

Позвольте еще разъ, князь, душевно благодарить за вниманіе ко мнѣ. Вы мнѣ доставили самый пріятный денекъ, но я ужасно сердился, что вы скоро уѣхали [1]), и Богъ васъ наказалъ имѣть ночлегъ въ Заканъ-юртѣ.

Князя Тарханова когда прислать? Изъ Навагинцевъ не знаю уже кого бы лучше вамъ взять; порядочное дрянцо оба полковники—чуть чуть если коснется серьезнаго. P. S. Шатиловъ [2]) просто прелесть!

11) Ст. Сунжинская. 1851 г. Іюня 23.

Въ дополненіе предыдущаго письма моего по важному обстоятельству, касающемуся вашихъ предположеній, князь Александръ Ивановичъ, я полагаю необходимымъ, если мало-мальски здоровье дозволитъ, 26-го къ 4-мъ часамъ по полудни добраться до Алханъ-юрта, гдѣ и буду ожидать все время движенія вашего; если-бы 26-го намъ было возможно повидаться, то устроилось бы какъ лучше все это: какъ разъ къ этому времени налегаютъ

---

[1]) Какъ согласовать эти слова съ разсказомъ г-на Ахшарумова на счетъ посѣщенія кн. Барятинскимъ раненнаго Слѣпцова? Еслибы послѣдній, за оказанное ему сочувствіе и вниманіе, платилъ рѣзкими словами и насмѣшками надъ „гофмейстерскими демаршами“, то надъ нимъ пришлось бы гораздо рѣзче произнести приговоръ за такія дипломатическія, ничѣмъ не вынужденныя, преувеличенныя сладостныя чувства и комплименты; но это мало похоже на прямаго, честнаго Слѣпцова, и потому приходится болѣе вѣрить его письмамъ.

[2]) Командиръ баталіона Эриванскаго полка.

разныя хлопоты, и переселенцы болѣе всего меня смущаютъ. Лучше было бы, если-бы ваше сіятельство не переписывались объ этомъ предметѣ ни съ кѣмъ изъ отряда, а то выйдетъ калабалыкъ, или секретъ не удержится.

12) Ст. Сунжинская. 1851 г. 25 Іюня, 7 часовъ вечера.

Сію секунду прибылъ сюда баталіонный адъютантъ Эриванскаго баталіона за провіантомъ и, явясь ко мнѣ, разсказалъ, что г. Сулимовскій откомандировалъ 1-ю Эриванскую роту, пушку и сотню казаковъ на Терекъ за Донскими переселенцами; это распоряженіе онъ сдѣлалъ совершенно безъ моего вѣдома. Сію секунду же тороплю Предимирова на своихъ дрожкахъ скакать въ лагерь, чтобы онъ все привелъ сколь возможно въ порядокъ. Это просто изъ рукъ вонъ г. Сулимовскій! За скромность Предимирова я ручаюсь, а онъ за меня всѣмъ распорядится и завтра же донесетъ вамъ обо всемъ; надо разсчитать маршъ пѣхоты съ орудіями на Воздвиженское, прибрать вожаковъ и соблюсти весь секретъ; доселѣ покуда еще ничего неизвѣстно. Сунжинская сотня была у меня распущена по хозяйству, но уже собрана и явится по назначенію съ ракетами къ вамъ; вѣрно она не ударитъ себя лицомъ въ грязь, надобно полагать. Ахъ, досадно, князь, что не могу быть подъ начальствомъ вашимъ; это говорю вамъ отъ всей души моей.

13) Ст. Сунжинская. 1851 г. Іюня 25, 5 часовъ пополудни.

Не получая отъ васъ письма, князь, я было крѣпко призадумался; Богъ знаетъ, что́ мнѣ приходило въ голову. Теперь, Слава Богу, и я спѣшу все исполнить по желанію вашего сіятельства. Вы знаете, князь, какая моя досада; вчера я дѣлалъ пробу, ставъ на костыли и чуть чуть не надѣлалъ большихъ бѣдъ; съ ногой, кажется, еще не обойдется меньше недѣли. Сколько я хлопочу быть вамъ полезнымъ въ исполненіи предпріятія, въ этомъ вѣроятно вы не усумнитесь, истинно-почитаемый князь. Какая жалость, что Донскіе переселенцы уже на пути отъ Ищоры въ Алханъ-юртъ; ихъ конвоируетъ рота съ пушкой, которая послана сегодня; конница также въ разбродѣ. Теперь только чувствую, сколь тягостно, что не могу быть въ отрядѣ; кто поведетъ въ Воздвиженское? Сію минуту посылаю вторaго *себя*—Предимирова, съ подробными инструкціями въ лагерь для приведенія въ исполненіе всѣхъ распоряженій вашего сіятельства, которыя довольно сложны. Признаюсь, я опасаюсь за лагерь и Донскихъ переселенцевъ на время вашего отсутствія; отсюда я не могу послать ничего, а конница вся изъ лагеря отправляется съ вами. Народъ ничего не знаетъ и отправляется по станицамъ; такъ Понсетъ *) ѣдетъ сюда. Что́ дѣлать, я имъ говорить не стану.

---

*) Понсетъ былъ адъютантомъ у главнокомандующаго, князя Воронцова, при которомъ отецъ его служилъ еще во Франціи. Онъ братъ графини Натальи Михаиловны Милютиной, тесть бывшаго военнаго министра.

Князь Витгенштейнъ пріѣхалъ сюда, слѣдуетъ къ вамъ; кстати онъ съ Тархановымъ попадутъ.

14) Ст. Сунжинская. 1851 года Іюня 26-го.

Вчерась еще на ночь послалъ Предимирова *) въ отрядъ съ полными инструкціями привести въ исполненіе всѣ распоряженія ваши, многопочитаемый князь Александръ Ивановичъ.

Меня это также безпокоитъ, какъ и васъ; вѣрьте, князь. Г-ну Сулимовскому, за своевольныя его командировки въ лагерѣ, я велѣлъ объявить чрезъ Предимирова (неразобрано). Вѣроятно уже донесъ вамъ обо всемъ; онъ все устроитъ, сколь можно хорошо, ибо я ему все передалъ и разсказалъ секретно; иначе я бы отсюда ничего не могъ сдѣлать. Что̀ Богъ дастъ; мое же желаніе полнаго и прекраснѣйшаго успѣха вамъ всегда и во всемъ. Пожалуста не замедлите послѣ увѣдомить, гдѣ будете и что̀ Богъ пошлетъ; меня это будетъ интриговать. Сегодня здоровье мое весьма скверно; ночи безъ сна помучили меня; довольно я страдаю. Вотъ вамъ и незначительная рана! Когда поправлюсь, это Богу извѣстно; да и докторъ не обѣщаетъ много хорошаго для ноги и послѣ.

15) Ст. Сунжинская. 1851 г. Іюня 30.

Простите мнѣ, искренно и истинно-почитаемый князь Александръ Ивановичъ, что доселѣ не могъ поздравить васъ съ благополучнымъ и отличнымъ окончаніемъ предпріятія; оно совершилось вполнѣ и какъ нельзя удачнѣе; премного обязанъ за вниманіе къ казачкамъ моимъ. Слава Богу, что они могли показать себя достойными вниманія вашего. Мнѣ часъ отъ часу не легче. Таже безсонница, и мученіе увеличивается отъ продолжительнаго лежанія въ постелѣ; такъ что я начинаю страдать грудью не на шутку. Къ князю-консулу писать теперь почти не могу лично, а диктовать какъ-то неловко, постараюсь впрочемъ завтра отправить посланіе съ добрыми вѣстями. Всѣ въ восхищеніи отъ вашего похода, живаго и веселаго; князь Витгенштейнъ и Тархановъ не могутъ забыть, и первый отправился въ Владикавказъ. Дай Богъ вамъ всего, всего прекраснаго и полнаго успѣха во всѣхъ полезныхъ доблестныхъ дѣлахъ вашихъ.

P. S. Къ пріѣзду намѣстника не доѣдете ли до Сунжи?

16) Воды Михайловскія. 1851 г. Іюля 18.

Премного и душевно обязанъ вашему сіятельству за память добрую вашу; увѣренъ въ томъ, что не забыли меня и скажу въ четырехъ словахъ мои бѣдствія. Во 1-хъ, письмо ваше я получилъ чрезъ Донскаго ка-

---

*) Предимировъ, штабъ-офицеръ въ Сунжинскомъ полку, ближайшій помощникъ Слѣпцова, замѣнившій его послѣ смерти въ командованіи полкомъ. Въ началѣ 1855 г.; выѣхавъ на встрѣчу новаго главнокомандующаго, Н. Н. Муравьева, Предимировъ на дорогѣ умеръ отъ удара. Злые языки острили, что отъ страха....

зака только сегодня въ 11-ть часовъ утра. Потомъ прошу не вѣрить безсмысленнымъ толкамъ сплетниковъ, каковы наши офицеры; я потерялъ надежду не только ходить, но и встать съ постели, ибо доселѣ не нахожу покойнаго положенія и не могу уже сидѣть. Желчь меня съѣла; я переѣхалъ на воды, по крайней мѣрѣ отъ мухъ. У меня было два дня кровотеченіе изъ раны, послѣ послѣдняго нашего свиданія, и нынѣ кажется мнѣ лучше, ибо я принимаю ванны; но не знаю, когда получу употребленіе ногъ.

Простите, князь, что такъ пишу: право не въ моготу, досадно на мое положеніе. Чортъ бы побралъ Талгика [1]) за его пакости; попадется каналья когда-нибудь! Меня постоянно здѣсь бѣсятъ различными неисправностями объ артилеріи, она придетъ своимъ порядкомъ. Вчера къ вашему сіятельству отправлено какое-то письмо изъ Владикавказа, на которое требовалось по письму Ильинскаго отвѣтъ, я послалъ особаго нарочнаго, но отвѣта не было получено; объ друзьяхъ Владикавказскихъ я ничего не знаю. Да, теперь правда, мое положеніе весьма не завидное. *Если вздумаете посѣтить меня*, многоуважаемый князь Александръ Ивановичъ, я живу на водахъ въ особомъ домикѣ и лагеремъ. *Богъ знаетъ, выберется ли вамъ свободное времячко по случаю тревогъ вашихъ и покоса, а весело было бы потолковать о томъ, о семъ* [2]), а главное о консулѣ, какъ-то онъ проѣхалъ далѣе. Въ Моздокѣ, говорятъ, немножко заболѣлъ почтенный старикъ.

P. S. У меня, я полагаю, половина груди наполнена желчью и на языкѣ наросла цѣлая кора; простите, что пишу торопливо, да и неловко писать.

17) Воды Михайловскія. 1851 г. 20-го Іюля.

Казимиръ Ануфричъ Александровичъ засталъ меня уже здѣсь на водахъ; я весьма доволенъ дѣйствіемъ водъ, онѣ все направили къ лучшему, и душевно былъ радъ познакомиться съ этимъ отличнѣйшимъ и искуснѣйшимъ въ лѣченіи ранъ медикомъ на Кавказѣ. Очень, очень признателенъ г. Андріевскому [3]), что онъ командировалъ его сюда; по крайней мѣрѣ я теперь нѣсколько увѣренъ, что останусь съ движеніемъ ноги, хотя чрезъ мѣсяцъ, а теперь покудова все валяюсь и не могу даже присѣсть. Мочи нѣтъ какъ досадно. *На преилюбезнѣйшее и пріятнѣйшее ваше намѣреніе для меня посѣтить меня спѣшу сказать одно, что боюсь, чтобы помѣщеніе мое скудное здѣсь нисколько не стѣсняло васъ; а весьма пріятно было бы, сердечно пріятно повидать васъ, искренно почитаемый князь; придется еще намъ многонько толковать.* М-е Опочининой письмо ваше я отправилъ.

18) 25 Іюля 1851 г. Воды Михайловскія.

Простите меня ради Бога, что не отвѣчалъ вашему сіятельству на предыдущее письмо: будучи обнадеженъ любезнымъ намѣреніемъ вашего

---

[1]) Талгикъ—наибъ въ Чечнѣ.

[2]) Неужели и это только дипломатія, а не дѣйствительное желаніе видѣться съ княземъ Барятинскимъ?

[3]) Андріевскій—докторъ князя М. С. Воронцова и весьма близкій, вліятельный человѣкъ, послалъ къ Слѣпцову доктора Александровича, по приказанію главнокомандующаго.

сіятельства посѣтить Сунжу, *я ждалъ васъ со дня на день и потому откладывалъ писаніе*; да кромѣ того въ большой досадѣ, что долго приходится лежать. На счетъ транспортныхъ лошадей сію минуту дѣлаю распоряженіе, и 36 будутъ завтра собраны для благополучнаго доставленія г. Нестерова во Владикавказъ; я полагаю, князь, что отъѣздъ изъ Грозной доставляетъ вамъ немало огорченія. Изъ Владикавказа нѣтъ ко мнѣ ни единой вѣсточки; изъ штабовъ также; кажется, никто не хочетъ вести со мной переписку, да Богъ съ ними! *Коли вашему сіятельству свободно, прогуляйтесь до Михайловской, а я распоряжусь всюду конвоемъ, когда прикажете. Крайне бы обязали.*

19) Михайловскія воды, 1851 г. Августа 2-го.

Премного и душевно обязанъ вамъ, искренно почитаемый князь, за постоянно добрую память вашу. Здоровье мое, благодаря Бога, поправляется, и я начинаю двигаться, крайне сожалѣя, что по настоящимъ тревогамъ еще не въ силахъ сѣсть на лошадь. У насъ здѣсь значительный сборъ, о подробностяхъ котораго и мѣрахъ, принятыхъ мною, разскажетъ вамъ полковникъ Левинъ, бесѣда коего усладила хотя на нѣсколько часовъ скучную жизнь здѣшнюю.

Когда-то я дождусь ваше сіятельство; а посѣщеніе ваше, говоря со всѣмъ чистосердечіемъ, было бы для меня истиннымъ праздникомъ. По желанію вашему поспѣшаю препроводить списокъ мною представленныхъ г.г. офицеровъ отряда. Это будетъ прекрасно, если они разобьются по представленіямъ; о моихъ я уже и не знаю кого представить, развѣ кн. Беслана Маршани. О казакахъ, т. е. одного изъ сотни и одного изъ ракетной команды, не оставьте своимъ ходатайствомъ; много бы нужно было поговорить, да нѣтъ возможности мнѣ еще пускаться въ путь. Истинно огорчительны ваши сомнѣнія на счетъ перемѣны мѣста; рыжихъ собакъ, каковъ б. Меллеръ [1]) можно, кажется, взять и на свору; они не опасны, повѣрьте, князь, для васъ въ теперешнемъ положеніи; развѣ г. главнокомандующій дѣйствительно задумалъ дать вамъ новое назначеніе. О любезныхъ барыняхъ нашихъ нѣтъ ни слуху ни духу; уже я полагаю, не сердятся ли онѣ на меня за что; впрочемъ теперь кажется я не въ состояніи сдѣлать никому неудовольствія.

20) Ст. Сунжинская, 1851 г. Сентября 10.

Со дня на день откладывалъ я писать къ вамъ, искренно уважаемый князь, потому что не имѣлъ никакихъ извѣстій изъ Капкая [2]) о приказѣ за 22 Августа, да и нынѣ еще ничего нѣтъ кромѣ № „Инвалида", который поспѣшаю отправить при семъ же; если этимъ ограничится все ожидаемое,

---

[1]) Баронъ Меллеръ-Закомельскій, командиръ 2-й бриг. 20-й дивизіи, бывшій командиръ Куринскаго полка,—не пользовался симпатіями на Кавказѣ.

[2]) Т. е. Владикавказа. Казаки и вообще простонародье называли Капкай.

то не много новостей для Кавказа по случаю торжества Святой Руси [1]).

Не знаю уже, почему на меня особенно подѣйствовалъ праздникъ вашъ прекрасный [2]) по всему, а болѣе по радушію и свѣтлой душѣ хозяина, котораго ужасно грустно выпускать изъ сосѣдства, особенно по сближенію срока нашей военной дѣятельности въ Чеченскихъ странахъ. Съ трудомъ и съ досадой вѣрится, что вы насъ оставите. Когда-бы сдѣлалось иначе! *Это искренне-чистосердечное желаніе истинно васъ понимающихъ.*

Барыньки наши провели еще сутки у меня и потомъ отправились съ самыми пріятными воспоминаніями о поѣздкѣ въ Грозную и о прекрасномъ, по истинѣ-Русскомъ радушіи хозяина. Ко мнѣ пріѣхалъ братъ - степнякъ, по извѣстіи о ранѣ моей. Это обстоятельство только могло расшевелить одного изъ толстыхъ Саратовцевъ, обитающихъ безвыѣздно въ деревняхъ своихъ; между прочимъ, онъ привезъ мнѣ любимой наливки: рябиновки и черной смородины; къ сожалѣнію весьма немного. Какова наливочка, князь? Кстати вы вспоминали какъ-то у меня о рябиновкѣ.

21) Ст. Алханъ-юртъ. 1851 г. Сентября 21-го.

Конечно не усумнитесь, искренно и многоуважаемый князь, въ моемъ истинномъ восторгѣ отъ чуднаго дѣла вашего [3]), но я еще болѣе восхищаюсь въ то время, когда васъ почти уже удаляютъ изъ нашихъ странъ. Это послужитъ укоромъ за будущее. Дай вамъ Боже всего прекраснѣйшаго по вашей превосходной душѣ. Письмецо ваше застало меня въ Самашкахъ по пути въ Алханъ-юртъ, гдѣ я нахожусь по разнымъ дѣлишкамъ; поскакалъ бы въ Грозную, да многое останавливаетъ меня. На этихъ дняхъ здѣсь я не могу даже располагать днемъ однимъ; да при томъ вы меня раззадорили противъ врага: надобно мнѣ ихъ по крайней мѣрѣ гдѣ нибудь также хотя немножко постращать. На дняхъ я былъ въ Владикавказѣ; тамъ превесело живутъ, и театръ препорядочный изъ труппы Ставропольскихъ актеровъ. Мы часто вспоминали васъ у прелюбезныхъ барынекъ нашихъ. Какъ бы *Богъ привелъ васъ поскорѣе повидать къ душевному удовольствію всѣхъ васъ истинно любящихъ и уважающихъ, въ числѣ коихъ позвольте навсегда остаться изъ первыхъ почитателей вашихъ.*

Устраиваю почту по вашему желанію; какъ-то пойдетъ! Я не получалъ отъ васъ ничего форменнаго, кромѣ одной бумаги ко мнѣ и письма къ артилеристу Михайлову. Видно, вы еще не послали донесенія.

Сообщено *А. Л. Зиссерманомъ.*

---

[1]) Производствами, орденами и проч. очевидно интересовались всѣ безъ исключенія, особенно 22 Августа—день коронованія Николая Павловича и празднованіе 25-тилѣтія его царствованія.

[2]) Гости изъ Владикавказа, семейства Опочининыхъ и Ивановыхъ, въ сопровожденіи Слѣпцова, двое сутокъ провели у кн. Барятинскаго въ Грозной. Пиръ стоялъ горой, и пиръ чисто-Кавказскій.

[3]) 15 Сент. 1851 г. князь Барятинскій нанесъ сильное пораженіе большой Чеченской партіи, напавшей вблизи Грозной на стада мирныхъ жителей.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава IV.

Политика Англіи и экспедиція авантюристовъ къ восточному берегу Чернаго моря.—Взгляды по этому поводу князя Барятинскаго.—Объѣздъ Сѣвернаго Кавказа. — Устройство Военно-Грузинской дороги.—Поѣздка по Лѣвому крылу до Хасавъ-Юрта.—Рекогносцировка въ Аухъ.—Посѣщеніе Ставрополя, Праваго крыла, Пятигорска.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Безпрерывность и настойчивость военныхъ дѣйствій.—Дѣла въ Чечнѣ и Салатавіи.—Овладѣніе Аргунскимъ ущельемъ.—Дѣйствія Лезгинскаго отряда.—Смерть барона Вревскаго и приказъ объ этомъ по арміи.—Взятіе Веденя.—Письмо князя къ Евдокимову и отвѣтъ его.—Предположенія на 1859-й годъ.

Въ Мартѣ 1856 года былъ подписанъ въ Парижѣ мирный договоръ. Западныя державы достигли цѣли: наше могущество на Черномъ морѣ было уничтожено, вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ подорвано. Казалось, послѣ трехъ лѣтъ тревогъ и кровавой борьбы, потребовавшей отъ всѣхъ участниковъ столькихъ жертвъ, можно было успокоиться; можно было надѣяться, что наши противники, по крайней мѣрѣ, съ уваженіемъ отнесутся къ своимъ собственнымъ подписямъ, такъ торжественно приложеннымъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ къ мирному трактату. Но лишь незнакомство съ традиціями коварной Англійской политики могло допускать подобныя предположенія...

Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уже дошли до насъ слухи, что въ Константинополѣ, при содѣйствіи Англійскаго посла лорда Редклифа и послушной его волѣ Оттоманской Порты, снаряжается экспедиція къ берегамъ Чернаго моря для снабженія Черкесовъ предводителями изъ разныхъ авантюристовъ и средствами въ борьбѣ съ нами. Князь Горчаковъ, основываясь на свѣдѣніяхъ своихъ дипломатовъ, вполнѣ ус-

покоивалъ князя Барятинскаго на счетъ этихъ слуховъ. И дѣйствительно, казалось немыслимымъ допустить, чтобы въ мирное время, на глазахъ столькихъ державъ, взаимно обязанныхъ соблюдать недавно заключенный трактатъ, 4—5 тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ Европейскими винтовками, снабженныхъ артилеріей и всякими военными запасами, садились на корабли и переплывали Черное море, какъ будто безъ вѣдома Турецкаго правительства и лорда Редклифа. А между тѣмъ это совершилось фактически, и вся Европа, конечно, объ этомъ узнала и, быть можетъ, улыбалась, видя, какъ мы наивно возмущаемся...

Князь Барятинскій полагалъ, что этотъ случай давалъ наилучшій поводъ Франціи отказаться отъ коварной дружбы Англичанъ, загребавшихъ въ то время жаръ руками Наполеона. Но этого не случилось.

Въ тоже время Англія, подъ пустымъ предлогомъ, затѣяла войну съ Персіей, и это было, по мнѣнію князя Барятинскаго, ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ борьбы, предпринятой ею противъ насъ на Востокѣ. Лондонскій кабинетъ, чтобы подготовить умы и скрасить впечатлѣнія договора, который онъ имѣлъ намѣреніе заключить съ Персіей, распространялъ слухи о существованіи якобы тайнаго договора между Россіей и Персіей; а самъ между тѣмъ включалъ въ вынужденный отъ Персіи трактатъ такія условія: право прямаго вмѣшательства въ дѣла Афганистана, учрежденіе Англійскихъ консульствъ вездѣ, гдѣ мы ихъ имѣемъ, слѣдовательно и на берегахъ Каспійскаго моря. Очевидно, результатомъ этого было бы: первенство Англійской политики въ Персіи, упроченный протекторатъ надъ Кабуломъ и Гератомъ, дающій ходъ интригамъ и возможность вторгнуться въ Каспійское море Англійскому флоту, для поддержки всякой враждебной намъ попытки со стороны Туркестана и облегченія Англійскимъ агентамъ способовъ вести враждебную намъ пропаганду и въ Закавказьѣ.

Князь Барятинскій ясно сознавалъ всю опасность очевидной, упорной борьбы, продолжаемой Британскимъ правительствомъ противъ Россіи. Какъ правитель края, ближайшаго къ театру дѣйствій, онъ не могъ относиться пассивно

къ подобному положенію, и потому писалъ въ Петербургъ о необходимости предупредительныхъ мѣръ. Онъ полагалъ: во 1-хъ, привлечь на нашу сторону Туркменъ, предложивъ имъ выгодныя условія найма ихъ рыболовныхъ тоней и якорныхъ мѣстъ, въ особенности у острова Челекеня (одного изъ важныхъ пунктовъ восточнаго берега Каспійскаго моря, служащаго нашему флоту вторымъ якорнымъ мѣстомъ), дѣйствуя однако въ этомъ случаѣ весьма осторожно, чтобы не возбудить неудовольствія Персіи, косо смотрящей на сношенія съ Туркменами, на которыхъ она предъявляетъ свои права. Во 2-хъ, предупреждать тѣ сдѣлки, какія Англичане неизбѣжно предложатъ Туркменамъ, держась этой системы и съ прибрежными, и съ другими туземцами внутри страны. Наблюденіе за восточнымъ берегомъ Каспія поручить Астраханскому губернатору Васильеву. Въ 3-хъ, вступить тотчасъ, при помощи дипломатическихъ агентовъ, въ сношенія съ владѣтелями Средней Азіи. Въ 4-хъ, немедленно приступить къ пересмотру торговаго договора съ Персіей, напримѣръ, пунктовъ о внутренней торговлѣ, судебномъ утвержденіи векселей и т. д. При этомъ случаѣ, съ помощью Садръ-Азама, повидимому готоваго намъ помочь, обезпечить наши права на Каспіи и, по возможности, парализовать тревожные результаты перевѣса Англіи. Было бы, конечно, еще полезнѣе военное занятіе Мазандэрана на нѣкоторое время. Излагая это въ письмѣ отъ 13 Марта 1857 г., князь Барятинскій добавилъ: „изучивъ тщательнѣе наши выгоды и наши средства, мы конечно увидимъ ясно и вполнѣ, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы обезпечить нашу будущность въ этихъ странахъ и предупредить затрудненія, которыя приготовляются намъ нашими противниками“.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого письма, 27 Марта, князь опять возвращался къ занимавшему его предмету и писалъ въ Петербургъ, что онъ опасается, какъ бы Англичане не остались совсѣмъ въ Персидскомъ заливѣ, сохранивъ этотъ пунктъ (примыкающій къ проектируемой ими желѣзной дорогѣ до Евфрата), какъ военную стоянку, угрожающую Персіи и упрочивающую ихъ торговое вліяніе, при поддержкѣ силою оружія. Такимъ намѣреніямъ, по мнѣнію князя, слѣдуетъ противопоставить подобный же перевѣсъ на Сѣверѣ Персіи

и на границѣ Афганистана, для чего полезно было бы, съ согласія Персіи, занять подходящее мѣсто между рѣками Атрекомъ и Гургенемъ. Съ этого пункта мы могли бы наблюдать за Персіею, господствовать надъ Туркменами, заставили бы дрожать Хивинскаго хана и очутились на дорогѣ чрезъ Мешхедъ къ Герату и Кабулу. Такимъ образомъ, мы предотвратили бы послѣдствія договора Персіи съ Англіею, могущаго навсегда закрѣпить вліяніе ея на Гератъ и Среднюю Азію. „Да и война, продолжаетъ князь, неизбѣжная въ будущемъ, поставила бы насъ безъ этаго въ болѣе затруднительное положеніе: ибо Англичане, расположась въ Персидскомъ заливѣ, у Кандагара, Кабула и Герата, войдутъ въ сношенія съ Среднеазіатскими ханами и засыплятъ ихъ золотомъ. А если бы имъ еще удалось возвратить себѣ расположеніе Персіи, оскорбленной недавнимъ унизительнымъ договоромъ, то возможность возстановить наше политическое положеніе оказалась бы весьма сомнительной. Было бы также очень важно для насъ имѣть на нашей сторонѣ Францію или, по крайней мѣрѣ, ея рѣшительный нейтралитетъ; а дѣятельныя мѣры наши противъ перевѣса Англіи въ этой части Востока произвели бы серьезный кризисъ: ей пришлось бы двинуть на край свѣта всѣ свои военныя силы, и что́ было бы пощажено штыками и пушками нашей арміи—погибло бы отъ климата и различныхъ невзгодъ въ этихъ странахъ. „Сомнѣваюсь, чтобы они допустили такой оборотъ дѣлъ; потому что тогда бы наша дипломатія заговорила согласно съ нашимъ положеніемъ. И такъ, по моему мнѣнію надобно какъ можно скорѣе завладѣть мѣстомъ, о которомъ я сказалъ выше“, прибавлялъ князь Александръ Ивановичъ, настаивая при этомъ случаѣ и на необходимости скорѣйшей постройки желѣзной дороги за Кавказомъ.

Если опасенія его не вполнѣ оправдались, то едва ли не благодаря возникшему вскорѣ возстанію Сипаевъ въ Индіи, вынудившихъ Англію обратить туда свое главное вниманіе и всѣ военныя средства: обстоятельство, конечно, никѣмъ не предвидѣнное.

Не слѣдуетъ забывать, что это было писано 32 года тому назадъ. Почти все по мысли князя Барятинскаго осу-

ществилось, только къ сожалѣнію, гораздо позже. Теперь обстоятельства измѣнились, и все вышеписанное интересно, какъ историческая справка и какъ подтвержденіе моихъ словъ на счетъ взглядовъ князя Барятинскаго на наши политическія дѣла.

Приходилось однако принять мѣры противъ непрошенныхъ гостей, высадившихся на нашъ Восточный берегъ Чернаго моря. Князь Александръ Ивановичъ счелъ нужнымъ поторопиться посѣщеніемъ Сѣвернаго Кавказа, котораго онъ, со времени назначенія главнокомандующимъ, еще не видѣлъ; къ тому же, съ Западною частью края онъ вообще весьма мало былъ знакомъ.

12 Апрѣля 1857 года князь выѣхалъ изъ Тифлиса и 13-го утромъ прибылъ въ Коби, послѣ труднаго ночнаго переѣзда чрезъ горы, еще покрытыя глубокимъ снѣгомъ.

Давно знакомый съ Военно-Грузинской дорогой, этой важной артеріей, связывающей Россію съ Закавказскимъ краемъ, и не разъ испытавшій трудность сообщенія по ней, князь въ этотъ разъ окончательно рѣшилъ, не теряя времени, серьезно приступить къ ея разработкѣ. Хотя иниціатива постройки шоссе принадлежала генералу Муравьеву, который въ 1855 году, тотчасъ по прибытіи на Кавказъ, приказалъ приступить къ производству изысканій и составленію проекта, но приведеніе этого въ исполненіе принадлежитъ всецѣло энергіи и настойчивости князя Барятинскаго.

Начало изысканій инженера путей сообщенія Статковскаго относится къ веснѣ 1856 года, а окончаніе къ началу 1857 года. Г. Статковскій и еще другой инженеръ Богушевичъ были командированы княземъ Барятинскимъ за границу для изученія шоссейныхъ дорогъ, проложенныхъ чрезъ высокіе горные хребты. Въ 1858 году состоялось Высочайшее утвержденіе проекта, составленнаго Статковскимъ, и для производства работъ ассигнованъ милліонъ рублей. Въ 1859 году князь Александръ Ивановичъ имѣлъ удовольствіе проѣхать по дорогѣ, разработанной въ чернѣ, только въ половину ширины пути; но вполнѣ построеннаго шоссе не довелось ему видѣть. Хотя оно въ 1861 году было уже готово, но

князь Барятинскій уѣхалъ больной изъ Тифлиса въ Апрѣлѣ 1861 года чрезъ Кутаисъ, по Черному морю.

Постройка этого шоссе была великимъ благодѣяніемъ для всего Кавказскаго края и, можно сказать, даже для всего государства. Нужно было видѣть, какія бѣдствія испытывались на этой дорогѣ всѣми проѣзжающими, проходящими войсками и транспортами, сколько гибло людей и животныхъ, сколько затрачивалось денегъ, какія затрудненія возникали во времена войнъ за Кавказомъ, чтобы судить о значеніи благодѣянія, оказаннаго постройкою этого образцоваго шоссе, еще болѣе усовершенствованнаго впослѣдствіи, при преемникѣ князя Барятинскаго, Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

На второмъ зигзагѣ Млетскаго подъема, у базальтовыхъ столбовъ, вдѣлана въ скалу бронзовая доска, съ слѣдующею надписью: „Въ управленіе намѣстника Кавказскаго князя Барятинскаго, построено шоссе чрезъ перевалъ Кавказскихъ горъ, инженеръ-подполковникомъ Статковскимъ, по его же проекту. Въ управленіе путями сообщенія на Кавказѣ инженеръ генералъ-маіора Альбранда. 1857—1861 г.“.

И до сихъ поръ благословляютъ имя князя Барятинскаго всѣ, кому приходится ѣхать по этой дорогѣ, и особенно всѣ туземцы, столько страдавшіе на прежнемъ ужасномъ пути.

Въ Коби главнокомандующаго встрѣтилъ генералъ Евдокимовъ. Нечего и говорить, какъ любезно былъ онъ принятъ, послѣ такихъ успѣшныхъ дѣйствій его въ Чечнѣ минувшею зимою. Впрочемъ, князь Александръ Ивановичъ имѣлъ способность очаровывать всѣхъ своимъ пріемомъ, отличавшимся отсутствіемъ всякой слащавой любезности, но полнымъ достоинства и безъ внушенія чувства страха. Пишущій эти строки былъ въ Коби при встрѣчѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Евдокимовымъ, и затѣмъ въ числѣ сопровождавшихъ князя по Лѣвому крылу; слѣдовательно, имѣлъ достаточно случаевъ наблюдать и основывать свои слова на дѣйствительности.

Проѣхавъ изъ Владикавказа по Сунжинской линіи въ Грозную, князь Барятинскій оставался здѣсь четыре дня. О встрѣчахъ и оваціяхъ говорить не буду; торжество было все-

общее, и особенно поражали насъ Чеченцы своими искренними проявленіями радости. Недавніе враги, упорно защищавшіе каждый оврагъ, каждый кустъ на пути отрядовъ, предводимыхъ княземъ Барятинскимъ, выселившись затѣмъ подъ защиту нашихъ крѣпостей, они теперь окружали его и шумными, благодарными восклицаніями выражали удовольствіе своимъ положеніемъ, которымъ вполнѣ обязаны его же распоряженіямъ.

22 Апрѣля князь Александръ Ивановичъ переправился чрезъ Аргунъ, у недавно построеннаго укрѣпленія Бердыкеля; и до Шалинскаго укрѣпленія, по гладкой, ровной дорогѣ, съ однимъ коннымъ конвоемъ, мы проѣхали безъ выстрѣла. На другой день, съ нѣсколько усиленнымъ коннымъ прикрытіемъ, поѣздъ проѣхалъ всю Чечню. Непріятель издалека слѣдилъ за нами, велъ съ фланкёрами перестрѣлку и пустилъ къ намъ нѣсколько ядеръ. Потеря за все время этого путешествія ограничилась 9-ю раненными. У Гельдыгена баронъ Николаи встрѣтилъ главнокомандующаго со всѣми пятью баталіонами Кабардинскаго полка, огласившими воздухъ громкими ура! въ честь своего бывшаго полковаго командира. Здѣсь же ожидали князя покорные представители населенія Кумыкской плоскости и вновь переселившихся Качкалыковскихъ Чеченцевъ. Чрезъ шесть часовъ поѣздъ изъ Шали прибылъ въ лагерь на Хоби-Шавдонъ, а послѣ ночлега здѣсь, чрезъ Куринское и Герзель-аулъ, князь пріѣхалъ въ Хасавъ-юртъ. Тогда объ этомъ проѣздѣ можно было весьма кстати сказать: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Если читатель вспомнитъ, чтó разсказано въ главахъ I-го тома о военныхъ дѣйствіяхъ 1850—53 годовъ въ Чечнѣ, и сопоставитъ это съ такой поѣздкой, какую совершалъ теперь главнокомандующій, то не удивится, что я выше назвалъ результаты, достигнутые зимою 1856—1857 года, огромными.

Хотя и работы прежнихъ лѣтъ уже были достаточно велики, но безъ послѣдне-прорубленныхъ просѣкъ, безъ возведенія укрѣпленій въ Шали и Хоби-Шавдонѣ, безъ вынужденнаго удаленія массы непокорныхъ Чеченцевъ далѣе къ горамъ, а части въ наши владѣнія, такое путешествіе мог-

ло бы совершиться развѣ подъ прикрытіемъ сильнаго отряда и съ значительными потерями. Успѣхъ былъ слишкомъ очевидный.

Въ Хасавъ-юртѣ, который основанъ и построенъ княземъ въ бытность его командиромъ Кабардинскаго полка, гдѣ все было ему знакомо, гдѣ почти всѣ знали, помнили и любили его, пріемъ своею искренностью превосходилъ всѣ другіе. Вспоминаю при этомъ случаѣ замѣчательный отвѣтъ одного солдата. На устроенномъ отъ полка праздникѣ, солдатъ, разносившій на подносѣ стаканы съ пуншемъ, подошелъ къ главнокомандующему; князь взялъ стаканъ, выпилъ глотокъ и сказалъ: „у, какой крѣпкій!“ Да и полкъ-то крѣпкій, ваше сіятельство“, отвѣчалъ солдатъ.

27 Апрѣля была произведена рекогносцировка въ Аухъ; отрядъ состоялъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 6-ти эскадроновъ драгунъ, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и 10-ти орудій. Доступъ въ Ауховское общество преграждался прежде непріятельскимъ укрѣпленіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Гойтемировскіе ворота. Зимою 1856 — 1857 г., эта преграда была уничтожена, прорублена широкая просѣка, и доступъ сталъ совершенно свободнымъ. Разстояніе отъ Хасавъ-юрта верстъ 15, по рѣкѣ Ярыкъ-Су. Здѣсь князь Барятинскій совѣщался съ генер. Евдокимовымъ и прибывшимъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры командующимъ войсками въ Дагестанѣ, княземъ Орбельяни; рѣшено было прочное занятіе Ауха съ одной и Салатавіи съ другой стороны, и перенесеніе штабъ-квартиръ полковъ (Кабардинскаго и Дагестанскаго, перваго въ Аухъ, втораго въ Салатавію), затѣмъ открытіе свободнаго, обезпеченнаго между этими пунктами сообщенія, что̀ окончательно связывало Лѣвое крыло съ Дагестаномъ. Все это вскорѣ и было приведено въ исполненіе *). Рекогносцировка прошла совершенно спокойно, и только при возвращеніи въ цѣпи раздалось нѣсколько выстрѣловъ, ранившихъ одного рядоваго.

Сообщая о своей поѣздкѣ военному министру, князь Барятинскій, между прочимъ, писалъ: „Все видѣнное мною пре-

---

*) За исключеніемъ, впрочемъ, перевода штабъ-квартиры Кабардинскаго полка изъ Хасавъ-юрта; это найдено было лишнимъ, и ограничились лишь постройкою укрѣпленія Кишень-Ауха.

взошло самыя смѣлыя ожиданія; еще годъ другой, и Чечня, безъ сомнѣнія, будетъ повергнута къ стопамъ Государя". Это были очень скромныя надежды въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ вскорѣ послѣдовало въ дѣйствительности.

28 числа князь Барятинскій уѣхалъ по Тереку въ Ставрополь, оттуда въ Черноморію, послѣ въ Керчь, возвратился на Лабу и въ собранный на рѣкѣ Бѣлой Майкопскій отрядъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Кисловодскъ и Пятигорскъ, а изъ Владикавказа совершилъ поѣздку по правому берегу Терека, для осмотра работъ въ проведеніи дороги въ Джераховское ущелье. Работы были начаты при генералѣ Муравьевѣ; но князь вскорѣ приказалъ ихъ прекратить, по совершенной безполезности.

Послѣдствія осмотра Праваго крыла выразились въ личномъ ознакомленіи князя съ мѣстными условіями и въ опредѣленіи дальнѣйшаго плана военныхъ дѣйствій. Изъ письма въ Петербургъ, отъ 22 Мая, видно, что князь нашелъ равнину между Кубанью и горами, прорѣзанную параллельно-вытекающими изъ горъ рѣками, вполнѣ пригодною для большаго военнаго поселенія, которое должно питать и поддерживать регулярныя войска, имѣющія подвигаться по ущельямъ къ главной цѣпи горъ. Съ этою цѣлью Майкопъ и Адагумъ были уже заняты, а наиважнѣйшимъ предметомъ въ то время князь считалъ колонизацію равнины, для чего онъ предполагалъ переводить казаковъ съ отдаленныхъ поселеній за Кубань, замѣщая ихъ переселенцами съ Дона, внутреннихъ губерній и т. п. Этимъ способомъ мы господствовали бы надъ равниной, храброе населеніе пользовалось бы природными богатствами, а войска, подвигаясь къ горамъ, стѣсняли бы тамъ Черкесовъ. Однако, требовалось еще усилить Правое крыло войсками, чтобы достигнуть главнаго результата, т. е. возможности въ будущемъ уменьшить количество войскъ. Отъ ожидаемыхъ на Лѣвомъ крылѣ успѣховъ зависѣла возможность двинуть за Кубань еще одну бригаду, для нанесенія задуманнаго сильнаго удара.

Такимъ образомъ, главная роль, по прежнему, осталась за генераломъ Евдокимовымъ, и съ Лѣваго крыла долженъ былъ послѣдовать рѣшительный ударъ Восточному Кавказу.

Слѣдуя своей системѣ непрерывныхъ дѣйствій, для которой теперь уже не встрѣчалось препятствій ни въ недостаткѣ войскъ, ни въ предѣлахъ власти, князь Барятинскій поставилъ ее главнымъ условіемъ генералу Евдокимову. Н. И. Евдокимовъ, по своей настойчивости въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, былъ именно человѣкъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій такой системѣ, и слѣдовалъ онъ ей безупречно. А все еще были случаи, когда главнокомандующій не совсѣмъ былъ доволенъ и даже вызвалъ разъ генерала Евдокимова въ Тифлисъ, гдѣ и упрекнулъ его въ недостаточной настойчивости *).

Дѣйствія почти не прекращались. Лѣтомъ въ Чечнѣ истреблялись посѣвы, производились усиленныя фуражировки на непріятельскихъ поляхъ и т. п.; осенью генералъ Евдокимовъ перенесъ дѣйствія въ Малую Чечню и уже не въ видѣ безплоднаго набѣга: вся мѣстность между Мартаномъ и Гойтой, по Энгелику, до Воздвиженской, была очищена отъ непокорнаго населенія, не взирая на упорную защиту; всѣ аулы съ запасами истреблены, прорублены просѣки, изслѣдованы всѣ пути сообщенія къ Аргунскому ущелью, въ которое предполагалось вскорѣ наступленіе. Сунжинская линія обезпечена отъ постоянныхъ набѣговъ и тревогъ.

Изъ Малой Чечни генералъ Евдокимовъ прошелъ чрезъ Большую на Куринское и оттуда въ Аухъ. Въ теченіе 20 дней здѣсь было построено укрѣпленіе, прорублены широкія просѣки, разработаны дороги, и у непріятеля отрѣзана значительная полоса удобныхъ земель. Многіе жители изъявили покорность и выселились къ намъ. Шамиль сознавалъ совершенное безсиліе сопротивляться. Мы близились уже къ самымъ крѣпкимъ опорамъ его власти: къ Ичкеріи и Веденю.

Покончивъ здѣсь дѣло, отрядъ генерала Евдокимова опять обрушился на остатки непокорнаго населенія Большой Чечни. Наконецъ, терпѣніе Чеченцевъ истощилось, бѣдствія ихъ

*) Въ 1857 г. князь Барятинскій командировалъ своего начальника штаба въ Петербургъ для подробныхъ докладовъ Государю и военному министру и объясненій по разнымъ болѣе сложнымъ вопросамъ. Изъ Петербурга генералъ Милютинъ сообщалъ князю результаты своихъ докладовъ въ цѣломъ рядѣ писемъ, которыя и помѣщены въ приложеніи къ этой главѣ (конечно, съ неизбѣжными пропусками.)

достигли невыносимыхъ дальше размѣровъ; наши войска стали уже между ними и горами; надежды на сопротивленіе исчезли, и они стали цѣлыми толпами выходить къ намъ. Въ одну ночь, напримѣръ, явились 400 семействъ, съ остатками своего скарба, и подъ нашимъ прикрытіемъ двинулись къ Аргуну, для поселенія на указанныхъ мѣстахъ. Когда разсвѣло, прибыло еще 200 семействъ; вскорѣ цифра достигла 2,000 семействъ, и такимъ образомъ все населеніе Чеченской плоскости было покорено.

Да, конецъ былъ близокъ, хотя далеко не всѣмъ еще виденъ...

„Чечня горитъ" писали наибы Шамилю: „Имамъ, иди тушить!" Но такихъ огнегасительныхъ средствъ, чтобы залить пожаръ Чечни, у него не было въ распоряженіи; ему уже представлялись другія, болѣе жгучія заботы: онъ лучше многихъ, даже нашихъ генераловъ, видѣлъ, что близится роковой ударъ его власти, его созданію, его четверть - вѣковой работѣ *).

Многія укрѣпленія, воздвигнутыя разновременно и оставшіяся въ тылу, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, отвлекали значительное число войскъ въ ненужные гарнизоны. Поэтому, въ 1857 г. упразднено шесть мелкихъ укрѣпленій, а устроено одно новое, водворены двѣ станицы на Сунжѣ, и открытъ свободный проѣздъ въ Грозную, безъ военныхъ конвоевъ. Навагинскій полкъ выведенъ изъ Владикавказа на Сунжинскую линію, для сближенія съ театромъ дѣйствій.

Когда все это совершалось на Лѣвомъ крылѣ, со стороны Дагестана князь Орбельянъ перешелъ Теренгульскій оврагъ и, обезпечивъ свои сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурой, приступилъ къ устройству около Стараго Буртуная укрѣпленной штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Возведеніе Русскими крѣпости привлекло въ Салатавію толпы горцевъ. Шамиль употребилъ всѣ средства, чтобы остановить начальныя работы, но ничего не могъ сдѣлать. Скопище,

---

*) Были и такіе у насъ, даже повидимому умные люди, которые осуждали всю систему послѣднихъ дѣйствій въ Чечнѣ, основанной якобы на разбросанности войскъ, и предсказывали ей не только плачевный результатъ, но даже неминуемую катастрофу.

пытавшееся отрѣзать сообщеніе отряда съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ, было прогнано; укрѣпленіе, выстроенное Шамилемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Буртуная, взято штурмомъ. Къ зимѣ Дагестанскій полкъ расположился въ своей новой штабъ-квартирѣ.

Одновременно съ Салатавской экспедиціей, войска Лезгинской линіи перешли горы и разгромили большую часть Дидойскаго общества. Наши войска нѣсколько разъ уже проникали въ Дидойскія земли, служившія постояннымъ притономъ шаекъ, грабившихъ Кахетію; но эти экспедиціи были только быстрыми вторженіями. Въ 1857 году Лезгинскій отрядъ шелъ медленно, прокладывалъ за собой дорогу, разорялъ Дидойскія селенія до основанія, истребилъ посѣвы и оставилъ Дидойцамъ на выборъ—или гибель отъ голода и холода, или переселеніе на плоскость. На этотъ разъ нагорные Лезгины устояли, не переселились, хотя и гибли зимою. Отвлекаемый Салатовскимъ отрядомъ, Шамиль оставилъ Дидойцевъ безъ защиты.

Начало 1858 г. ознаменовалось новыми успѣхами. 21 Января генералъ Евдокимовъ взялъ штурмомъ завалы, нагроможденные горцами въ устьѣ Аргунскаго ущелья и, ворвавшись въ долину, образуемую сліяніемъ рѣкъ Чанты и Шаро-Аргуна, заложилъ укрѣпленіе Аргунское, на мѣстѣ аула Дачу-Барзой. Какъ только работа достаточно подвинулась, отрядъ перешелъ за Шаро-Аргунъ и открылъ просѣку на вершину Даргинъ-Дука, составляющаго отрогъ Андійскаго хребта; съ этого мѣста открывается удобный путь по голымъ вершинамь, въ тылъ Ичкеріи. Однимъ открытіемъ просѣки мы на долго приковали все вниманіе непріятеля и главныя его силы со стороны Чечни къ вершинѣ Даргинъ-Дука и чрезъ то получили просторъ гораздо свободнѣе дѣйствовать въ другія стороны.

Для облегченія предстоявшей лѣтней экспедиціи въ глубь горъ оставалось сбить остальное населеніе Малой Чечни, гнѣздившееся въ предгоріяхъ. Это племя уже къ прошлой осени было разстроено нанесеннымъ ему пораженіемъ. Новое движеніе генерала Евдокимова рѣшило дѣло. Жители Малой Чечни покорились безъ боя. Имъ нельзя было отодвигаться

дальше въ горы, заселенныя другими обществами. Около 15 тысячъ душъ переселилось на плоскость въ отведенныя имъ мѣста.

Охраненіе вновь занятыхъ пунктовъ, требовавшихъ продолженія работъ, не дозволяло распустить Чеченскій отрядъ и по окончаніи зимнихъ дѣйствій. Онъ долженъ былъ въ сборѣ дожидаться лѣтней экспедиціи. Въ этомъ промежуткѣ времени упразднены укрѣпленія Урусъ-Мартанъ и Куринское, сдѣлавшіяся ненужными послѣ покоренія Чеченской плоскости.

Между тѣмъ начались безпокойства въ Военно-Осетинскомъ округѣ. Давно покорное общество Назрановцевъ и полупокорныя общества Галашевцевъ, Карабулаковъ и Ингушей находились въ самомъ безпорядочномъ состояніи и держали у себя открытый притонъ разбойникамъ. Положено было ввести у нихъ устройство, существующее съ такою очевидною пользою у мирныхъ Чеченцевъ, и для того поселить ихъ большими аулами. Назрановцы взбунтовались, возмутили сосѣдей и призвали Шамиля. Быстрыя мѣры, принятыя генераломъ Евдокимовымъ, подавили бунтъ въ зародышѣ; скопище Шамиля было разбито подъ Ачхоемъ.

Не смотря на временное отвлеченіе войскъ къ сторонѣ Назрана, лѣтняя экспедиція началась какъ было предположено. 1-го Іюня главный отрядъ былъ сосредоточенъ въ новомъ укрѣпленіи Аргунскомъ. Удерживая демонстраціями непріятельское скопище на Даргинъ-Дукѣ, генералъ Евдокимовъ внезапно двинулся чрезъ хребетъ Мескенъ-Дукъ и занялъ внутреннюю опушку лѣснаго пояса, ограждающаго нагорную Чечню. Здѣсь онъ остановился, чтобы проложить прочное сообщеніе въ тылу и расчистить впереди дорогу къ Шатоевской долинѣ, владѣніе которою передавало нашей власти все теченіе Аргуна.

Тѣмъ временемъ войска Кавказской арміи двинулись въ горы съ восточной и южной сторонъ. Баронъ Вревскій перешелъ становой хребетъ и вступилъ въ общество Капучу *).

*) Къ сожалѣнію, при штурмѣ аула Китури, мы понесли значительную потерю, и въ томъ числѣ самъ генералъ баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій былъ тяжело раненъ и вскорѣ скончался. По этому поводу князь Барятинскій отдалъ слѣдующій при-

Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель *) сдѣлалъ наступленіе съ Буртуная къ Мичикалу, разрушая непріятельскіе завалы. Горцы должны были раздѣлиться; но Шамиль не ошибся въ опредѣленіи отряда, наиболѣе угрожавшаго ему, и сосредоточилъ главныя силы, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, на берегу Аргуна. Во что́ бы ни стало, онъ хотѣлъ остановить наше движеніе. Горцы укрѣпили сильную Варандинскую позицію, прикрывавшую Шатой; но, не полагаясь достаточно на исходъ боя, въ какой бы то ни было крѣпкой позиціи, Шамиль хотѣлъ вынудить отступленіе Чеченскаго отряда диверсіей: съ половиною своихъ силъ онъ опять устремился въ Военно-Осетинскій округъ, гдѣ еще волновалось недавно умиренное населеніе. Мѣры противъ покушенія непріятеля были приняты заранѣе. Въ одинъ и тотъ же день генералъ Мищенко разбилъ Шамиля подъ Аки-юртомъ, близъ Владикавказа, а генералъ Евдокимовъ, пользуясь отсутствіемъ предводителя, взялъ штурмомъ Варандинскую позицію и занялъ Шатой. Разсѣянные остатки горскаго скопища бѣжали въ Дагестанъ.

Съ этого дня началось мирное покореніе Аргунскаго края однимъ движеніемъ нашихъ войскъ впередъ, безъ боя. Общества, обитающія въ верховьяхъ Аргуна, сами возстали противъ угнетавшаго ихъ мюридизма, стали рѣзать своихъ духовныхъ и начальниковъ, поставленныхъ Шамилемъ, и одно за другимъ приносили добровольную покорность. Въ концѣ Сентября все населеніе горнаго пространства, отъ Владикавказа до Шаро-Аргуна, приняло Русское подданство. Занятіе края упрочено устройствомъ разработанной дороги и возведеніемъ укрѣпленій: Зонаха, Шатоевскаго (куда переведена штабъ-квартира Навагинскаго пѣхотнаго полка) и Евдокимовскаго.

казъ по арміи: „4-го Сентября 1858 года армія наша лишилась одного изъ доблестныхъ ея генераловъ. Храбрый баронъ Вревскій, столь извѣстный на линіи и достойно заслужившій еще бо̀льшую славу въ своихъ походахъ Лезгинскихъ, послѣ разоренія въ нынѣшнемъ году Анцуха, Анцросо, Илапхеви и другихъ сопредѣльныхъ обществъ, палъ смертельно пораженный при взятіи сильно укрѣпленнаго аула Китури, предводительствуя лично на приступѣ батальонами 1-й бригады гренадерской дивизіи. Столь завидная смерть да будетъ утѣшеніемъ его осиротѣвшему семейству, славою Кавказа и примѣромъ для всей арміи, какъ цѣнитъ честь Русскаго оружія“.

*) Замѣнившій князя Г. Д. Орбельяни.

Лезгинскій отрядъ вступилъ въ горы во второй половинѣ Іюня и проникъ въ самую глубь ущелій, никогда еще не видѣнныхъ Русскими. Въ продолженіе полутора мѣсяца, генералъ Вревскій разорилъ до основанія болѣе сорока ауловъ, принадлежавшихъ семи обществамъ Анкратля. Войскамъ приходилось бороться съ неимовѣрными трудностями, дѣлать усиленные переходы въ мѣстности едва приступной и почти ежедневно штурмовать завалы и башни, занятые ожесточеннымъ непріятелемъ. Этотъ блестящій походъ, какъ уже упомянуто выше, стоилъ намъ жизни барона Вревскаго; но экспедиція отъ этого, впрочемъ, не остановилась: принявшій начальство надъ отрядомъ полковникъ Коргановъ докончилъ истребленіе немногихъ деревень, уцѣлѣвшихъ на восточной границѣ Дидойцевъ отъ прошлогодняго похода. Разоряемые два года сряду горцы поколебались. Изъ Анкратля и Дидо 4 тысячъ душъ принесли покорность и сошли съ горъ въ наши предѣлы. Въ Кахетіи водворилось спокойствіе, прежде тамъ неслыханное.

Въ продолженіе этой экспедиціи, другой небольшой отрядъ дѣйствовалъ со стороны Хевсуріи, привелъ къ покорности племя Маистовъ и разработалъ дорогу чрезъ становой хребетъ къ истоку Чанты-Аргуна, на встрѣчу пути, пролагаемаго генераломъ Евдокимовымъ.

Кромѣ того, на Лезгинской линіи совершены въ теченіе 1857 и 1858 годовъ обширныя работы: устройство въ Лагодехахъ штабъ-квартиры Тифлискаго гренадерскаго полка и въ Царскихъ Колодцахъ — Переяславскаго драгунскаго; выстроено четыре башни на передовой линіи и вырублены широкія просѣки у подошвы горъ.

Въ Прикаспійскомъ краѣ главное вниманіе было обращено на прочное утвержденіе нашего владычества въ Салатавіи и на защиту длинной пограничной черты отъ вторженій непріятеля. Занятіе Салатавіи, необходимое въ общемъ планѣ дѣйствій, приковало временно-значительныя силы къ Сѣверо-западному углу Дагестана, откуда онѣ не могли дѣятельно способствовать оборонѣ другихъ частей края; для достиженія этой цѣли надо было выставить самостоятельные отряды и, такимъ образомъ, раздѣливъ силы Прикаспійскаго

края, ослабить ихъ наступательныя дѣйствія. Находясь большую часть времени въ Салатавіи, баронъ Врангель окончилъ работы по возведенію штабъ-квартиры Дагестанскаго полка, устроилъ укрѣпленіе въ Міатлахъ, разработалъ дорогу между этими пунктами и вырубилъ нѣсколько просѣкъ для безпрепятственнаго сообщенія изъ Буртуная въ разныя стороны. Набѣги непріятеля, для грабежа и возмущенія спокойствія въ краѣ, были всѣ до одного отбиты съ урономъ для него *).

Съ роспускомъ отрядовъ окончились наступательныя дѣйствія 1858 года въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской кордонной линіи. Но войскамъ Лѣваго крыла предстояли еще великіе труды. Занимая обширное завоеванное пространство, они должны были раскрыть его дорогами, окончить заложенныя укрѣпленія, привести къ полному повиновенію разбойничье населеніе обществъ, сопредѣльныхъ съ Военно-Осетинскимъ округомъ, и потомъ совершить походъ для покоренія Ичкеріи.

Не взирая на занятіе Аргунскаго ущелья, нанесшее сильный ударъ положенію непріятеля, генералъ Евдокимовъ вовсе не былъ еще увѣренъ въ возможности скораго, рѣшительнаго успѣха. Въ Іюнѣ 1858 г. онъ писалъ о своихъ предположеніяхъ на 1859 годъ, что тогда нужно будетъ обрекогносцировать пространство за Черными горами къ Андійскому хребту, чтобы, сообразно съ мѣстными условіями и обстоятельствами, рѣшить, что́ дальше дѣлать. О взятіи Веденя совсѣмъ не упоминалось.

Командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ баронъ Врангель, въ свою очередь, ограничивалъ дѣйствія 1859 года обезпеченіемъ Салатавіи и сообщеній съ нею производствомъ различныхъ построекъ и т. п. Страсть къ мелкимъ укрѣпленіямъ на двѣ роты (много на батальонъ гарнизона) держалась упорно, и готовы были усѣять всѣ горы подобными разбросанными мелкими частями войскъ. Баронъ Врангель полагалъ еще полезнымъ дѣйствовать противъ Шамиля въ направленіи къ Кара-Койсу, гдѣ онъ укрѣплялъ проходы; но баронъ

*) За всѣ эти дѣла князь Барятинскій получилъ въ 1857 году орденъ Св. Александра Невскаго съ мечами, а въ 1858 году назначенъ шефомъ Кабардинскаго полка.

не находилъ для этого достаточно средствъ, потому что главныя силы Дагестанскаго отряда были прикованы къ Салатавіи. (Войскъ, не взирая на 13 и 18 дивизіи, все еще было недостаточно: громадныя пространства, дорожныя и строительныя работы требовали рукъ и рукъ.)

Главнокомандующій не одобрилъ этихъ предположеній и 5 Іюля 1858 г. писалъ барону Врангелю, что лѣтомъ 1859 г. со стороны Чечни предполагается произвести рекогносцировку безлѣснаго нагорнаго пространства между Черными горами и Андійскимъ хребтомъ „для положительнаго опредѣленія будущихъ дѣйствій нашихъ въ томъ краѣ". Это согласовалось съ мыслями генерала Евдокимова. Но уже въ Ноябрѣ 1858 года князь Барятинскій очевидно началъ измѣнять свой взглядъ и, судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, предполагалъ двинуть большой отрядъ изъ Салатавіи въ Андію, занять ее, остаться тамъ на зиму, а на слѣдующій годъ уже дѣйствовать дальше. Предположеніе держалось въ большомъ секретѣ и только было сообщено генералу Евдокимову, мнѣніямъ котораго князь придавалъ особое значеніе.

Въ собственноручномъ секретномъ письмѣ къ Д. А. Милютину, отъ 21 Ноября изъ Владикавказа, генералъ Евдокимовъ, со свойственнымъ ему знаніемъ края и практичностью пріемовъ Кавказской войны, отвергъ пользу занятія Андіи изъ Салатавіи. Но опять же о Веденѣ ни слова.

Въ томъ же Ноябрѣ генералъ Евдокимовъ приступилъ къ расчищенію лѣснаго пространства между Назраномъ и Шатоемъ. Просѣки сдѣланы во всю длину и ширину Галашевскихъ земель. Чтобы не изнурять войскъ дѣйствіями противъ мелкихъ разбойниковъ, генералъ Евдокимовъ поручилъ наибу недавно покоренной Малой Чечни вступить въ горы съ 2 тыс. всадниковъ и силою привести къ повиновенію аулы, разбросанные по лѣсамъ. Жители покорились и почти всѣ выселены на плоскость, также какъ населеніе Галашевцевъ и Карабулаковъ. Просѣка отъ Ассы къ Мireджи докончила продольное сообщеніе чрезъ горы изъ Шатоя въ Военно-Осетинскій округъ, т.-е. къ Владикавказу.

Сильные сборы непріятеля заставили генерала Евдокимова возвратиться въ Чечню. Шамиль хотѣлъ воспользо-

ваться удаленіемъ главнаго отряда въ Военно-Осетинскій округъ, чтобы вторгнуться въ край, отнятый у него прошедшимъ лѣтомъ. Одной части своихъ силъ онъ поручилъ захватить тѣснину Аргуна между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіями, а съ другою, чтобы отвлечь вниманіе, спустился въ Большую Чечню. Заблаговременное занятіе угрожаемаго пункта отвратило опасность. Горцы не рѣшились вступить въ бой; но они остались въ сборѣ, ожидая наступленія съ нашей стороны.

Во второй половинѣ Декабря генералъ Евдокимовъ двинулся въ Ичкерію двумя колоннами: первая была сосредоточена въ укрѣпленіи Шалинскомъ изъ войскъ, занимавшихъ Малую Чечню и теченіе Аргуна; вторая изъ отряда Кумыкскаго, который, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Мирскаго, прошелъ съ боя по предгоріямъ Большой Чечни. Эта колонна присоединилась въ Шали къ генералу Евдокимову. Она же должна была силою открыть себѣ путь въ мрачное ущелье Басса. Но какъ въ этой мѣстности горцы могли упорно оборонять каждый шагъ, то другая колонна, собранная въ укрѣпленіи Аргунскомъ, должна была пройти горами на берегъ Басса выше и поставить защищавшихъ ущелье между двухъ огней. Это искусное распоряженіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Къ 1-му Января обѣ колонны сошлись на Бассѣ и двинулись вмѣстѣ вверхъ по рѣкѣ Таузеню, оставляя по своимъ слѣдамъ разработанную и очищенную отъ лѣса дорогу. Туземное Чеченское населеніе постоянно старалось уклоняться отъ боя и покорялось, какъ только его жилища бывали обойдены нашими войсками; въ послѣднихъ числахъ Декабря около 800 Ичкеринскихъ семействъ было выселено на плоскость. Тавлинскія скопища, не надѣясь на туземцевъ, держались преимущественно въ крѣпкихъ, заранѣе избранныхъ позиціяхъ, что̀ весьма облегчало наше наступленіе.

Сбивъ Шамилевскія скопища съ сильно укрѣпленной позиціи, генералъ Евдокимовъ оставилъ русло Басса, служившее до тѣхъ поръ операціонною линіею отряду, и поднялся на горы, по направленію къ аулу Алистанжи, вырубая лѣсъ на пути. Съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ горы, мѣст-

ность становилась непроходимѣе, а искуственныя препятствія, устроенныя горцами, многочисленнѣе.

20 Января 1859 года, послѣ разсказанныхъ выше успѣховъ по окончательному почти овладѣнію Чечнею, Н. И. Евдокимовъ писалъ Д. А. Милютину, что ему блеснула новая мысль относительно овладѣнія Андіею. Занятый имъ Таузень оказался въ 30 верстахъ отъ нашего укр. Бердыкеля и въ 25 отъ кр. Воздвиженской; отъ него хорошая колесная дорога до Алистанжи, а оттуда всего 8—10 верстъ придется разработать дорогу до Веденя; изъ Веденя же въ Андію 25 верстъ. Такимъ образомъ, если удастся выселить остатки населенія между Бассомъ и Хулхулау, откроется ближайшая безопасная дорога въ Ведень, гдѣ слѣдуетъ образовать складочный пунктъ и идти въ Андію не по одному направленію изъ Салатавіи, а по двумъ; и тогда вовсе не нужно въ первомъ направленіи 20-ти батальоновъ, а довольно девяти, да изъ Веденя пойдетъ 12—13 батальоновъ. При таковомъ движеніи, Чеченцы и Ичкеринцы будутъ стѣснены отъ горъ и вынуждены къ окончательной покорности. Слѣдованіе войскъ двумя путями облегчитъ все предпріятіе.

Главнокомандующій остался очень доволенъ этимъ планомъ, но сказалъ, что все будетъ зависѣть отъ результата зимнихъ дѣйствій Чеченскаго отряда.

Для выигрыша времени, генералъ Евдокимовъ предпочелъ пробиться разомъ отъ Алистанжи до Веденя, и потомъ, укрѣпившись предъ этой столицей непокорныхъ горъ, разрабатывать дорогу въ тылъ, въ ожиданіи благопріятнаго времени года *для осады* *). Не смотря на сильныя оборонительныя средства, заготовленныя горцами по дорогѣ, это смѣлое движеніе было совершено также удачно, какъ и предыдущія, благодаря искусному маневрированію генерала Евдокимова, постоянно успѣвавшаго обходить непріятельскія позиціи.

Расположившись въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ Веденемъ, Чеченскій отрядъ долженъ былъ ждать мѣсяцъ, пока

---

*) По поводу слова „осада“, начальникъ главнаго штаба писалъ генералу Евдокимову, что князь Барятинскій опасается осады, „отъ чего Боже сохрани“: очевидные слѣды воспоминаній о Гергебелѣ, Салтѣ и Чохѣ.

устроится прочное сообщеніе съ плоскостью и будутъ подвезены осадныя средства.

26 Февраля генералъ Евдокимовъ писалъ уже положительно, что, ознакомившись съ мѣстностью, онъ находитъ, что идти въ Андію слѣдуетъ отсюда, т.-е. изъ Веденя, и хотя онъ еще не взятъ, но чтобы не безпокоились: будетъ взятъ; „да Ведень вообще и не можетъ помѣшать нашимъ операціямъ“. Князь Александръ Ивановичъ вполнѣ съ нимъ согласился, и тотчасъ были отмѣнены всѣ прежнія распоряженія, связанныя съ предположеніями о занятіи Андіи изъ Салатавіи. 7-го Марта Д. А. Милютинъ сообщилъ объ этомъ Евдокимову. Тогда же рѣшено было сдѣлать первый опытъ транспортированія тяжестей на верблюдахъ, а для войскъ устраивать Калмыцкія кибитки.

Въ продолженіе этого времени, при ненастьѣ и бездорожьѣ, продовольствіе войскъ представляло чрезвычайныя затрудненія, которыя генералъ Евдокимовъ, при всей своей энергіи и распорядительности, едва успѣлъ преодолѣть. Тѣмъ временемъ, однакоже, наши войска, хотя почти отрѣзанныя отъ своей земли, заложили подлѣ непріятельской крѣпости новое укрѣпленіе Ведень, на пунктѣ, болѣе удобномъ для обороны и поселенія, чѣмъ мѣсто, избранное Шамилемъ.

Въ это же время Салатавскій отрядъ вступилъ въ Ичкерію съ восточной стороны и проложилъ просѣку по Аксаю, оттягивая противъ себя часть непріятельскихъ силъ. Къ половинѣ Марта, наконецъ, погода установилась, удобное сообщеніе открыто съ плоскостью, и въ Чеченскій отрядъ доставлена необходимая осадная артилерія. 17-го и 18-го Марта открыты траншеи, а 1-го Апрѣля наши войска водрузили свои знамена на стѣнахъ Веденя, бывшаго 14 лѣтъ средоточіемъ враждебной намъ силы.

Извѣстіе о взятіи Веденя было объявлено Тифлису 101 пушечными выстрѣлами съ Метехскаго за́мка, а генералу Евдокимову князь Барятинскій послалъ 7-го Апрѣля слѣдующее письмо: „Дайте обнять и крѣпко прижать васъ къ моему сердцу, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Тифлисъ наполненъ радостными восклицаніями, пушки второй день гремятъ, и ваше имя въ устахъ каждаго. Великій день былъ

для меня вчерашній, когда графъ Ферзенъ [1]) объявилъ мнѣ о взятіи Веденя. Онъ ѣдетъ сегодня съ донесеніемъ къ Государю Императору, благоусмотрѣнію и щедрости котораго я повергаю достойно наградить доблести вождя и славнаго его отряда. Сегодня на разводѣ, послѣ большаго молебствія въ соборѣ, войска кричали ура генералу Евдокимову и Чеченскому отряду. Посылаю вамъ еще 200 знаковъ отличія для храбрыхъ воиновъ вашихъ. Полковникъ Тромповскій передастъ вамъ мое воззваніе къ войскамъ Лѣваго крыла. Поблагодарите ихъ еще сердечно за меня. Обнимаю васъ дружески“ [2]).

Такими-то быстрыми шагами двигались мы къ конечной цѣли! Теперь, по прошествіи 30 лѣтъ отъ описываемыхъ событій, быть можетъ и не покажется это особенно значительнымъ; но кто зналъ положеніе Кавказскихъ дѣлъ въ теченіе болѣе полустолѣтія до назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, тотъ не могъ не поражаться изумительными успѣхами, достигнутыми тогда въ столь короткое время и—нельзя не повторять этого—положительно только благодаря его соображеніямъ, его рѣшительности, настойчивости и находчивости, благодаря выбору такого исполнителя, какъ Н. И. Евдокимовъ.

Но и награжденъ былъ виновникъ этихъ успѣховъ щедро: орденъ Св. Георгія 3-го класса и титулъ графа были пожалованы Н. И. Евдокимову одновременно, при весьма лестныхъ рескриптахъ. Благодарность свою князю Александру Ивановичу выразилъ онъ слѣдующимъ письмомъ изъ крѣпости Грозной 2 Мая 1859 г.: „Высокія милости, оказанныя мнѣ вашимъ сіятельствомъ, обязываютъ меня такою благодарностью, которая словами выражена быть не можетъ. Я не перестану стараться доказать вамъ ее дѣломъ и моею къ вамъ преданностью. Вѣрьте, ваше сіятельство, искренности чувствъ

---

[1]) Офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, посланный генераломъ Евдокимовымъ съ донесеніемъ.

[2]) Вотъ это воззваніе: „Войскамъ Лѣваго крыла. Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдою; неодолимыя доселѣ преграды пали. Ведень взятъ, и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ Великаго Государя. Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его. 6 Апрѣля 1859. Тифлисъ“.

стараго Кавказскаго солдата, исполненнаго нынѣ однимъ только желаніемъ: отблагодарить и быть достойнымъ милостей своего начальника и покровителя. Принимаю смѣлость поздравить и ваше сіятельство съ монаршею милостью“ [1]).

Взятіе Веденя нанесло окончательный ударъ господству Шамиля надъ Чеченскими племенами. Въ теченіе Апрѣля и Мая совокупными дѣйствіями отрядовъ Чеченскаго и Салатавскаго были приведены въ Русское подданство всѣ общества, живущія по Сѣверную сторону Андійскаго хребта. Подъ властью Шамиля не оставалось ни одного осѣдлаго Чеченца, но весь Дагестанъ еще повиновался ему.

Завоеваніе Чечни измѣнило коренными образомъ наше стратегическое положеніе относительно Дагестанскихъ горъ. Дагестанъ былъ чрезвычайно сильно огражденъ съ восточной и южной сторонъ; съ первой—широкимъ поясомъ многочисленныхъ крѣпостей, расположенныхъ въ мѣстности, почти недоступной, вынуждавшихъ насъ къ кровопролитнымъ и изнурительнымъ для войскъ осадамъ (до такой степени, что князь Воронцовъ, послѣ трехлѣтнихъ попытокъ [2]), отказался наконецъ отъ наступленія съ этой стороны); со второй, т.-е. съ Лезгинской линіи,—снѣжный становой хребетъ Кавказа, проходимый съ большимъ трудомъ только лѣтомъ, ставилъ непреодолимое препятствіе систематическимъ дѣйствіямъ.

Овладѣніе Чечнею открыло нашему наступленію третью сторону Дагестана, гдѣ мѣстность была гораздо проходимѣе, чѣмъ на южной, и искуственныя препятствія гораздо слабѣе, чѣмъ на восточной. Оборонительныя сооруженія, воздвигнутыя Шамилемъ на Андійскомъ Койсу, не могли идти въ сравненіе съ рядомъ многолюдныхъ и почти неприступныхъ ауловъ восточной полосы, одѣвавшихъ, если можно такъ выразиться, непробиваемымъ панцыремъ цѣлую страну. Прорвавшись за Андійское Койсу, мы вступили во внутренность горъ, гдѣ ничего не было приготовлено для систематической

[1]) Князь Барятинскій получилъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени съ мечами.
[2]) Гергебиль и Салты 1847, Гергебиль 1848 и Чохъ 1849 года.

обороны, и заходили въ тылъ пограничнымъ горскимъ крѣпостямъ. Съ самаго начала своего начальствованія, князь Барятинскій стремился къ тому, чтобы достигнуть этого новаго стратегическаго положенія. Для осуществленія этой цѣли, рѣшительныя усилія были направлены противъ Чечни, и главныя силы Прикаспійскаго края, оставя прежній базисъ свой со стороны моря, постепенно стягивались въ Салатавію, противъ сѣвернаго ската горъ. Въ началѣ лѣта 1859 года обѣ массы войскъ Лѣваго крыла и Прикаспійскаго края были расположены на одной линіи, съ сѣверной, вновь раскрытой стороны Дагестанскаго треугольника.

Однако и послѣ этого князь Барятинскій оставался при планѣ ограничиться пока лишь занятіемъ Андіи, укрѣпиться тамъ, открыть безопасныя сообщенія и приготовиться къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Въ предписаніи, отъ 6-го Мая 1859 года, генералъ-адъютанту барону Врангелю онъ сообщалъ о своемъ предположеніи двинуть войска изъ Салатавіи въ Гумбетъ, изъ Веденя въ Андію, съ Лезгинской линіи чрезъ Дидо къ верховьямъ Андійскаго Койсу, начавъ наступленіе одновременно въ концѣ Іюня; и такъ какъ рѣшительныя дѣйствія въ долинѣ Андійскаго Койсу могутъ произвести сильное впечатлѣніе на горцевъ и отозваться въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ, поэтому слѣдуетъ быть готовымъ, чтобъ воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ. Можетъ быть, возстанутъ противъ Шамиля Койсубу, Андаляль или Аварія; можно будетъ занять на Аварскомъ или Кара-Койсу важные пункты, даже крѣпость Улу-кале (Шамиль построилъ ее вмѣсто Гергебиля) и т. п., для чего нужно держать тамъ (т.-е. въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ) не менѣе одиннадцати батальоновъ, а наступать изъ Бутурная къ Андіи съ семью.

Такимъ образомъ, не смотря на значительныя силы, которыя еще оставались у непріятеля и на чрезвычайную крѣпость покровительствующей ему мѣстности, полагаясь съ своей стороны на выгоды вновь пріобрѣтеннаго стратегическаго положенія и на упадокъ духа въ горскомъ населеніи, потрясенномъ столькими ударами, князь Барятинскій рѣшился измѣнить систему войны, которой до тѣхъ поръ держался, и отъ методическихъ дѣйствій перейти къ быстрому наступленію

всею массою войскъ, окружавшихъ горы, чтобы однимъ рѣшительнымъ ударомъ потрясти основанія Шамилевскаго владычества и покончить дѣло.

Существованіе вооруженнаго мюридизма въ нѣдрахъ Кавказа, ограничивалось ли его вліяніе однимъ Дагестаномъ, или простиралось и на Чечню, имѣло одинаковое значеніе для Кавказской арміи—совершенно обезсиливало ее въ случаѣ внѣшней войны. При смутномъ положеніи Европы и безпрерывно возникавшихъ, совершенно-неожиданныхъ, политическихъ сочетаніяхъ, князь Барятинскій, какъ уже было указано, считалъ первою государственною необходимостью кончить, сколь возможно скорѣе, внутреннюю Кавказскую войну, которая поглощала безплодно лучшую половину Русскихъ силъ. Рѣшительное наступленіе въ средину горъ представляло единственное средство къ тому, хотя оно и было сопряжено съ бо̀льшими случайностями, чѣмъ методическая война.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма (графа) Д. А. Милютина къ князю А. И. Барятинскому *).

1857 года.

1.

С.-Петербургъ, 22 Октября 1857 г., 11 ч. вечера.

Возвратившись сейчасъ изъ Царскаго Села, спѣшу отдать подробный отчетъ вашему сіятельству о первыхъ двухъ дняхъ моего здѣсь пребыванія.

Вчера, въ самый день пріѣзда моего въ Петербургъ, я представился военному министру, который принялъ меня весьма любезно, спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ и оставилъ меня обѣдать у себя, такъ что тутъ же я увидѣлся съ ген. Герштенцвейгомъ, съ барономъ Ливеномъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ числѣ гостей были Николай Николаевичъ Муравьевъ, пріѣхавшій изъ Иркутска, и ген.-адъют. Назимовъ. Всѣ показывали участіе въ здоровьѣ вашемъ, распрашивали о томъ, что̀ дѣлается на Кавказѣ; но серьезнаго разговора о дѣлахъ не могло быть. Военный министръ прежде всего спросилъ меня о смѣтѣ. Когда я доложилъ, что противъ 1857 года будетъ сокращеніе на $1^1/_2$ милліона рублей, то низко поклонился и выра-

---

*) На обнародованіе этихъ писемъ получено авторомъ біографіи князя Барятинскаго согласіе графа Д. А. Милютина. П. Б.

зилъ свое удовольствіе. Затѣмъ, въ разговорѣ о разныхъ необходимыхъ предпріятіяхъ какъ на Кавказѣ, такъ и въ Сибири, генералъ Сухозанетъ полушуточно, полусерьезно замѣтилъ, что все можно дѣлать, лишь бы на свои мѣстныя средства, не требуя денегъ изъ государственной казны. На этотъ разъ всего полезнѣе была мнѣ встрѣча съ Герштенцвейгомъ, котораго я успѣлъ познакомить съ сущностью привезенныхъ мною дѣлъ и предположеній. Дежурный генералъ завѣрилъ меня, что въ министерствѣ не будетъ встрѣчено никакого затрудненія, если только не требуются лишніе расходы, выразилъ мнѣ полное согласіе свое съ нѣкоторыми изъ вашихъ соображеній и въ томъ числѣ о необходимости учрежденія главнаго штаба, преобразованія госпитальной части и проч. Сейчасъ послѣ обѣда министръ долженъ былъ куда-то ѣхать и предложилъ мнѣ прибыть на другой день въ Царское Село.

Сегодня, когда я пришелъ представляться Государю Императору, мнѣ сказали, что Его Величество уже спрашивалъ меня; а вслѣдъ затѣмъ я былъ принятъ. Не умѣю выразить, какъ я былъ тронутъ милостивымъ пріемомъ Государя. Послѣ первыхъ привѣтствій и вопросовъ о здоровьѣ вашего сіятельства, Его Величество изволилъ посадить меня, приказалъ раскрыть карту и разсказывать сущность всѣхъ предположеній вашихъ. Пока я раскладывалъ карту, Государь изволилъ прочитать письмо ваше, большею частью вслухъ, требовалъ отъ меня поясненій по нѣкоторымъ предмстамъ и затѣмъ подробно и внимательно выслушалъ все, что̀ предполагается дѣлать въ будущемъ году на Кавказѣ. По мѣрѣ того, какъ я переходилъ отъ одного театра дѣйствій къ другому, Государь изволилъ одобрять всѣ предположенія и присовокупилъ свои собственныя замѣчанія. Между прочимъ было упомянуто о болѣзненности въ Адагумскомъ отрядѣ, но я успокоилъ Его Величество нѣкоторыми объясненіями дѣла. Говоря о Правомъ крылѣ, Государь изволилъ выразить удовольствіе, что ваше сіятельство лично ознакомились съ этимъ краемъ въ послѣднее ваше путешествіе. При этомъ случаѣ я развилъ мысли ваши о заселеніи земель казаками, о пользѣ перемѣщенія сюда въ большей массѣ Донскихъ казаковъ (о чемъ я предварительно имѣлъ разговоръ въ Новочеркасскѣ съ ген.-ад. Хомутовымъ). Государь одобрилъ мысль и предоставилъ мнѣ войти въ ближайшія объясненія съ военнымъ министромъ. Тутъ же разговоръ перешелъ на ваши предположенія о преобразованіи линейнаго казачьяго войска. Государь нѣсколько разъ подтверждалъ, что все согласно совершенно съ его собственными мыслями до самыхъ послѣднихъ подробностей; въ томъ числѣ и касательно мундировъ обоихъ казачьихъ войскъ. Особенно Государь изволилъ одобрить предположеніе, чтобы со временемъ атаманы были вмѣстѣ съ тѣмъ и командующими войсками. Предположенная перемѣна въ распредѣленіи линейныхъ батальоновъ по бригадамъ также удостоилась Высочайшаго одобренія. Государь выслушалъ со вниманіемъ предположенія относительно устройства пароходства по Ріону и го̀рода въ Поти. При этомъ я успѣлъ высказать все, что̀ ваше сіятельство поручили

мнѣ по дѣламъ Мингреліи и Сванетіи. Относительно самой княгини Дадіанъ Высочайшія намѣренія совершенно согласуются съ видами вашими: Государь согласился оказать знакъ милости обоимъ князьямъ Дадіанъ, но тогда, когда княгиня прибудетъ въ Петербургъ.

Относительно всѣхъ другихъ предметовъ, о которыхъ ваше сіятельство поручили мнѣ доложить Государю Императору, Его Величество изволилъ на все изъявить свое согласіе и одобреніе. Нарѣзное оружіе предположено вводить постепенно во всей пѣхотѣ; но, кажется, есть мысль замѣнить во всѣхъ войскахъ на западной границѣ калибръ 7-линейный меньшимъ 6-линейнымъ; теперешнія же нарѣзныя ружья назначить исключительно Кавказскимъ войскамъ. О Владикавказѣ Государь изволилъ выразиться, что давно бы слѣдовало обратить его въ городъ и что Его Величество даже считалъ его городомъ. Предполагаемую перестройку Военно-Грузинской дороги Государь изволилъ назвать дѣломъ необходимымъ, на которое стòитъ положить деньги, но приказалъ обстоятельно сообразить съ ген.-ад. Чевкинымъ, чтобы не вышло ошибки въ разсчетахъ. Тутъ я имѣлъ случай упомянуть о значительныхъ остаткахъ интендантскихъ суммъ. Государь изволилъ отозваться, что не видитъ препятствія употреблять эти остатки заимообразно на полезныя предпріятія въ краѣ, если только разсчеты совершенно и несомнѣнно-вѣрны, но поручилъ столь важное дѣло подробно обсудить съ военнымъ министромъ. При этомъ я удостовѣрилъ Его Величество въ постоянныхъ усиліяхъ вашихъ охранять выгоды казны и развилъ вашъ взглядъ на настоящій способъ бережливости въ государственномъ хозяйствѣ. Казалось, Его Величество вполнѣ изволитъ сознавать, что только успѣшные результаты настоящихъ нашихъ усилій на Кавказѣ могутъ со временемъ повести къ большимъ сокращеніямъ и въ числѣ войскъ, и въ денежныхъ средствахъ.

Тутъ былъ случай упомянуть о нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ прибавкахъ въ расходахъ и въ томъ числѣ объ увеличеніи порціоннаго довольствія войскъ въ сравненіи съ новыми, установленными въ Россіи категоріями. Его Величество изволилъ выразить искреннее желаніе сдѣлать все возможное для улучшенія благосостоянія войскъ, столь блистательно заслуживающихъ право на попечительное вниманіе къ ихъ нуждамъ со стороны высшаго начальства. Но само собою разумѣется, что окончательное рѣшеніе вопроса должно быть предоставлено ближайшему обсужденію министерства.

Послѣ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ, Государь Императоръ изволилъ самъ спросить, нѣтъ ли еще какихъ либо дѣлъ по гражданской части. Я поспѣшилъ высказать ваши мысли о компаніи Каспійскаго пароходства, о компаніи Азіятской торговли, о предпріятіяхъ на счетъ желѣзной дороги и орошенія безплодныхъ степей, о колонизаціи на помѣщичьихъ земляхъ и установленіи отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ крестьянами, о раскольникахъ, о распространеніи христіанства посредствомъ особой общины, о музеѣ и проч. Все это было выслушано

со вниманіемъ и частыми выраженіями одобренія. Однакожъ относительно компаніи Новосельскаго и Кокорева Государь изволилъ намекнуть о своихъ опасеніяхъ, чтобы эти господа не запутались въ своихъ разсчетахъ и не слишкомъ затянулись въ дѣла несоразмѣрныя съ ихъ силами. О раскольникахъ не было выражено окончательнаго и положительнаго мнѣнія, но мысль ваша о примѣненіи колонизаціи къ постепенной эмансипаціи помѣщичьихъ крестьянъ въ Грузіи весьма понравилась Его Величеству. По всѣмъ предметамъ Государь будетъ ожидать вашихъ представленій.

Такимъ образомъ, въ продолженіе трехъ часовъ, я успѣлъ основательно и съ полнымъ успѣхомъ доложить Государю Императору о всѣхъ безъ исключенія предметахъ, которые входили въ данную мнѣ вашимъ сіятельствомъ инструкцію. Смѣю сказать, что милостивое вниманіе Его Величества и несомнѣнное сочувствіе его ко всѣмъ предположеніямъ вашимъ превзошли всякое ожиданіе мое. Отпуская меня, Государь изволилъ еще выразить свое удовольствіе обо всемъ мною доложенномъ.

Въ продолженіе моего доклада, въ кабинетъ Его Величества изволила войти Государыня Императрица и также милостиво освѣдомилась о вашемъ здоровьѣ. Однакоже, выходя отъ Государя, я счелъ долгомъ особо представиться Ея Величеству. Не смотря на утомленіе свое (послѣ посѣщенія какой-то школы), Императрица удостоила принять меня и бесѣдовать съ полчаса до прихода самого Государя. Тутъ представился случай развить подробно ваши мысли объ учрежденіи общины для распространенія христіанства на Кавказѣ. Государыня приняла живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, выразила полную готовность принять общину подъ высокое свое покровительство и будетъ ожидать письменнаго изложенія вашихъ соображеній.

Затѣмъ я имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ обѣденному столу Ихъ Величествъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда нѣсколько разъ разговоръ переходилъ на Кавказъ и проч. Я оставилъ Царское Село въ 7 часовъ вечера, полный сердечнаго благоговѣнія къ августѣйшей четѣ, которая милостивымъ ко мнѣ вниманіемъ хотѣла, безъ сомнѣнія, выразить свое высокое благорасположеніе къ вашему сіятельству.

Въ этотъ день я не могъ представиться ни Вдовствующей Императрицѣ, ни Великому Князю Михаилу Николаевичу, а потому долженъ буду вскорѣ пріѣхать опять въ Царское Село. Великій же Князь Николай Николаевичъ еще не возвратился изъ своего путешествія. Завтра буду продолжать свои представленія.

2.

23 Октября, Среда.

Сегодня я имѣлъ продолжительные разговоры съ Его Императорскимъ Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ, съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и съ военнымъ министромъ.

Великій Князь былъ со мною милостивъ, какъ и въ прежнее время, весьма благосклонно спрашивалъ о вашемъ сіятельствѣ и потомъ завелъ рѣчь о послѣдней своей перепискѣ съ вами. „Сердитъ ли еще на меня

князь Александръ Ивановичъ?“ Я отвѣчалъ, что не сердился и прежде, а былъ глубоко огорченъ. Великій Князь началъ объяснять, что цѣль письма состояла только въ томъ, чтобы дружески предупредить васъ о дошедшихъ до Его Высочества враждебныхъ противъ васъ толкахъ и тѣмъ исполнить данное при вашемъ отъѣздѣ обѣщаніе. Затѣмъ былъ довольно продолжительный разговоръ о томъ, какъ разумѣть настоящее сбереженіе казеннаго интереса, о вашихъ видахъ на будущее сокращеніе силъ на Кавказѣ, о различіи въ этомъ отношеніи положенія Кавказскаго управленія и морскаго вѣдомства, а наконецъ я навелъ рѣчь на намеки Великаго Князя относительно частной вашей жизни. Однимъ словомъ, здѣсь развито было на словахъ все тоже, что вы сами отвѣчали письменно Великому Князю. Въ результатѣ я убѣдился, что Его Высочество не измѣнился въ своемъ расположеніи къ вамъ и что письмо его было написано безъ особаго непріязненнаго намѣренія. При томъ я узналъ отъ А. В. Головнина, что было уже заготовлено и новое письмо въ отвѣтъ на вашъ отвѣтъ, что оно нѣсколько разъ передѣлывалось и, наконецъ, оставлено подъ сукномъ. Я могъ замѣтить изъ разговоровъ, что Великій Князь былъ уже предупрежденъ А. В. Головнинымъ о предметѣ предстоявшаго моего разговора, такъ какъ я имѣлъ уже случай наканунѣ видѣться съ Головнинымъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Это обстоятельство весьма облегчило мнѣ дѣло. Его Высочество самъ изволилъ завести рѣчь объ устройствѣ нашей морской части, о томъ, что морское дежурство должно составлять часть штаба и что самъ старшій офицеръ морской долженъ быть подчиненъ начальнику главнаго штаба, что капитанъ Стеценко къ сожалѣнію не такъ понялъ свое назначеніе и что его можно перемѣстить съ Кавказа, если ваше сіятельство находите это полезнымъ. Я отвѣтилъ, что дѣйствительно для пользы службы и для блага самого кап. Стеценки слѣдуетъ ему дать другое назначеніе, но что ваше сіятельство не желали бы отнюдь обидѣть тѣмъ такого офицера, и напротивъ того просили бы сдѣлать что нибудь въ его пользу. Великій Князь обѣщалъ подумать объ этомъ и сдѣлать распоряженіе. Его Высочество также объявилъ мнѣ, что совершенно согласенъ не назначать морскихъ офицеровъ комендантами въ приморскіе города и крѣпости, если ваше сіятельство будете находить это неудобнымъ. Кажется, и самъ Великій Князь нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на моряковъ Черноморскихъ послѣ нѣсколькихъ бывшихъ уже неудачъ въ назначеніяхъ и жалобъ на нихъ со стороны ген.-ад. гр. Строганова. Затѣмъ рѣчь зашла объ устройствѣ самой флотиліи. Его Высочество рѣшительно отвергаетъ предположеніе о передачѣ Кавказскихъ судовъ на содержаніе компаніи, находя это неприличнымъ, но согласенъ на прежнее предположеніе ваше о передачѣ ихъ въ Черноморскій флотъ; компаніи же полагалъ бы предоставить только транспортировку грузовъ на компанейскихъ судахъ. Великій Князь обѣщалъ, что въ Морскомъ Министерствѣ будетъ оказано все нужное пособіе лейт. Обезъянинову для составленія новаго проекта на указанномъ Его Высочествомъ главномъ основаніи. Касательно же Каспійской флотиліи и пере-

несенія ея станціи въ Баку, Великій Князь сказалъ, что и самъ былъ всегда того же мнѣнія; но что теперь обстоятельства заставляютъ сколь можно уменьшить размѣръ предполагавшихся въ Баку сооруженій, также какъ и ограничить самый составъ флотиліи, стараясь въ замѣнъ того болѣе поощрять купеческое и компанейское пароходства. Вообще по всѣмъ предметамъ, о которыхъ поручено мнѣ было доложить Великому Князю, я нашелъ со стороны Его Высочества самую благосклонную готовность содѣйствовать видамъ вашего сіятельства. Великій Князь изволилъ обѣщать прислать за мною для вторичнаго совѣщанія.

Съ княземъ Ал. Ѳед. Орловымъ также говорено было обо всѣхъ дѣлахъ, касавшихся Кавказскаго Комитета. Его сіятельство говорилъ съ видимымъ участіемъ и расположеніемъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы передать вашу признательность за ту поддержку, которую находятъ въ князѣ Орловѣ представленія ваши въ Кавказскій Комитетъ. Онъ самъ заговорилъ о дѣлахъ Мингрельскихъ и судилъ о будущемъ положеніи княжескаго дома совершенно сходно съ вашими видами...

Съ военнымъ министромъ я видѣлся два раза въ теченіе дня: утромъ съ $10^1/_2$ до $1^1/_2$ ч. и потомъ съ $3^1/_2$ до 8 ч. (т.-е. включая и обѣдъ). Въ продолженіе этихъ двухъ длинныхъ сеансовъ я успѣлъ объяснить ему все то, что̀ вчера докладывалъ Государю Императору и даже съ бо̀льшими подробностями. Кажется, на все соглашается и все одобряетъ; очень внимательно пересматривалъ списокъ генераловъ, распредѣленныхъ вами на три разряда, дѣлалъ на немъ свои отмѣтки согласно моимъ объясненіямъ и спросилъ: можетъ ли онъ, когда представится случай, немедленно распорядиться судьбою поименованныхъ лицъ? Я отвѣчалъ, что безъ особенной крайности все таки лучше сперва спросить ваше мнѣніе. Точно также и по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ, по которымъ министръ спрашивалъ моего мнѣнія, я совѣтовалъ лучше запросить ближайшее мѣстное начальство. Въ числѣ обѣщаній, данныхъ мнѣ генераломъ Сухозанетомъ, было и то, что въ скоромъ времени будутъ присланы на Кавказъ еще 10 тыс. ружей нарѣзныхъ для вооруженія цѣлыхъ баталіоновъ въ полкахъ по вашему назначенію, впослѣдствіи же будутъ постепенно присылаться такія же ружья и на прочія части Кавказскаго корпуса. Трудно было бы перечислить здѣсь весь ходъ продолжительныхъ моихъ разговоровъ съ военнымъ министромъ; скажу только, что вообще я нашелъ въ немъ много доброй воли, ясное пониманіе дѣла и отсутствіе всякаго враждебнаго расположенія къ нашему краю; напротивъ того, онъ готовъ все сдѣлать по вашему желанію, лишь бы не требовалось новыхъ расходовъ. Даже увеличеніе порціоннаго довольствія онъ не считаетъ невозможнымъ. Мнѣ обѣщаютъ, что порученныя мнѣ дѣла будутъ здѣсь ведены безъ малѣйшаго замедленія. Изъ всего представленнаго длиннаго отчета ваше сіятельство изволите замѣтить, что до сихъ поръ я весьма доволенъ ходомъ дѣла и понимаю вполнѣ, что всѣ знаки вниманія, мнѣ оказываемыя, относятся не ко мнѣ лично, а къ вашему лицу. Могу только желать, чтобы благопріятное это начало увѣнчалось столь же удачными результатами.

3.

24 Октября, Четвергъ.

Нынѣшній день былъ преимущественно посвященъ дѣламъ по вѣдомству путей сообщенія. Я имѣлъ и утромъ и вечеромъ совѣщанія съ ген. Чевкинымъ, который сначала доказывалъ мнѣ необходимость самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ сокращенію расходовъ, а потомъ давалъ разные совѣты, исполненіе которыхъ невозможно безъ денегъ. Впрочемъ онъ вникъ во всѣ потребности Кавказскаго края по предмету путей сообщенія, обѣщалъ выхлопотать по крайней мѣрѣ 300 тыс. рублей на дорожныя работы, разсматривалъ со вниманіемъ проектъ Военно-Грузинской дороги и одобрилъ главную мысль новаго устройства управленія путями сообщенія на Кавказѣ. Вообще я встрѣтилъ со стороны ген. Чевкина болѣе сочувствія къ представляемымъ предположеніямъ, чѣмъ противодѣйствія, котораго я прежде опасался.

Кромѣ того, я видѣлся сегодня со многими лицами, которыя будутъ имѣть вліяніе при разсмотрѣніи проектовъ: ген.-ад. Баранцевымъ, кн. Васильчиковымъ, ген. Веригинымъ и проч. Былъ я также у адм. Метлина, ген.-ад. Лутковскаго, барона Ливена, Головнина и другихъ, и только теперь въ полночь возвращаюсь домой, утомленный до крайности непрерывными разъѣздами и разговорами съ утра до ночи.

4.

25 Октября, Пятница.

Еще день проведенъ небезплодно: я былъ опять въ Царскомъ Селѣ, представлялся Вдовствующей Императрицѣ и обѣдалъ у Ея Величества. За обѣдомъ Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ о нѣкоторыхъ данныхъ уже окончательно Высочайшихъ разрѣшеніяхъ на ваши представленія. Въ томъ числѣ послѣдовало соизволеніе на увеличеніе порціоннаго довольствія Кавказскихъ войскъ по второму нашему разсчету, что потребуетъ 500 тысячъ рублей прибавки къ категорическимъ деньгамъ. Можно поздравить наши достойныя войска съ этою монаршею милостію, которая даетъ возможность кормить солдата какъ слѣдуетъ по положенію, не уменьшая узаконенной его порціи. Также Высочайше одобрены распоряженія вашего сіятельства о перенесеніи во Владикавказъ штаба Лѣваго крыла, 20-го стрѣлковаго и линейнаго № 8 баталіоновъ.

Въ Царскомъ Селѣ я занимался еще разъ съ военнымъ министромъ, который съ своей стороны выразилъ совершенное согласіе на проектъ преобразованія артилеріи полевой и гарнизонной. Тутъ же былъ и князь Васильчиковъ *), съ которымъ я условился о дальнѣйшемъ канцелярскомъ ходѣ дѣла. Между прочими новостями военный министръ объявилъ мнѣ, что здѣсь учреждается центральная школа для обученія офицеровъ стрѣльбѣ и употребленію нарѣзнаго оружія и что отъ каждаго полка будетъ въ эту

---

*) Князь Викторъ Илларіоновичъ—тогдашній товарищъ военнаго министра.

школу присылаться по одному офицеру на годичный срокъ, дабы имѣть въ полкахъ хорошихъ инструкторовъ. Необходимо будетъ воспользоваться этимъ полезнымъ учрежденіемъ и для Кавказскихъ войскъ избраніемъ по одному лучшему и способнѣйшему офицеру отъ каждаго полка.

Теперь всѣ привезенныя мною представленія уже одобрены и разрѣшены свыше; но остается самая медленная и скучная часть дѣла—процедура канцелярская. Надобно будетъ зорко слѣдить за теченіемъ дѣла. На дняхъ будетъ отправленъ къ вашему сіятельству фельдъегерь съ письмомъ Государя Императора. Вдовствующая Императрица много разспрашивала о вашемъ сіятельствѣ и Кавказѣ. Ея Величество весьма поправилась въ здоровьѣ своемъ и въ силахъ.

Видѣлся я сегодня съ вашимъ братомъ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, который получилъ отъ меня самыя подробныя свѣдѣнія о жизни вашей и занятіяхъ.

5.

26 Октября, Суббота.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, пріѣхавъ сегодня въ городъ, принялъ меня весьма благосклонно, выслушалъ объясненіе главныхъ основаній вашихъ предположеній по артилерійской части и обѣщалъ оказать съ своей стороны все содѣйствіе успѣшному и скорому утвержденію проекта. Видѣлся я сегодня же съ графомъ Барановымъ, ген.-ад. княземъ Долгоруковымъ, Влад. Петр. Бутковымъ, Ст. Ал. Хрулевымъ и другими лицами. Графъ Барановъ очень заботится объ усовершенствованіяхъ по ружейной части и вызывается помогать въ этомъ важномъ дѣлѣ Кавказскимъ войскамъ. При этомъ говорено было о той школѣ, о которой я писалъ уже вчера, также о присылкѣ поочередно на Кавказъ стрѣлковыхъ баталіоновъ арміи для практикованія и проч. Бутковъ, съ которымъ я только теперь познакомился, показалъ мнѣ не только сочувствіе къ дѣламъ Кавказскимъ, но и личную преданность къ вашему сіятельству и говорилъ съ жаромъ въ вашу пользу. Какъ онъ, такъ и потомъ князь Вас. Анд. Долгоруковъ завели рѣчь объ Астраханской губерніи и намекали на то, что слѣдовало бы тамошняго жандармскаго штабъ-офицера отдѣлить отъ VI-го округа и подчинить Кавказскому округу. Я отвѣтилъ, что теперь, когда вопросъ о Каспійской флотиліи и присоединеніи Астрахани принялъ уже новое направленіе, ваше сіятельство по всѣмъ вѣроятіямъ и сами изволите войти съ представленіемъ по означенному предмету. Съ княземъ Долгоруковымъ я съ умысломъ распространился о нелѣпыхъ слухахъ, распускаемыхъ въ Петербургѣ, на что онъ увѣрялъ меня, что клеветы эти не заслуживаютъ никакого вниманія и нисколько не могутъ вредить вашему сіятельству.

Ген.-лейт. Хрулевъ уѣзжаетъ завтра въ Москву. Кокоревъ присылалъ ко мнѣ Девеля спросить, когда я могу принять его. Новосельскаго и бар. Торнау я также не видалъ еще. Всѣ толкуютъ о предполагаемой на Кавказѣ желѣзной дорогѣ, но съ явнымъ видомъ сомнѣнія и недовѣрчивости.

6.

28 Октября, Понедѣльникъ.

Вчера весь день я провелъ въ Царскомъ Селѣ: утромъ на выходѣ, вечеромъ на балѣ, что̀ доставило мнѣ случай видѣть многихъ и каждаго вразумлять о нашихъ дѣлахъ. На балѣ Государь Императоръ нѣсколько разъ изволилъ милостиво обращаться ко мнѣ и между прочимъ сказалъ, что, вмѣсто отправленія фельдъегеря, намѣревается вручить мнѣ письмо къ вашему сіятельству въ томъ предположеніи, что я уже кончилъ свои дѣла и скоро уѣду обратно. Но къ сожалѣнію, дѣла здѣсь идутъ не такъ быстро, какъ полагалъ Его Величество: вчера я узналъ съ прискорбіемъ, что въ канцеляріи Военнаго Министерства возникла уже опозиція противъ нашего проекта штатовъ и притомъ опозиція самая неожиданная. Находятъ, что мы предлагаемъ измѣненія не довольно радикальныя. Здѣсь вообще я нашелъ поразительное явленіе: стремленіе къ преобразованіямъ и изобрѣтенію чего либо новаго обуяло всѣхъ и каждаго; хотятъ, чтобы все прежнее ломали теперь же, прежде чѣмъ обдумано новое. Не стану теперь объяснять въ чемъ именно желаютъ здѣсь измѣнить существующій въ управленіи порядокъ, ибо ожидаю отъ военнаго министра назначенія особой аудіенціи для того, чтобы узнать положительнѣе, чего хотятъ и какой дадутъ ходъ нашему дѣлу. Во всякомъ случаѣ я вижу, что дѣло затянется.

7.

29 Октября, Вторникъ.

Сегодня утромъ я видѣлся опять съ военнымъ министромъ, съ кн. Васильчиковымъ и ген. Герштенцвейгомъ, чтобы разузнать о ходѣ дѣла. Всѣ трое говорятъ разное: первый, что считаетъ дѣло рѣшеннымъ; второй, что вѣроятно не будетъ надобности дѣлать измѣненія въ проектѣ штатовъ, если смотрѣть на этотъ проектъ, какъ на временный (а между тѣмъ я засталъ кн. Васильчикова сочиняющимъ какую-то записку по предмету этого проекта); наконецъ, г. Герштенцвейгъ, недовольный тѣмъ, что его устранили отъ этого дѣла, предсказываетъ мнѣ длинную проволочку и препятствія. Къ сожалѣнію мнѣ кажется, что можно болѣе вѣрить послѣднему.

Въ этихъ видахъ я рѣшаюсь не отлагать долѣе отправленія моего письма и прошу дежурнаго генерала послать завтра же фельдъегеря въ Тифлисъ, чтобы не оставлять ваше сіятельство въ неизвѣстности о положеніи дѣла. Чрезъ нѣсколько дней постараюсь отправить другаго курьера, избѣгая писать вамъ по почтѣ.

Съ министромъ иностранныхъ дѣлъ я до сихъ поръ не видался, хотя заѣзжалъ къ нему два раза и получилъ его карточку на другой же день моего визита. Я узналъ сегодня, что въ комитетѣ, собиравшемся у Великаго Князя Константина Николаевича, обсуждалось ваше представленіе о дополнительномъ распоряженіи на счетъ каботажнаго плаванія въ Черномъ морѣ. Князь Горчаковъ возсталъ противъ этого требованія, говоря, что столь скорое измѣненіе указа, только что распубликованнаго, покажетъ

шаткость и необдуманность нашихъ правительственныхъ дѣйствій. Мнѣ передана на разсмотрѣніе составленная совмѣстно министерствами иностранныхъ дѣлъ и морскимъ инструкція нашимъ крейсерамъ; я нашелъ, что она вся написана въ видахъ огражденія контрабандистовъ и крайняго стѣсненія нашихъ крейсеровъ. Объ этомъ я прямо сказалъ Великому Князю Генералъ-Адмиралу, который признаетъ справедливость моего мнѣнія, но изволилъ отозваться, что иначе невозможно было сдѣлать по настоятельному требованію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Тайный совѣтникъ Мальцовъ сказалъ мнѣ также, что измѣнить въ чемъ-либо составленную инструкцію невозможно. Такимъ образ. крейсерство у насъ будетъ только номинальное, а существенная мѣра охраненія берега будетъ заключаться въ нашихъ судахъ, которыя необходимо будетъ и впредъ употреблять по примѣру дѣйствій ген. Филипсона въ нынѣшнемъ году. Составляя нынѣ проектъ устройства нашей флотиліи, мы стараемся обезпечить нашихъ береговыхъ начальниковъ въ этомъ отношеніи и дать имъ средства къ исполненію того, что́ крейсерство не въ состояніи будетъ выполнить. Весною будущаго года, когда приступлено будетъ къ упраздненію Анапы, само собою окажется неизбѣжнымъ сдѣлать новую публикацію для измѣненія сдѣланныхъ теперь распоряженій относительно ограниченія свободнаго плаванія торговыхъ судовъ при восточномъ берегѣ; тогда и вопросъ о каботажномъ плаваніи долженъ подняться снова, такъ что я смотрю на всѣ теперешнія мѣры по этому предмету только какъ на временныя до будущей весны. Въ такомъ смыслѣ я говорилъ военному министру и буду говорить князю Горчакову.

Адъютантъ военнаго министра Толстой возвратился изъ Астрахани и привезъ, по словамъ Николая Онуфріевича, неопровержимыя улики существовавшихъ тамъ обширныхъ злоупотребленій по провіантской части. Военный министръ не только убѣдился въ виновности самого вице-адм. Васильева, но подозрѣваетъ и соучастіе нашего интендантства. Николай Онуфріевичъ поручаетъ мнѣ предостеречь ваше сіятельство на сей счетъ и обѣщаетъ прислать ко мнѣ самого Толстаго со всѣми бумагами и документами. Не хочется вѣрить столь прискорбному подозрѣнію, но не смѣю и опровергать, пока не узнаю, въ чемъ дѣло.

8.

30 Октября.

Фельдъегерь, который долженъ былъ отправиться сегодня съ письмомъ моимъ къ вашему сіятельству, поѣдетъ только послѣ-завтра и, какъ кажется, повезетъ къ вамъ письма самого Государя Императора. Пользуясь этою отсрочкою, я продолжаю мой отчетъ или лучше сказать дневникъ моего пребыванія въ Петербургѣ.

Сегодня Великій Князь Генералъ-Адмиралъ собралъ у себя в.-адм. Метлина, к.-адм. Краббе и насъ съ Обезъяниновымъ, чтобы обсудить будущее устройство морской части на Кавказѣ. Рѣшено принять тотъ самый порядокъ, который мы предложили и который уже былъ изложенъ въ чернѣ

Обезъяниновымъ За основаніе принята передача судовъ Кавказскихъ въ составъ Черноморскаго флота и всѣхъ издержекъ на счетъ Морскаго Министерства. Рѣчь была о Бакинской станціи и отношеніяхъ главнокомандующаго къ Каспійской флотиліи. Вопросъ этотъ, какъ надѣюсь, уладится скоро.

Вмѣстѣ съ симъ я пишу къ капитану Стеценкѣ въ отвѣтъ на полученное здѣсь письмо его, въ которомъ онъ опять жалуется на свое положеніе и предоставляетъ мнѣ дать направленіе дальнѣйшей его служебной дѣятельности. Я объясняю ему сущность неудовольствій его и сообщаю мой разговоръ о немъ съ Великимъ Княземъ. Здѣсь весьма затрудняются пріискать ему назначеніе: прежде выхваляли до небесъ, а теперь не могутъ придумать на что употребить его. Обезъяниновымъ я очень доволенъ.

Сегодня же я имѣлъ честь быть у Великой Княгини Маріи Николаевны, которая удостоила меня довольно продолжительнымъ разговоромъ о Кавказѣ. Ея Высочество была нѣсколько удивлена, услышавъ, что ваше сіятельство вовсе не замышляете никакихъ громкихъ и кровопролитныхъ экспедицій, а довольствуетесь постройками, рубкою лѣсовъ и проложеніемъ дорогъ. Казалось, Великая Княгиня иначе понимала доселѣ нашъ образъ дѣйствій на Кавказѣ и объясненія мои изволила принять одобрительно.

9.

31 Октября. Четвергъ.

Военный министръ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта Толстаго, который прочелъ мнѣ рапортъ по дѣламъ Астраханскаго провіантскаго комитета. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ были большія злоупотребленія. Соучастіе нашего интендантства въ оффиціальномъ рапортѣ не высказано; но Толстой на словахъ объявилъ, что положительно убѣжденъ въ личномъ участіи самого генералъ-интенданта, ссылаясь при этомъ на показанія полк. Северикова. Поэтому, если бы ваше сіятельство пожелали разъяснить это важное сомнѣніе, то по моему мнѣнію всего было бы удобнѣе самого Северикова подъ какимъ-либо предлогомъ вытребовать въ Тифлисъ.

Видѣлся я съ бар. Торнау, который выразилъ мнѣ свое сожалѣніе, что мысль вашего сіятельства о желѣзной дорогѣ отклоняетъ исполненіе многихъ намѣреній компаніи въ пользу Закавказскаго края. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство никакъ не согласится ни на объявленіе всего Закавказья porto-franco, ни на гарантію 5%; а потому предложенныя Кокоревымъ условія можно считать несбыточными. Считаю обязанностью предупредить объ этомъ ваше сіятельство для соображенія вашего.

10.

2 Ноября.

Спѣшу обрадовать ваше сіятельство извѣстіемъ, что 13 и 18 пѣхотныя дивизіи остаются на Кавказѣ еще на 1859 годъ, о чемъ вѣроятно пишетъ вамъ и самъ Государь Императоръ съ симъ же фельдъегеремъ, отъѣздъ котораго еще отложенъ до завтрашняго дня.

Вчера военный министръ пригласилъ меня къ себѣ и въ присутствіи князя Васильчикова началъ высказывать нѣкоторыя замѣчанія относительно проекта предстоящихъ въ будущемъ году военныхъ дѣйствій; въ особенности же съ упрекомъ доказывалъ, что все предположеніе такъ составлено, какъ будто 13 и 18 дивизіи остаются совсѣмъ на Кавказѣ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что на другой день (т.-е. сегодня) будетъ по этому предмету докладывать Государю Императору и что Его Величеству угодно, чтобы я при этомъ присутствовалъ. Согласно такому повелѣнію я отправился вчера въ Царское Село и сегодня имѣлъ счастіе прочесть Государю все предположеніе на будущій 1858 годъ. По мѣрѣ чтенія, военный министръ докладывалъ о своихъ замѣчаніяхъ, а я объяснялъ сущность дѣла, и Государь изволилъ во всемъ соглашаться съ предположеніями вашего сіятельства, часто повторяя, что находитъ все совершенно основательнымъ. Въ заключеніе Его Величество изволилъ объявить, что видитъ теперь всѣ выгоды пребыванія на Кавказѣ 13 и 18 пѣх. дивизій и разрѣшаетъ оставить ихъ для довершенія начатыхъ предпріятій. Военный министръ спросилъ, на какой срокъ? Тогда Государь изволилъ назначить до осени 1859 года, съ тѣмъ, чтобы не требовать уже укомплектованія сихъ дивизій, а, по мѣрѣ убыли въ нихъ людей, переформировывать полки въ 3 и 2 баталіонный составъ. Низко поклонившись Монарху, я доложилъ, что ваше сіятельство съ радостью узнаете о новой милости Его Величества. Впослѣдствіи военный министръ опять распрашивалъ меня, какъ будемъ мы продолжать предположенныя дѣйствія въ Закубанскомъ краѣ послѣ осени 1859 года, когда уйдутъ полки 13-й дивизіи. Отвѣчая на это, я предложилъ новую мысль: командировать ежегодно изъ Крыма въ помощь нашему Крымскому полку поочередно части ближайшихъ корпусовъ, подобно тому, какъ уже предположено относительно стрѣлковыхъ баталіоновъ, имѣя въ виду, что командировки эти будутъ служить прекрасною школою для арміи. Военный министръ нашелъ эту мысль удачною и обѣщалъ подумать.

Сегодня же при мнѣ военный министръ докладывалъ Государю о предполагаемыхъ артиллерійскихъ постройкахъ за р. Вѣрою, о чемъ требовались мои объясненія. Рѣшено ожидать отъ вашего сіятельства полнаго проекта и смѣты съ тѣмъ, чтобы тогда опредѣлить, на сколько лѣтъ придется разсрочить этотъ расходъ, смотря по размѣру тѣхъ суммъ, которыя возможно будетъ ежегодно ассигновать на этотъ предметъ. При этомъ я упомянулъ, что есть еще мысль о построеніи артилерійскихъ зданій не въ Тифлисѣ, а въ Мцхетѣ или даже выше по Арагвѣ, на что Государь Императоръ изволилъ выразиться, что мысль эта не дурна и заслуживаетъ соображенія.

Въ продолженіе доклада говорено было еще о многихъ частныхъ предметахъ, которые трудно было бы перечислить. Между прочимъ была опять рѣчь о переселеніи въ значительномъ размѣрѣ Донскихъ казаковъ на Кавказъ, а Кавказскихъ горцевъ на Донъ; вопросъ этотъ подви-

гается къ рѣшенію довольно успѣшно. Вообще Государь изволилъ давать рѣшенія самыя милостивыя и между прочимъ сказалъ военному министру, что надобно стараться не задерживать меня долго въ Петербургѣ.

Когда я собирался уже выдти изъ кабинета Государя, вошелъ фельдъегерь, который привезъ ваше письмо къ Его Величеству и печальное донесеніе о Кутаисскомъ происшествіи. Государь изволилъ при военномъ министрѣ и при мнѣ прочитать вслухъ почти все письмо, изъявлялъ удовольствіе по предмету удачныхъ дѣйствій въ Салатавіи, желаніе свое, чтобы осуществилось предположеніе о желѣзной дорогѣ въ Закавказьѣ, а когда рѣчь дошла до предполагаемаго вами назначенія барона Врангеля, то Государь изволилъ выразиться, что, при всемъ желаніи своемъ удержать здѣсь этого генерала, не можетъ отказать на ваше представленіе*).

Вообще я весьма доволенъ результатами своей поѣздки въ Царское Село. Тамъ и на желѣзной дорогѣ я имѣлъ случай многое разъяснить военному министру и замѣтилъ, что изъ сдѣланныхъ ему докладовъ о нашихъ проектахъ штатовъ онъ составилъ себѣ понятіе весьма неточное. По возвращеніи въ Петербургъ я заѣхалъ къ бар. Врангелю, который видимо доволенъ предложеніемъ вашимъ и хотя говоритъ, что предоставляетъ свою судьбу вполнѣ Высочайшему усмотрѣнію, однакоже на мои настоятельные вопросы отвѣчалъ, что не откажется отъ предлагаемаго мѣста. Онъ будетъ самъ отвѣчать вашему сіятельству. Завтра, по случаю воскреснаго дня, онъ будетъ въ Царскомъ Селѣ, и вѣроятно Государь заговоритъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Сегодня же я познакомился въ ген. Кауфманомъ, только что возвратившимся изъ путешествія, и просилъ его не задерживать нашихъ проектовъ по инженерной части.

Возвратившись домой, я нашелъ множество привезенныхъ изъ Тифлиса фельдъегеремъ писемъ и бумагъ. Приношу искреннѣйшую благодарность за письмо вашего сіятельства. Почти всѣ упоминаемыя въ немъ порученія уже исполнены, какъ вы изволили видѣть изъ прежнихъ моихъ писемъ. Что касается до желѣзной дороги, то мнѣ показалось изъ письма вашего, что есть недоразумѣніе въ соображеніяхъ относительно условій г-на Кокорева. Ваше сіятельство упоминаете исключительно о требованіи его объявить весь Закавказскій край porto-franco, но оставляете безъ вниманія другое болѣе важное требованіе—гарантію въ 5%. Условіе это не высказано прямо, но подразумѣвается въ пунктѣ 2-мъ и совершенно измѣняетъ размѣръ пожертвованія, требуемаго отъ казны.

По предмету доставленнаго вамъ проекта о восточныхъ дѣлахъ я узналъ, что проектъ сей составленъ полковникомъ Игнатьевымъ, котораго и предполагается отправить начальникомъ экспедиціи по Аму-Дарьѣ. Ханыковъ же ѣдетъ на дняхъ въ Тифлисъ и поведетъ экспедицію отъ Астраба-

---

*) Считаю себя обязаннымъ довести до вашего свѣдѣнія, что Государь при чтеніи вашего письма изволилъ замѣтить, что ваше сіятельство пишете слишкомъ свѣтлыми чернилами.

да. Планъ этотъ выработался подъ главнымъ руководствомъ Великаго Князя Константина Николаевича; но все это узналъ я стороной, оффиціально же со мною не говорятъ объ этихъ дѣлахъ, а я разумѣется считаю неприличнымъ заводить рѣчь. Быть можетъ услышу что нибудь отъ князя Горчакова и Ковалевскаго, съ которыми я не видѣлся еще.

Дѣла Сванетскія все болѣе усложняются. Кажется, придется въ будущемъ году опять предпринять туда экспедицію, болѣе серьезную. Строить же тамъ укрѣпленіе и оставлять постоянный гарнизонъ, по моему мнѣнію, едва ли возможно, прежде чѣмъ страна изслѣдована болѣе точнымъ образомъ. Относительно князя Александра Дадешкильяна Государь изволилъ при мнѣ приказать военному министру усилить надзоръ.

По нѣкоторымъ предметамъ, сообщеннымъ мнѣ ген. Карлгофомъ, я не успѣю отвѣчать сегодня, а напишу съ будущимъ курьеромъ. Весьма сожалѣю, что отправленіе фельдъегеря было столько разъ отлагаемо и боюсь, что ваше сіятельство можете быть недовольны, не получая такъ долго моихъ донесеній.

11.

4 Ноября.

Вчерашнее письмо мое не поспѣло къ отъѣзду фельдъегеря, который былъ отправленъ прямо изъ Царскаго Села, а потому я вручаю это письмо штабсъ-капитану генеральнаго штаба Ризенкампфу, назначенному на службу на Кавказъ и отправляемому по моей просьбѣ курьеромъ. Сожалѣю, что сообщаемыя мною извѣстія дойдутъ до вашего сіятельства слишкомъ поздно и предупреждены будутъ письмомъ самого Государя Императора. Въ дополненіе же къ сказанному мною о бар. Врангелѣ, имѣю честь препроводить при семъ собственное его письмо къ вашему сіятельству.

Вчера я наконецъ видѣлся съ княземъ Горчаковымъ, котораго нашелъ въ какомъ-то раздражительномъ расположеніи духа. Онъ говорилъ съ большою горячностью, что распоряженія относительно блокады Кавказскаго берега могутъ поссорить насъ съ Европою, что онъ никакъ не согласится, чтобы теперь сдѣлано было какое-либо новое измѣненіе въ объявленномъ недавно дозволеніи иностраннымъ судамъ производить каботажное плаваніе и приставать къ тремъ пунктамъ берега, что упраздненіе Анапы произведетъ непріятное впечатлѣніе въ Европѣ, что еслибы и необходимо было намѣреніе это привести въ исполненіе, то надобно непремѣнно въ замѣнъ Анапы назначить какой-нибудь другой пунктъ на томъ же берегу. Всѣ доводы мои о нашихъ правахъ государства независимаго, о военныхъ соображеніяхъ, о напрасныхъ опасеніяхъ и проч. только болѣе еще раздражали министра. Впрочемъ онъ былъ учтивъ; о дѣлахъ же собственно Азіятскихъ не говорилъ со мною ни слова.

Послѣ того я видѣлся съ Н. В. Ханыковымъ, который далъ мнѣ нѣкоторыя объясненія по предмету экспедиціи на Востокѣ. Оказывается, что первоначальное предположеніе было подано Государю Императору въ Варшавѣ полковникомъ Игнатьевымъ, что Его Величество изволилъ поручить

это дѣло Великому Князю Константину Николаевичу, что тогда призванъ былъ Ханыковъ, отъ котораго потребовали также записку и предложили ему принять на себя экспедицію въ Хорасанъ. Проекту этому данъ видъ чисто-ученый, почему онъ и разсматривался въ Географическомъ Обществѣ. Впрочемъ окончательныя инструкціи Ханыковъ долженъ получить отъ вашего сіятельства, и для того онъ ѣдетъ на дняхъ въ Тифлисъ.

Сегодня я имѣлъ объясненія съ ген.-ад. Чевкинымъ по всѣмъ касающимся до него дѣламъ. Этотъ человѣкъ во всемъ старается отыскать какую-нибудь невыгодную сторону, чтобы затруднить ходъ дѣла. Однакоже послѣ длиннаго разговора, прощаясь, онъ увѣрялъ, что самъ вполнѣ убѣжденъ въ важности устройства Военно-Грузинской дороги и Каспійскаго пароходства и что будетъ помогать успѣху этихъ дѣлъ сколько отъ него зависитъ, но считаетъ именно теперешнее время самымъ невыгоднымъ, чтобы пускать въ ходъ подобные проекты, а потому и совѣтуетъ не торопиться. Дѣло о новомъ штатѣ путей сообщенія на Кавказѣ, не смотря на сдѣланныя мнѣ письменно возраженія, кажется, уладится: ген. Чевкинъ сказалъ, что въ основаніяхъ проекта онъ совершенно согласенъ и даже желалъ бы примѣнить туже систему ко всей Россіи. О Каспійскомъ же пароходствѣ мнѣ предстоятъ на дняхъ еще совѣщанія съ Новосельскимъ, Головнинымъ, Метлинымъ и другими лицами.

Ген. Герштенцвейгъ, который до сихъ поръ показывалъ особенное расположеніе поддерживать меня въ дѣлѣ о новыхъ штатахъ, начинаетъ также возставать противъ нашего главнаго штаба, подъ тѣмъ предлогомъ, что вскорѣ предполагается сдѣлать болѣе радикальныя перемѣны въ главномъ штабѣ 1-й арміи. Мнѣ кажется, что онъ мститъ за то, что намъ удалось, вопреки его желанію, удержать на Кавказѣ 13 и 18 дивизіи. Когда я съ радостію сообщилъ ему о полученномъ мною отъ самого Государя Императора соизволеніи, ген. Герштенцвейгъ вскрикнулъ отъ досады и не стараясь скрыть своего неудовольствія. Впрочемъ по наружности и теперь отношенія наши съ нимъ очень хороши, совершенно пріятельскія.

12.

5-е Ноября.

Сейчасъ вышелъ отъ меня В. П. Бутковъ, который по прежнему преданъ вполнѣ пользамъ Кавказскаго края и работаетъ усердно для успѣшнаго хода представленій вашего сіятельства. Еслибы наши военные проекты шли чрезъ Кавказскій Комитетъ, то навѣрное все было бы уже рѣшено. Вѣроятно вамъ уже сообщено о вновь послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, данномъ по поводу жалобы вашей на Министерство Народнаго Просвѣщенія на счетъ 15 т. рублей, которые хотѣли урѣзать у Кавказскаго округа. Подтверждено настоятельно, чтобы министры не дѣлали никакихъ распоряженій по дѣламъ Кавказскимъ, ни отъ себя, ни чрезъ Государственный Совѣтъ, а все вносили въ Кавказскій Комитетъ.

Сегодня же я имѣлъ продолжительное свиданіе съ Новосельскимъ. Онъ не охлаждается въ своихъ предпріятіяхъ относительно Кавказа и ведетъ ихъ, какъ кажется, дѣятельно.

Я былъ крайне удивленъ, узнавъ, что бар. Врангель перемѣнилъ свое намѣреніе и отказался отъ предложеннаго ему мѣста въ Кутаисѣ. Сегодня уже явился ко мнѣ претендентъ на это мѣсто, ген.-ад. Фроловъ, который сказалъ, будтобы мысль эту далъ ему военный министръ; я отвѣчалъ однакоже, что ваше сіятельство имѣли уже въ виду другаго кандидата на случай, если бы назначеніе бар. Врангеля не состоялось, и такимъ образомъ отклонилъ этого протендента. Надѣюсь, что этотъ поступокъ будетъ одобренъ вами.

13.

7-го Ноября.

Вчера отправилъ я съ штабсъ-капитаномъ Ризенкампфомъ два мои письма (№ 3 и 4) и третье отъ ген.-ад. барона Врангеля. Изъ этихъ писемъ вашему сіятельству уже извѣстно, что сей послѣдній не принялъ предложеннаго ему мѣста. Вечеромъ вчерашняго же дня пріѣхалъ ко мнѣ полк. графъ Эльстонъ *) со страннымъ порученіемъ военнаго министра, чтобы я представилъ вамъ для выбора на мѣсто Кутаисскаго генералъ-губернатора нѣсколькихъ кандидатовъ. Я объявилъ Эльстону, что ваше сіятельство имѣете списки генераловъ, хорошо знаете и сами придумаете, на комъ остановить вашъ выборъ. Пользуясь случаемъ, я высказалъ Эльстону много горькой правды о Военномъ Министерствѣ и образѣ дѣйствій его относительно Кавказа. Не сомнѣваюсь, что моя филиппика будетъ передана выше, а въ этомъ и состояла моя цѣль. Съ удивленіемъ я услышалъ отъ Эльстона, что онъ ничего болѣе не желалъ бы какъ служить на Кавказѣ и командовать тамъ полкомъ. Кажется, онъ не совсѣмъ доволенъ настоящимъ своимъ служебнымъ положеніемъ.

Вчера же посѣтилъ меня живописецъ Айвазовскій, съ которымъ я былъ знакомъ прежде, а сегодня онъ привезъ съ собою и брата своего новаго епископа Бессарабскаго. Послѣдній увѣряетъ, что не желаетъ быть избраннымъ въ католикосы, что откажется, еслибы и былъ избранъ, потому будтобы, что избраніе это отвлекло бы его отъ настоящаго предпринятаго имъ важнаго дѣла духовнаго и учебнаго заведенія въ Ѳеодосіи, а между тѣмъ на мѣстѣ патріарха, при теперешней обстановкѣ, ничего полезнаго сдѣлать нельзя. Не могу разгадать, искренни ли эти увѣренія, или надобно видѣть въ нихъ какую-нибудь тонкую стратагему. Въ разговорѣ, какъ бы вскользь, оба брата Айвазовскіе упомянули о неудовольствіи возбужденномъ въ Армянскомъ мірѣ Саркисомъ; о томъ, что назначеніе его патріархомъ было бы весьма вредно для нашихъ цѣлей и что теперь, по мнѣнію епископа, всего было бы выгоднѣе, если бы въ это званіе попалъ человѣкъ ничтожный и бездѣйственный. Въ заключеніе онъ просилъ меня от-

*) Вице-директоръ канцеляріи военнаго министра.

везти письмо его къ вашему сіятельству и подтвердить на словахъ о намѣреніи его отклонить отъ себя честь избранія въ патріархи. Разумѣется я показывалъ видъ во все время разговора, что не знакомъ вовсе съ дѣлами Армянской церкви, что они вовсе до меня не касаются и что передамъ только вашему сіятельству все слышанное мною.

А. В. Головнинъ отъ имени Великаго Князя Константина Николаевича просилъ меня (письменно), чтобы я представилъ мнѣніе мое о маршрутѣ для предполагаемаго въ будущемъ году путешествія Его Высочества въ Каспійское море и въ Закавказскій край. Точно такое же порученіе дано Н. В. Ханыкову и, можетъ быть, еще кому-нибудь. Я намѣренъ уклониться отъ исполненія этого порученія и сказать, что требуемый проектъ маршрута будетъ доставленъ отъ вашего сіятельства.

14.

8-го Ноября.

Сегодня, на парадѣ л.-гв. Московскаго и Литовскаго полковъ, я имѣлъ случай видѣться и переговорить со многими лицами. Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ оба подошли ко мнѣ и сами объявили, что разсматривали внимательно проекты новыхъ штатовъ по части артилерійской и инженерной, что остались очень довольны, найдя все прекраснымъ и дали уже одобрительные отзывы военному министру. За то послѣдній почти въ моихъ глазахъ горячо укорялъ ген.-ад. Баранцева въ томъ, что отъ имени генералъ-фельдцехмейстера данъ былъ такъ поспѣшно отвѣтъ и что всѣ предположенія одобрены. За тѣмъ ген.-ад. Сухозанетъ подошелъ ко мнѣ и началъ объяснять, что нѣтъ возможности утвердить весь проектъ штатовъ, при чемъ ясно было одно, что онъ самъ не читалъ проекта, не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія, и говоритъ чужими словами. Я замѣтилъ, что всѣ трое Великіе Князья говорили что-то военному министру о нашемъ проектѣ, а тотъ съ жаромъ оспаривалъ. Я настоятельно просилъ военнаго министра, чтобы онъ далъ мнѣ случай въ его присутствіи выслушать всѣ возраженія на проектъ и дать изустныя объясненія; но гласность не входитъ въ разсчеты здѣшнихъ дѣятелей: они предпочитаютъ разстроивать дѣла въ тихомолку, зная, что могутъ говорить все, что̀ вздумаютъ и что все будетъ принято отъ нихъ какъ непреложное. Они даютъ дѣлу совершенно превратныя толкованія. Военный министръ самъ не имѣетъ времени вникнуть въ дѣло, а мнѣ не хочетъ вѣрить. Возвратившись домой подъ вліяніемъ самыхъ мрачныхъ впечатлѣній, я обдумываю планъ дальнѣйшихъ дѣйствій моихъ, но не могу найти средства, чтобы одолѣть безсмысленное противодѣйствіе министерства. Не могу даже отгадать причины, побуждающія къ этому противодѣйствію; ибо нѣкоторыя капитальныя статьи проекта, противъ которыхъ я ожидалъ наиболѣе возраженій, приняты уже и даже съ прибавками. Кажется, надѣются уступками на одномъ взять верхъ на другомъ.

Имѣлъ я также разговоръ съ Никол. Ник. Анненковымъ, который, не давая мнѣ выговорить слова, излилъ токъ краснорѣчія своего, чтобы доказать, что установленныя правила контроля необходимо соблюдать въ точности, что онъ самъ лично желаетъ отъ всей души устранить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ; что впрочемъ слѣдовало бы на Кавказѣ учредить независимый контроль, какъ въ Царствѣ Польскомъ и пр. пр. Онъ взялъ съ меня обѣщаніе, что я пріѣду къ нему на дняхъ вечеромъ еще поговорить.

Вечеръ провелъ я у ген.-ад. Ростовцова, который очень оскорбленъ докладомъ, составленнымъ въ Инспекторскомъ Департаментѣ вслѣдствіе представленія вашего сіятельства по поводу бѣгства въ горы Паркея. Еще прежде, по сношенію съ В. П. Бутковымъ, былъ уже приготовленъ ген. Ростовцовымъ проектъ объ уменьшеніи числа воспитанниковъ изъ горцевъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; предполагалось оставить для нихъ всего 30 вакансій, а всѣ деньги, которыя отпускались на остальныхъ, обратить въ ваше распоряженіе, также на воспитаніе горцевъ на мѣстѣ ихъ родины. Теперь же, говорилъ онъ, получивъ докладъ Инспекторскаго Департамента о совершенной отмѣнѣ присылки горцевъ въ кадетскіе корпуса, онъ уже не намѣренъ пускать въ ходъ прежній свой проектъ и не станетъ хлопотать относительно суммъ. Надобно замѣтить, что въ докладѣ Инспекторскаго Депортамента довольно рѣзко выставлены невыгоды и недостатки воспитанія горцевъ въ корпусахъ; что докладъ этотъ уже былъ предварительно доложенъ Государю и отчасти уже одобренъ Его Величествомъ. Вообще замѣтно, что ген. Ростовцовъ въ дурномъ расположеніи духа и держитъ себя въ тѣни.

О несчастномъ происшествіи въ Кутаисѣ здѣсь говорятъ много, но перепутывая и искажая имена и весьма смутно понимая обстоятельства. Меня засыпаютъ вопросами и мнѣніями о Кавказѣ, болѣе или менѣе нелѣпыми и невѣжественными. Ваше сіятельство сами можете вполнѣ составить себѣ понятіе о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя я выношу ежедневно. Ежели пробуду здѣсь еще нѣсколько недѣль, то чувствую самъ, что у меня разольется желчь.

15.

13 Ноября.

Не имѣя въ виду скораго отправленія фельдъегеря, я опасаюсь слишкомъ долго оставлять ваше сіятельство безъ извѣстій о моихъ здѣсь дѣйствіяхъ, а съ другой стороны не рѣшаюсь и отправить подробный мой отчетъ по почтѣ. Поэтому я на сей разъ ограничусь только нѣсколькими словами, отлагая отправленіе моего подённаго донесенія до перваго фельдъегеря.

Вообще долженъ сказать вашему сіятельству, что дѣла мои сильно затянулись. Проектъ штатовъ встрѣчаетъ въ министерствѣ большое противодѣйствіе, которое до того раздражаетъ меня, что я отчасти по этой причинѣ слегъ эти дни въ постель и не знаю, что́ теперь дѣлается. Убѣ-

дительнѣйше прошу ваше сіятельство не говорить никому о моей болѣзни, потому что она можетъ встревожить жену; я посылаю ей съ этою же почтою длинное письмо нарочно для того, чтобы она не имѣла никакихъ опасеній за меня.

Поздравляю ваше сіятельство съ назначеніемъ князя Орбельяна генералъ-адъютантомъ. Государь самъ изволилъ мнѣ объявить объ этой милости на балѣ. Вообще Его Величество при каждомъ случаѣ изволитъ показывать высокое свое расположеніе къ вамъ и ввѣренному вамъ краю. Говоря о кандидатахъ на мѣсто генералъ-губернатора въ Кутаисѣ, Его Величество изволилъ назвать барона Врангеля того, который былъ на береговой линіи, а потомъ директоромъ корпуса и, наконецъ, теперь гдѣ-то губернаторомъ.

16.

16 Ноября, Суббота.

Вотъ ровно недѣля, что я не могъ написать ни строки въ моемъ поденномъ отчетѣ вашему сіятельству. Здоровье мое не выдержало всѣхъ испытаній физическихъ и нравственныхъ. Простудившись еще въ прошлую Субботу, я однакоже рѣшился въ Воскресенье отправиться въ Царское Село, разсчитывая тамъ воспользоваться случаемъ говорить съ Государемъ о положеніи нашихъ дѣлъ. На балѣ дѣйствительно Его Величество изволилъ подходить ко мнѣ, милостиво объявилъ о назначеніи князя Орбельяна генералъ-адъютантомъ, заговорилъ объ отказѣ ген.-ад. бар. Врангеля занять мѣсто въ Кутаисѣ и при этомъ упомянулъ о другомъ бар. Врангелѣ—губернаторѣ, нѣкогда бывшемъ на береговой линіи, а потомъ директоромъ Кадетскаго корпуса *). Къ крайнему сожалѣнію, мнѣ не удалось разговориться долѣе съ Государемъ: я почувствовалъ себя уже такъ худо, что долженъ былъ уйти съ бала, едва доѣхалъ до города и слегъ въ постель. Теперь начинаю поправляться, но цѣлая недѣля совершенно потеряна, и досадно подумать, что я самъ теперь причиняю замедленіе въ ходѣ дѣла. Между тѣмъ оно какъ будто начинаетъ двигаться. Военный министръ, не знаю съ какого повода, рѣшился, наконецъ, образовать особый комитетъ для разсмотрѣнія нашихъ штатовъ. Въ комитетѣ этомъ засѣдаютъ ген.-ад. бар. Ливенъ, кн. Васильчиковъ, Баранцовъ, Лутковскій, ген.-лейт. Вольфъ, ген.-м. Герштенцвейгъ, Кауфманъ, Непокойчицкій, и положено пригласить меня. Но первое засѣданіе происходило безъ меня по случаю моей болѣзни. Я слышалъ стороною, что замѣчанія комитета клонятся большею частію къ тому, что надобно возвратить проектъ для пополненія, потому будто, что отношенія и кругъ дѣйствія разныхъ лицъ не довольно подробно опредѣлены. Не теряю надежды, что при второмъ засѣданіи комитета я заставлю его дать дѣлу другое направленіе; но всего хуже то, что самый комитетъ

---

*) Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ генералъ человѣкъ больной и отказывается отъ всякаго мѣста, требующаго дѣятельности. Нынѣ онъ попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ.

этотъ, какъ не имѣющій никакого значенія оффиціальнаго или законнаго, не поведетъ еще ни къ какому результату: пока онъ разсуждаетъ, проектъ между тѣмъ разсматриваютъ своимъ чередомъ въ департаментахъ, гдѣ разумѣется встрѣчается въ низшихъ этажахъ бюрократіи еще болѣе опозиціи или, лучше сказать, инерціи. Во всякомъ случаѣ дѣло такъ затягивается, что я теряю надежду видѣть здѣсь конецъ его. Съ военнымъ министромъ почти не вижусь, потому что онъ живетъ, можно сказать, на желѣзной дорогѣ, и нигдѣ захватить его невозможно.

Во время болѣзни меня посѣщали многія лица: одни по участію, другія по надобностямъ. Въ числѣ послѣднихъ были адм. Серебряковъ и ген.-а. Семякинъ; оба были по два раза и, какъ я не могъ ихъ принять, то поручалъ лейт. Обезъянинову съѣздить къ адм. Серебрякову и узнать, чего онъ желаетъ. Оказалось, что онъ предлагаетъ себя въ кандидаты на мѣсто въ Кутаисѣ. Вѣроятно и ген. Семякинъ пріѣзжалъ съ тѣмъ же. Считаю долгомъ только довести объ этомъ до свѣдѣнія вашего сіятельства. Военный министръ присылалъ спросить у меня, не имѣю ли я вашего проекта о христіанскомъ братствѣ, о чемъ изволилъ спрашивать уже Государь. Я поспѣшилъ отправить къ военному министру присланную вами записку, сожалѣя однакоже, что болѣзнь не позволяетъ мнѣ лично пустить въ ходъ это интересное дѣло. Также препроводилъ я къ военному министру присланную мнѣ ген.-м. Карлгофомъ копію съ письма полк. Услара о происшествіи въ Кутаисѣ; полагаю, что Государю Императору будетъ интересно узнать подробности этого трагическаго событія. При этомъ же случаѣ я исполнилъ письменно порученіе вашего сіятельства относительно князя Александра Дадешкильяна и сына князя Константина.

Дѣло объ учрежденіи пароходнаго общества между Редутомъ и Требизондомъ встрѣтило было неожиданное затрудненіе по ошибкѣ, сдѣланной въ разсчетѣ помильной платы, которая положена только въ одинъ конецъ, а за обратный рейсъ не высчитана. Я поспѣшилъ удостовѣрить министра финансовъ (чрезъ Морское Министерство), что въ представленіи вашемъ означенный разсчетъ сдѣланъ просто по недоразумѣнію и что ваше сіятельство никакъ не будете противиться исправленію вкравшейся ошибки. Прилагаю при семъ въ копіи отношеніе, писанное по этому предмету Великимъ Княземъ къ тайн. с. Броку. Надѣюсь, что дѣло пойдетъ успѣшно *). Проектъ о Каспійскомъ пароходствѣ также идетъ своимъ путемъ: Новосельскому дѣлаютъ разные вопросы, но никто не противодѣйствуетъ. Что́ же касается до Кокоревской компаніи, то вѣроятно ваше сіятельство уже получили письмо барона Торнау, извѣщающее объ окончательномъ устройствѣ правленія этого товарищества. Торнау говорилъ мнѣ, что онъ писалъ къ вамъ также о желѣзной дорогѣ. Кокоревъ теперь въ Москвѣ и написалъ мнѣ, что желалъ бы видѣться со мною тамъ на обратномъ моемъ пути. Богъ знаетъ, когда это будетъ.

---

*) Есть уже увѣдомленіе отъ министра финансовъ, что ошибка будетъ исправлена.

Сегодня прислали мнѣ прочесть журналъ перваго періода зимнихъ дѣйствій ген.-л. Евдокимова. Государь изволилъ написать собственноручную резолюцію: „Хорошее начало. Дай Богъ, чтобы и все далѣе шло хорошо“.

17.

17 Ноября, Воскресенье.

Баронъ Ливенъ пріѣзжалъ сказать мнѣ, что, по докладу письма моего къ военному министру, Государь изволилъ повелѣть немедленно отправить фельдъегеря за княземъ Александромъ Дадешкильяномъ, котораго отвезти въ Иркутскъ въ Забайкальское войско, а сына убійцы отправить въ Омскъ въ кадетскій корпусъ. Я просилъ барона Ливена, чтобы по этому случаю посланъ былъ фельдъегерь къ вашему сіятельству. Я забылъ сказать, что въ письмѣ къ военному министру, я упомянулъ, что ваше сіятельство были вообще довольны дѣйствіями полк. Услара по Сванетскимъ дѣламъ и желали сдѣлать что нибудь для этого достойнаго штабъ-офицера. Рекомендація эта, какъ кажется, принята весьма милостиво, и вы изволите получить по этому предмету особое сообщеніе отъ военнаго министра. Наконецъ, Государь изволилъ признать полезнымъ напечатать въ газетахъ статью о Сванетскихъ дѣлахъ. Составленіе этой статьи хотятъ поручить ген.-м. Невѣровскому, а потому я и передалъ барону Ливену имѣвшіеся у меня матеріалы.

Сегодня же былъ у меня директоръ Азіятскаго департамента ген.-м. Ковалевскій. Много говорили и спорили о дѣлахъ восточнаго берега Чернаго моря. Взглядъ дипломатовъ на этотъ вопросъ совершенно отличается отъ нашего.

18.

18 Ноября, Понедѣльникъ.

Сейчасъ вышелъ отъ меня графъ Толстой, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, пріѣзжавшій ко мнѣ по приказанію самого Государя Императора переговорить по предмету предположенія вашего сіятельства о христіанскомъ братствѣ. Графъ Толстой не видѣлъ еще записки вашей, а потому я долженъ былъ словесно объяснить ему все дѣло. Кажется, онъ сочувствуетъ цѣли, но сомнѣвается, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ можно было надѣяться на сборъ значительныхъ суммъ. Нынѣ образуется подобное же общество для вспомоществованія православнымъ христіанамъ на Востокѣ, но дѣло это ведется негласно; ваше же предположеніе, какъ я стараюсь объяснить, требуетъ, напротивъ того, самой большой гласности. Впрочемъ, лишь только выздоровлю, постараюсь имѣть счастіе прямо говорить объ этомъ дѣлѣ съ Ея Величествомъ Государынею Императрицею.

19.

20 Ноября, Среда.

Вчера утромъ прибылъ Шереметевъ и привезъ мнѣ письмо вашего сіятельства отъ 9 числа. Между множествомъ полученныхъ мною конвертовъ было письмо ген.-м. князя Васильчикова, которое имѣю честь при

семъ приложить въ дополненіе къ представленному уже письму князя Гр. Дм. Орбельяна по тому же предмету.

Сегодня я видѣлся съ В. П. Бутковымъ, который торопитъ, сколько можетъ, ходъ Кавказскихъ дѣлъ, но также жалуется на инерцію Военнаго Министерства. У него же теперь въ рукахъ и та часть проекта штатовъ, которая относится къ управленію мирными горцами; онъ доказываетъ, что расходъ на это управленіе слѣдуетъ отнести на гражданскую смѣту Кавказскаго края, а не на военную, какъ я предполагалъ. Быть можетъ, онъ и правъ въ томъ, что намъ выгоднѣе вообще какъ можно менѣе быть въ зависимости отъ суммъ, ассигнуемыхъ по Военному Министерству.

В. П. Бутковъ показалъ мнѣ важный рескриптъ Государя, на дняхъ подписанный на имя ген.-ад. Назимова по предмету освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Виленской, Ковенской и Витебской губерній. Составленіе проекта условій сего освобожденія возлагается на самихъ помѣщиковъ подъ руководствомъ генералъ-губернатора. Какъ ни слабо еще выражены въ этомъ актѣ виды правительства, тѣмъ не менѣе можно считать эту мѣру весьма важнымъ шагомъ къ исполненію задачи, о которой до сихъ поръ только судили и думали почти безъ вѣры въ успѣхъ. Кажется, теперь большинство поняло, что оставить это дѣло безъ движенія уже невозможно. Къ сожалѣнію, однакоже, есть и донынѣ нѣкоторые неблагонамѣренные люди, которые пугаютъ мнимыми опасностями, въ ихъ воображеніи развившимися, и чрезъ то причиняютъ нѣкоторое колебаніе и задержки въ благихъ начинаніяхъ.

Имѣлъ я длинный разговоръ съ ген.-ад. Лутковскимъ о нашихъ штатахъ по артилерійской части. Изъ словъ его не видно прямаго противодѣйствія; тѣмъ не менѣе дѣло это остается въ непостижимой для меня неподвижности, и я намѣренъ завтра имѣть рѣшительный разговоръ съ военнымъ министромъ.

20.

21 Ноября.

Сегодня ровно мѣсяцъ, что̀ я здѣсь живу, и до сихъ поръ дѣло о штатахъ какъ будто не трогалось съ мѣста; по крайней мѣрѣ ничего офиціальнаго я не знаю, а доходили до меня только отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что предложенное вашимъ сіятельствомъ преобразованіе управленій, особенно артилерійскаго, принято быть не можетъ. Военный министръ еще сегодня утромъ, назначивъ мнѣ часъ для доклада нѣкоторыхъ бумагъ, присланныхъ на мое заключеніе, горячо возставалъ противъ нашихъ проектовъ и, не смотря на всѣ мои опроверженія, повторялъ одну и туже фразу, что онъ на можетъ допустить распаденія министерства и отдѣленія Кавказа въ особое государство. Онъ такъ торопился при этомъ куда-то ѣхать, что я не могъ переспорить его и разъяснить ложныя понятія, которыя онъ составилъ себѣ о вашихъ проектахъ, не читавши ихъ. Изъ этихъ рѣчей министра я вывелъ самыя печальныя заключенія и потерялъ было надежду на успѣхъ всего дѣла. Однакоже онъ сказалъ въ заключеніе, что

окончательное мнѣніе его будетъ зависѣть отъ приговора комитета, о которомъ я писалъ уже прежде. Комитетъ этотъ имѣлъ сегодня вечеромъ второе засѣданіе свое, продолжавшееся за полночь. Я долженъ былъ разъяснять пунктъ за пунктомъ всѣ статьи проекта, по которымъ сдѣланы были замѣчанія и возраженія въ первомъ засѣданіи, происходившемъ въ мое отсутствіе. Мы спорили горячо, однакоже я не замѣтилъ вообще слишкомъ враждебнаго направленія. Пренія имѣли болѣе характеръ домашній и пріятельскій, потому что со всѣми почти членами комитета (кромѣ Непокойчицкаго) я былъ всегда и теперь нахожусь въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Многія замѣчанія комитета устранены моими объясненіями; по нѣкоторымъ же я долженъ былъ сдѣлать уступки и въ результатѣ считаю побѣду за мною. Я достигъ по крайней мѣрѣ того, что комитетъ уже и не говорилъ о невозможности утвердить предложенные штаты, о томъ, чтобы все преобразованіе отложить до другаго времени или чтобы потребовать отъ насъ полнаго изложенія, что также отдалило бы преобразованіе на годы. Комитетъ призналъ, что преобразованіе нужно по всѣмъ частямъ, не исключая и артилерійской; что оно возможно при тѣхъ уступкахъ, на которыя и я съ своей стороны счелъ возможнымъ согласиться и которыя не измѣняютъ сущности дѣла. Однимъ словомъ, комитетъ представитъ докладъ свой военному министру въ благопріятномъ видѣ, подробно указавъ тѣ перемѣны, которыя съ моего согласія должны быть сдѣланы въ проектѣ. Затѣмъ уже будетъ зависѣть отъ военнаго министра, согласиться или нѣтъ съ комитетомъ и представить на Высочайшее утвержденіе всѣ проекты штатовъ, или только тѣ, которые не пугаютъ его власти. Какъ бы то ни было, но сегодняшнее рѣшеніе комитета есть уже въ моихъ глазахъ большой шагъ въ этомъ дѣлѣ; тѣмъ не менѣе я не утѣшаю себя преждевременно напрасными надеждами, видя, что дѣло пойдетъ еще очень и очень долго и даже не знаю, возможно ли мнѣ будетъ дождаться здѣсь совершеннаго окончанія. Если докладъ комитета будетъ одобренъ военнымъ министромъ, то проекты наши по частямъ будутъ снова возвращены въ соотвѣтствующіе департаменты для передѣлки; а департаменты, разумѣется, не будутъ торопиться въ этой работѣ. Всего болѣе возбуждаетъ во мнѣ сомнѣніе, особенно при мнительности моего характера, упорная молчаливость князя Васильчикова, который былъ съ самаго начала противникомъ нашихъ проектовъ, а сегодня въ комитетѣ буквально не раскрылъ рта. Меня поддерживалъ сильнѣе всѣхъ ген.-л. Баранцовъ, что было очень важно для артилерійской части. Г.-л. Вольфъ по нѣкоторымъ статьямъ былъ самымъ опаснымъ мнѣ противникомъ, и скажу прямо, что главныя сдѣланныя мною уступки были вынуждены его авторитетомъ: онъ одинъ знаетъ дѣло и можетъ судить о немъ. Однакоже я долженъ отдать справедливость, что онъ же и поддержалъ меня въ важнѣйшихъ вопросахъ, которые имѣли самое существенное вліяніе на рѣшеніе дѣла и которые могли бы поколебать весь проектъ. En resumé, я менѣе досадую на Вольфа, чѣмъ благодаренъ ему. Замѣчанія Герштенцвейга были большею частью мелоч-

ныя и неважныя. Б. Ливенъ, какъ и всегда, соглашался со всѣми поочередно, но вообще старался помогать мнѣ. Непокойчицкій нѣсколько разъ ввязывался въ пренія, но чаще не впопадъ. Лутковскій и Веригинъ болѣе молчали. Таково вообще впечатлѣніе, вынесенное мною изъ 4-хъ часоваго засѣданія. Пишу эти строки ночью, еще подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, нѣсколько утомленный и при томъ не совсѣмъ еще оправившись отъ болѣзни. Поэтому надѣюсь на снисхожденіе вашего сіятельства, если вы изволите найти мой отчетъ нѣсколько безпорядочнымъ и худо написаннымъ.

21.

22 Ноября, Пятница.

Перечитывая мое письмо, я нахожу, что забылъ упомянуть о нѣкоторыхъ предметахъ вчерашняго моего разговора съ военнымъ министромъ. Онъ объявилъ мнѣ, что предположеніе вашего сіятельства о христіанскомъ братствѣ Высочайше повелѣно передать въ Кавказскій Комитетъ. Потомъ я самъ видѣлъ собственноручную резолюцію Государя на вашей запискѣ. Сколько могу припомнить, сущность ея заключается въ слѣдующемъ: „Предметъ весьма важный; по мнѣ кажется, что исполненіе въ предполагаемомъ видѣ было бы несогласно съ духомъ нашихъ общихъ учрежденій. Внести въ Кавказскій Комитетъ на обсужденіе“. Слѣдовательно и по этому дѣлу надобно обратиться теперь къ В. П. Буткову; я постараюсь объяснить ему, что предпріятіе, вами предлагаемое, нельзя вести негласно.

Военный министръ жалуется на нашу интендантскую смѣту, говоря, что редакція ея такъ запутана и не ясна, что пришлось требовать разъясненія изъ Тифлиса, а потому Кавказская смѣта и не поспѣетъ ко времени представленія общей смѣты министерства. Я сказалъ министру, что напрасно не спрашиваютъ меня, когда я нахожусь на лицо и что недоразумѣнія могутъ здѣсь происходить только отъ незнанія обстоятельствъ края; что если форма нашей смѣты кажется неудовлетворительною, то стоило бы только министерству доставить намъ свою форму. Сегодня былъ у меня Старицкій [1]), который возвратился изъ-за границы и спѣшитъ ѣхать въ Тифлисъ. Онъ весьма доволенъ своею поѣздкою и надѣется, что она можетъ имѣть хорошіе результаты для Кавказскаго края.

Также порадовало меня письмо ген.-лейт. Филипсона, полученное сегодня съ почтою. Онъ увѣдомляетъ меня, что пароходъ для Кубани заказанъ, что новыя изслѣдованія его убѣдили въ несомнѣнной выгодѣ пароходства по Кубани; при этомъ однакоже онъ излагаетъ свои соображенія о томъ, выгоднѣе ли передать все предпріятіе компаніи или оставить его, по крайней мѣрѣ на первое время, въ вѣдѣніи начальства Черноморскаго войска. Г. Филипсонъ склоняется на послѣднее предположеніе [2]).

---

[1]) Нынѣ членъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Все предпріятіе окончилось совершенной неудачей и напрасной тратой казенныхъ денегъ.

22.

22 Ноября, Вечеромъ.

Сейчасъ вышелъ отъ меня графъ Сиверсъ, директоръ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. Онъ уже нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ; самъ министръ Ланской не разъ приглашалъ меня къ себѣ, чтобы поговорить о дѣлахъ, но какъ-то случалось, что мнѣ ни разу не удалось быть у него. Между прочимъ на дняхъ былъ у Ланскаго большой обѣдъ для Армянъ и въ томъ числѣ для Айвазовскаго; я также не могъ быть и въ этотъ день по болѣзни. Наконецъ, сегодня гр. Сиверсъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло: онъ завѣряетъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ желаетъ дѣйствовать совершенно сходно съ вашими видами, что все желаніе министерства быть вамъ пріятнымъ и т. д.

Сегодня опять я имѣлъ разговоръ довольно длинный съ военнымъ министромъ, и нѣкоторые предметы, которыхъ мы касались, будутъ конечно любопытны для вашего сіятельства. Вопервыхъ, онъ началъ развивать мнѣ свои соображенія, что Военное Министерство въ два послѣдніе года сдѣлало для финансовъ Имперіи такое подкрѣпленіе, на какое трудно было даже надѣяться, что теперь министръ финансовъ не имѣетъ уже права жаловаться на Военное Министерство; а потому многіе расходы, которые по необходимости отлагались, но которые составляютъ существенную государственную потребность, могли бы быть нынѣ удовлетворены. Въ числѣ сихъ расходовъ военный министръ поставитъ на первомъ планѣ укрѣпленіе Керчи, Кронштадта и за тѣмъ устроеніе Каспійскихъ портовъ, и полагаетъ, что съ будущаго года Министерство Финансовъ должно удѣлить извѣстныя суммы на эти первостепенныя государственныя нужды. Ген.-ад. Сухозанетъ докладывалъ объ этомъ Государю; Его Величество предварительно одобрилъ соображеніе. За тѣмъ говорено было и Великому Князю Генералъ-Адмиралу; но, къ удивленію, Его Высочество отозвался весьма холодно о Каспійскихъ портахъ и нашелъ, что прежде всего надобно заняться укрѣпленіемъ Балтійскаго Порта. Я далъ военному министру всѣ объясненія, какія онъ желалъ имѣть о положеніи дѣла по устройству Петровска и Баку, присовокупивъ, что Новосельскій съ своей стороны будетъ также хлопотать, чтобы пустить въ ходъ эти дѣла и что онъ даже вызывается войти въ долю въ издержкахъ на эти сооруженія. Военный министръ поручилъ мнѣ доложить вашему сіятельству, что онъ охотно будетъ содѣйствовать и найдетъ суммы, если вы настоятельно будете представлять о необходимости означенныхъ работъ. Я подкрѣпилъ министра въ этихъ благихъ видахъ, сказавъ, что я уже намѣреваюсь, по вашему порученію, отправиться на дняхъ въ Строительный Департаментъ Морскаго Министерства, чтобы заняться означенными двумя дѣлами. Что же касается до равнодушія, съ которымъ говоритъ о нихъ Великій Князь, то я осмѣлюсь сообщить вамъ свою догадку, объясняющую это видимое равнодушіе. Великій Князь намѣревается лѣтомъ путешествовать и осматривать Каспій-

ское море: ему естественно будетъ пріятно самому на мѣстѣ рѣшить важнѣйшія дѣла, къ этому морю относящіяся; съ воспоминаніемъ его путешествія соединятся важнѣйшія предпріятія, какія предстоятъ въ этомъ краѣ. На эту мысль навела меня (кромѣ разговоровъ съ Головнинымъ) записка барона Торнау объ Астрабадской станціи, препровожденная ко мнѣ Его Высочествомъ для доклада на мѣстѣ. Изъ всего этого я заключаю, что успѣхъ дѣла будетъ вѣрнѣе достигнутъ, если отложить это до лѣта, т.-е. до пріѣзда Великаго Князя на наши берега, а между тѣмъ подготовлять данныя, проекты и поддерживать благія намѣренія военнаго министра.

Далѣе разговоръ естественно перешелъ на суммы, хранящіяся въ наличности въ нашемъ интендантствѣ. Уже прежде я заговаривалъ объ этомъ съ министромъ, который однакоже не обратилъ большаго вниманія на этотъ предметъ и взглянулъ на него только съ точки зрѣнія опасности храненія такихъ значительныхъ капиталовъ. Сегодня я воспользовался случаемъ и представилъ военному министру соображеніе, чтобы остающіеся безъ употребленія милионы, вмѣсто возвращенія въ массу средствъ государственаго казначейства, употребить, какъ свободный капиталъ, на тѣ полезныя предпріятія, преимущественно для Кавказскаго края, о которыхъ задумалъ самъ военный министръ. Предположеніе это понравилось ему, и онъ просилъ меня оставить ему записку, взятую со мною, о состояніи наличныхъ суммъ нашего интендантства. По этой запискѣ выведено, что можно дать назначеніе совершенно свободному капиталу въ 3 мил. рублей.

Другой весьма любопытный разговоръ былъ объ образцовыхъ войскахъ. Едва успѣлъ я высказать мысль вашего сіятельства, какъ министръ съ радостію подхватилъ: „Ради Бога, пусть князь сдѣлаетъ представленіе; это поддержитъ меня. Я три раза представлялъ докладъ Государю о совершенномъ уничтоженіи образцовыхъ войскъ, что́ дало бы сбереженіе ежегодно полумилiонное; но Его Величество положительно мнѣ отказывалъ. На дняхъ однакоже Государь согласился на отмѣну присылки людей изъ Забайкальскихъ войскъ для сокращенія 18 т. рублей ежегоднаго расхода. Если князь Александръ Ивановичъ съ своей стороны сдѣлаетъ представленіе по тому же предмету и вычислитъ сколько произойдетъ сбереженія въ расходахъ, то быть можетъ и будетъ успѣхъ“. Далѣе военный министръ объяснялъ свои виды, чтобы учреждаемая нынѣ школа стрѣльбы постепенно и сама собою замѣнила образцовый полкъ. Все это какъ нельзя лучше совпадаетъ съ видами вашего сіятельства. По возвращеніи моемъ въ Тифлисъ я подробнѣе доложу вамъ объ этомъ дѣлѣ, и тогда, полагаю, можно будетъ обдумать, какъ лучше приняться за это дѣло.

Вообще военный министръ сегодня старался быть любезнымъ, увѣрялъ въ своей готовности всегда поддерживать представленія вашего сіятельства; что онъ даже Государю докладывалъ не разъ, что не слѣдуетъ никогда отказывать главнокомандующему и намѣстнику, лишь бы только представленія его были законны и правильны. Въ заключеніе, когда я доложилъ о результатахъ вчерашняго нашего засѣданія, генералъ Сухозанетъ

объявилъ, что онъ радуется такому благопріятному ходу дѣла и съ удовольствіемъ представитъ на утвержденіе Государя ваши проекты, съ тѣми измѣненіями, какія комитетомъ признаны необходимыми. Въ добавокъ онъ обѣщалъ, сколько можно, торопить это дѣло. Дай Богъ, чтобы эти благія намѣренія не измѣнились и чтобы опять кто-нибудь не нашепталъ новыхъ нелѣпостей или не присовѣтовалъ новой проволочки.

Завтра, наконецъ, отправляется въ Тифлисъ фельдъегерь съ письмомъ Государя къ вашему сіятельству и разными бумагами. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доставить купленныя мною по вашему порученію книги для справокъ по естественной исторіи. Не знаю, угожу ли этимъ выборомъ; но лучшаго ничего не нашелъ. Вмѣстѣ съ книгами вложено прошеніе на ваше имя, поданное мнѣ однимъ Французомъ Давлуи, изобрѣтателемъ какого-то порошка изъ мяса для употребленія въ экспедиціяхъ и походахъ. При этомъ прошеніи представляется и обращикъ изобрѣтеннаго порошка, такъ что можно будетъ сдѣлать въ Тифлисѣ испытаніе.

Приношу вашему сіятельству искреннюю благодарность за вниманіе оказанное вами моей семьѣ. Не нужно говорить, какъ нетерпѣливо я жду того дня, когда могу выбраться отсюда въ обратный путь. Кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, заставляющихъ меня желать скорѣйшаго возвращенія въ Тифлисъ, надобно еще присоединить здѣшній климатъ, котораго я рѣшительно не выдерживаю: здѣсь я постоянно боленъ и при всѣхъ предосторожностяхъ не могу оправиться. Не говорю уже о всѣхъ нравственныхъ треволненіяхъ. При всемъ томъ я не могу оставить поста, не удостовѣрившись несомнѣнно въ успѣхѣ порученнаго мнѣ дѣла. Нечего дѣлать: надо вооружиться терпѣніемъ.

23.

3-го Декабря.

Спѣшу поздравить ваше сіятельство съ успѣшнымъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, которыя вамъ угодно было возложить на меня при отправленіи въ Петербургъ. Вчера, по случайному стеченію обстоятельствъ, доложены Государю Императору и проекты штатовъ военныхъ управленій, и проектъ новаго морскаго устройства, а въ тоже время въ Кавказскомъ Комитетѣ обсуждались въ моемъ присутствіи три дѣла: предположенія ваши о христіанскомъ братствѣ, представленія о прекращеніи каботажнаго судоходства вдоль восточнаго берега и упраздненіи Анапы и, наконецъ, новый штатъ управленія мирными горцами. Всѣ рѣшенія были весьма благопріятны. Сегодня за обѣдомъ Государь Императоръ изволилъ лично объявить мнѣ, что Его Величество утвердилъ всѣ представленные проекты, а Государыня Императрица изволила согласиться принять подъ непосредственное свое попечительство предполагаемое Общество распространенія христіанства въ Кавказскихъ горахъ. Подробности всѣхъ этихъ рѣшеній и разговоровъ, бывшихъ по этому случаю, я буду имѣть честь лично доложить вашему сіятельству; ибо надѣюсь въ скоромъ времени выѣхать отсюда и, съ Бо-

жіею помощью, быть къ праздникамъ въ Тифлисѣ. Хотя я пробылъ здѣсь долѣе чѣмъ предполагалъ, однакоже сердечно радуюсь, что поѣздка моя не осталась безъ полезныхъ послѣдствій.

24.

16 Декабря. Москва.

Выѣхавъ изъ Петербурга 7-го числа, я надѣялся привезти лично вашему сіятельству первое извѣстіе о новой Высочайшей милости Кавказскимъ войскамъ, объявленной въ приказѣ 6-го Декабря. Какъ ни старался я ускорить мое путешествіе, однакоже, по разнымъ встрѣченнымъ мною затрудненіямъ въ пути, экстра-почта обогнала меня, и теперь ваше сіятельство уже безъ сомнѣнія изволите знать о переименованіи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ армію, что́ было желаніемъ вашимъ. Я называю это переименованіе „милостію“ монаршею, потому что оно есть новое доказательство вниманія Государя Императора къ важности и высокому значенію вашей арміи. Никакія опроверженія, предостереженія, ни возраженія не помѣшали Его Величеству дать Кавказскимъ войскамъ приличное имъ названіе и тѣмъ уже рѣшить окончательно множество частныхъ вопросовъ, возникавшихъ отъ несообразности въ наименованіи. Утвержденіе меня въ должности начальника главнаго штаба арміи также приписываю я Высочайшему вниманію ко всѣмъ вашимъ представленіямъ и приношу вашему сіятельству искреннѣйшую признательность за ваше представленіе. Отъѣзжая отсюда завтра утромъ, я надѣюсь быть въ Тифлисѣ въ Субботу, если не встрѣчу особыхъ затрудненій въ пути.

Б. Письма князя А. И. Барятинскаго къ Великому Князю Константину Николаевичу.

I.

31 Октября 1858 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество!

Сочувствіе къ преуспѣянію ввѣреннаго мнѣ края, сохраняемое Вами и вдали отъ отечества, обязываетъ меня глубочайшею благодарностью. Въ этомъ постоянномъ и благотворномъ сочувствіи я не могу не видѣть подкрѣпленія моимъ усиліямъ въ дѣлѣ умиротворенія Кавказа и слiянія его съ Имперіею. Исполненный готовности доводить до свѣдѣнія Вашего все достойное высокаго вниманія Вашего, я смѣю надѣяться, что Ваше Высочество, какъ и всегда, удостоите меня Вашими добрыми совѣтами тамъ, гдѣ изволите признать это нужнымъ.

Важнымъ событіемъ для Кавказа въ послѣднее время было— посѣщеніе его Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ. Благоговѣйная радость при видѣ Августѣйшихъ братьевъ Государя сопровождала ихъ повсюду. Встрѣчаемые

съ восторгомъ и войсками и народомъ, Великіе Князья своею благосклонною внимательностью, обходительностью и живымъ участіемъ, съ которымъ вникали во всѣ подробности видѣннаго ими края, оставили на долго впечатлѣніе въ благодарной памяти Кавказа. Для меня лично прибытіе Ихъ Высочествъ было исполнено и большой радости, и большихъ лишеній: проведя съ ними только первые дни, я сильно заболѣлъ и изъ Тифлиса не могъ уже, къ моему прискорбію, сопровождать ихъ въ дальнѣйшемъ путешествіи по краю.

Вашему Высочеству, безъ сомнѣнія, извѣстно уже, что въ военномъ отношеніи Богъ видимо благословляетъ наши труды. Послѣ пріуготовительныхъ дѣйствій минувшимъ лѣтомъ, можно было приступить къ сильному наступленію внутрь горъ, оконченному съ совершеннымъ успѣхомъ, такъ что всѣ немирныя племена, обитающія между верховьями Терека и Аргуна, покорились совершенно; а со стороны Лезгинской кордонной линіи разгромъ сосѣдней нагорной полосы принудилъ большую часть ея населенія выселиться въ наши предѣлы. На Правомъ крылѣ непріятельская земля обрѣзана съ двухъ концевъ по Адагумъ и Бѣлую. Теперь начинается зимняя экспедиція на Лѣвомъ крылѣ, которая будетъ новымъ и, можетъ быть, весьма рѣшительнымъ шагомъ къ давножеланному успокоенію этого края.

Въ гражданскомъ отношеніи мое вниманіе въ настоящее время обращено преимущественно на преобразованіе здѣсь высшаго гражданскаго управленія, на устройство желѣзной дороги между Чернымъ и Каспійскимъ морями и учрежденіе общества для возстановленія въ Кавказскихъ горахъ христіанства.

Трудно исчислить всѣ неудобства, заключающіяся въ организаціи гражданскаго управленія. Важнѣйшее изъ нихъ то, что отдѣльныя части управленія (судебная, финансовая и т. п.) не имѣютъ ближайшаго надзора и руководства и всѣ въ совокупности сосредоточиваются въ одной канцеляріи намѣстника, который, при такомъ положеніи вещей, заваленъ мелочными дѣлами и лишенъ возможности сосредоточивать исключительное вниманіе на дѣлахъ высшей важности, отъ которыхъ зависитъ коренное устройство края. Необходимость раздѣлить эти части и образовать для каждой изъ нихъ особое высшее управленіе очевидна, и начало новому порядку уже положено. Съ разрѣшенія Государя открыто здѣсь, въ послѣднее время, особое управленіе для развитія сельскаго хозяйства, которое остается въ младенческомъ видѣ, но при богатствахъ природы и спеціальномъ руководствѣ должно принести обширные плоды и увеличить народное благосостояніе.

Мысль о желѣзной дорогѣ между морями Чернымъ и Каспійскимъ пріобрѣла общественное сочувствіе и вызвала уже готовность капита-

листовъ къ ея осуществленію; но, чтобы положить начало этому осуществленію, необходимо предварительно обозрѣть линію, по которой она должна проходить, и съ этой цѣлью я ожидаю сюда надняхъ одного Бельгійскаго инженера.

Возстановленіе христіанства въ Кавказскихъ горахъ должно составить важное орудіе къ умиротворенію страны. Чтобы установить и упрочить дѣйствія наши въ этомъ дѣлѣ, необходимо образовать особое общество съ большими матеріальными средствами, и мысль объ его учрежденіи, какъ извѣстно Вашему Высочеству, удостоена уже Высочайшаго одобренія. Съ отъѣздомъ митрополита Исидора къ новому его назначенію, я вручилъ ему подробный объ образованіи этого общества проектъ, для передачи предсѣдателю Кавказскаго Комитета, и съ нетерпѣніемъ ожидаю, чѣмъ кончено будетъ это важное для Кавказа дѣло.

Вотъ что̀ на этотъ разъ считаю преимущественно достойнымъ вниманія Вашего Высочества. Полный стремленія оправдать довѣріе ко мнѣ Государя, я скорблю, что здоровье мое иногда измѣняетъ мнѣ и что болѣзнь отнимаетъ время столь нужное для дѣятельности. Оставаясь безвыходно болѣе мѣсяца въ комнатѣ, я теперь только начинаю поправляться, хотя слабость силъ и доселѣ не оставляетъ меня.

Позвольте, Ваше Высочество, заключить это длинное письмо сердечнымъ желаніемъ, чтобы путешествіе Ваше было пріятно и благополучно и чтобы, по возвращеніи Вашемъ, Государь встрѣтилъ въ васъ прежняго неутомимаго и благотворнаго дѣятеля въ дѣлъ преуспѣянія и счастія нашего отечества.

2.

20 Февраля 1859 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество!

Письмо Вашего Высочества отъ 14 (26) Декабря изъ Ниццы я имѣлъ счастіе получить. Радуясь искренно, что путешествіе Ваше продолжается благополучно, я прошу Бога также благополучно возвратить Васъ къ великимъ дѣламъ нашего отечества.

Вашему Высочеству извѣстно, что преобразованіе здѣшняго гражданскаго управленія занимало въ послѣднее время особенно мое вниманіе. Государь Императоръ удостоилъ одобренія всѣ принятыя мною основанія. По участію, какое Ваше Высочество столь милостиво изволите принимать въ моихъ дѣйствіяхъ, я беру смѣлость представить Вамъ экземпляръ новаго положенія о главномъ управленіи и списокъ съ отношенія моего къ князю Орлову, въ которомъ изложены главныя начала для этого управленія. Я далекъ отъ мысли считать это пре-

образованіе полнымъ и совершеннымъ; напротивъ, въ этомъ дѣлѣ какъ и во всѣхъ другихъ, составляющихъ переходъ отъ одного порядка къ другому, есть безъ сомнѣнія недостатки; но мы будемъ стараться, въ теченіе двухъ-годичнаго опыта, дарованнаго намъ Государемъ, слѣдить за практическимъ дѣйствіемъ новаго положенія и дѣлать въ немъ тѣ дополненія и измѣненія, какія, по указаніямъ опыта, будутъ необходимы для усовершенствованія.

Бельгійскіе инженеры, вызванные мною для производства предварительныхъ изысканій по сооруженію желѣзной дороги, окончили уже изслѣдованіе линіи отъ Тифлиса до Баку и находятъ исполненіе столь важнаго предпріятія на этой линіи вполнѣ возможнымъ и удобнымъ. Такое доброе начало радуетъ меня весьма, тѣмъ болѣе, что въ военномъ отношеніи особенно необходимо устроить дорогу отъ Тифлиса до Баку; ибо этотъ путь, недоступный для непріятеля, свяжетъ Закавказскій край съ внутренними силами Россіи и упрочитъ окончательно владычество наше за горами. Линія отъ Тифлиса къ Черному морю нужна преимущественно въ экономическомъ отношеніи и составляетъ уже вопросъ второстепенный; но я надѣюсь, что здѣсь сооруженіе дороги не встрѣтитъ также особенныхъ затрудненій *).

Крестьянское дѣло, по ввѣренному мнѣ краю, идетъ путемъ сообразнымъ съ мѣстными обстоятельствами. Въ Ставропольской губерніи комитетъ вѣроятно скоро окончитъ свои дѣйствія. Но въ Закавказскомъ краѣ дѣло это требуетъ особенной осмотрительности, ибо въ гражданскомъ бытѣ этой страны сохраняются доселѣ рѣзкія особенности. Крѣпостное право имѣетъ здѣсь свой отдѣльный характеръ, несходный съ тѣмъ, какой существуетъ въ Россіи. Этотъ особенный характеръ происходитъ сколько отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, столько же и отъ самой природы страны, представляющей совершенно различные виды положенія помѣщиковъ, крестьянъ и самаго свойства земледѣльческаго труда. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимо устранить всякую поспѣшность, чтобы не допустить, съ одной стороны, ущерба помѣщичьихъ интересовъ, а съ другой мѣропріятій по улучшенію быта крестьянъ, противныхъ коренному духу народа. Теперь собираются нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, на основаніи коихъ опредѣлены будутъ время и способъ, когда и какъ порѣшить и здѣсь это дѣло.

Военныя дѣйствія продолжаются постепенно, осуществляя одно за другимъ мои предположенія. На Правомъ крылѣ двухъ-лѣтніе труды по устройству Адагумской линіи увѣнчались, какъ Вы вѣроятно изволите знать, самымъ лучшимъ результатомъ: Натухайцы просятъ позволенія

---

*) Какъ извѣстно, постройка дороги совершилась въ совершенно обратномъ порядкѣ: прежде къ Черному морю, а послѣ, чрезъ много лѣтъ, къ Каспійскому. А. З.

принести покорность. На Лѣвомъ крылѣ, послѣ военныхъ работъ, совершенныхъ для прочнаго нашего устройства въ части горъ, завоеванныхъ прошлымъ лѣтомъ, дѣйствія открыты въ Большой Чечнѣ, и оттуда проложенъ новый и самый прочный путь въ глубь непокорныхъ владѣній. Наши войска осаждаютъ теперь Ведень, командующій всею Ичкеріею, и связали уже его съ плоскостью прочнымъ сообщеніемъ. Такимъ образомъ мы устраиваемъ исходный пунктъ, откуда нынѣшнимъ лѣтомъ, можетъ быть, нанесенъ непріятелю рѣшительный ударъ.

В. Письма Великаго Князя Константина Николаевича къ князю А. И. Барятинскому.

I.

Уѣзжая за границу, я прошу ваше сіятельство принять на себя трудъ, въ особенное мнѣ одолженіе, писать мнѣ иногда, если это не затруднитъ васъ, о тѣхъ происшествіяхъ и распоряженіяхъ по ввѣренному вамъ краю, которыя вы признаете полезнымъ довести до моего свѣдѣнія. Всякое извѣстіе изъ отечества принимается за границей съ большою благодарностью, и я буду искренно признателенъ за всѣ ваши сообщенія. Прошу васъ адресовать ваши письма въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства для пересылки мнѣ съ срочными фельдъегерями.

27 Сентября 1858 г.

II.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Очень сожалѣю, что ты хвораешь и что по этому не могъ сопровождать братьевъ при поѣздкѣ ихъ по Кавказу. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что они въ совершенномъ восторгѣ отъ этого края, и мнѣ остается только жалѣть, что мои предполагавшіяся путешествія на Кавказъ не могли еще осуществиться, хотя давно уже посѣщеніе Кавказа было любимою мечтою моею. Поздравляю тебя съ успѣхами нашего оружія и весьма желалъ бы знать, какія имѣешь теперь предположенія собственно по административной части. Я былъ бы искренно благодаренъ за всякое сообщеніе. Начиная съ Ноября, каждое 15 (27) число будутъ ѣздить ко мнѣ фельдъегеря, и потому прошу тебя имѣть это въ виду, посылая письма на мое имя въ Петербургъ. Полагаю пробыть здѣсь еще недѣлю, а около 1-го Декабря н. с. быть въ Ниццѣ.

Ганноверъ, 4 Ноября (23 Октября) 1858 г.

III.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Письмо твое отъ 31-го Октября я получилъ въ Ниццѣ 28 Ноября (10 Декабря) и благодарю тебя отъ всего сердца за твое любопытное сообщеніе. Искренно радуюсь твоимъ успѣхамъ на Кавказѣ и весьма прошу о продолженіи нашей переписки. Я только что воротился въ Ниццу изъ Парижа, куда ѣздилъ на три дня, и надняхъ располагаю отправиться съ женою въ Палермо. Французскимъ путешествіемъ я весьма доволенъ: меня встрѣтили какъ стараго хорошаго знакомаго, безъ прежней офиціальности, а Французскіе моряки вездѣ оказывали намъ необыкновенное сочувствіе. Замѣчательно, что послѣдняя война, какъ и большія войны Александра Павловича, не уменьшили взаимной симпатіи двухъ націй и что соперники, которые честно бились, дѣлались опять друзьями немедленно по окончаніи боя, изъ котораго они вынесли обоюдное уваженіе другъ другу. Я намѣренъ остаться въ Палермо мѣсяца два и потомъ желалъ бы посѣтить Неаполь, Римъ, Грецію, Египетъ и Испанію. Жена, изъ любви ко мнѣ, рѣшается всюду сопровождать меня, и я везу съ собою старшаго сына, котораго пріучаю къ морской жизни. Отъ всей души желаю тебѣ здоровья, любезный князь Александръ Ивановичъ, и дальнѣйшихъ успѣховъ на твоемъ славномъ историческомъ поприщѣ.

Ницца, 14 (26) Декабря 1858 г.

IV.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Письмо твое отъ 15 Декабря я получилъ здѣсь только 22 Февраля (6 Марта) и потому до сихъ поръ не отвѣчалъ на оное. Я съ величайшимъ вниманіемъ прочелъ копію отношенія твоего военному министру о предстоящихъ намъ дѣйствіяхъ на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, вполнѣ раздѣляю всѣ твои мысли и готовъ всѣми зависящими отъ меня силами содѣйствовать осуществленію оныхъ. Искренно радуюсь успѣху небольшой экспедиціи нашихъ моряковъ для наказанія Туркменъ. Я только что воротился изъ Мальты, гдѣ видѣлъ нѣсколько Англійскихъ судовъ и адмиралтейство. Недѣли черезъ двѣ полагаю отправиться въ Неаполь, а оттуда въ концѣ Марта идти въ Грецію. Буду ожидать твоихъ писемъ и впередъ благодарю за нихъ.

Палермо, Февраля (Марта) 1859 г.

V.

Письмо твое отъ 20 Февраля со всѣми приложеніями, любезный князь Александръ Ивановичъ, я получилъ здѣсь 1 (13) Апрѣля и прочелъ съ большимъ любопытствомъ. Радуюсь твоимъ военнымъ успѣхамъ и благодарю искренно за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія о преобразованіяхъ въ гражданскомъ управленіи Кавказа. Мнѣ кажется, что главныя основанія этого преобразованія совершенно вѣрны и что край, подобный Кавказу, долженъ имѣть свое самостоятельное управленіе, подчиненное намѣстнику Государя, а не разнымъ административнымъ учрежденіямъ дальняго Петербурга. Финляндія, которая составляетъ сравнительно столь небольшое и малосложное государство, и притомъ находится такъ близко отъ столицы Имперіи, выигрываетъ весьма много отъ самостоятельнаго управленія. Я нахожу также вполнѣ правильнымъ передачу дѣлъ второстепенныхъ и менѣе важныхъ второстепеннымъ начальникамъ, дабы не обременять ими высшаго правителя, который долженъ заниматься только дѣлами болѣе важными. Сдѣланное тобою раздѣленіе дѣлъ между второстепенными начальниками совершенно правильно. Быть можетъ, что для высшихъ судебныхъ дѣлъ полезно бы имѣть въ Тифлисѣ, подобно Польшѣ, два департамента Сената: уголовный и гражданскій. Впрочемъ, не зная края, я не могу судить объ этомъ.

Пребываніе мое въ Неаполѣ было весьма неудачно и замедлилось по случаю болѣзни жены, а потомъ и моей, отъ которой оправляюсь медленно. Отсюда мы полагаемъ отправиться въ Грецію и потомъ въ Іерусалимъ, и такимъ образомъ исполнить давнишнее мое желаніе.

Неаполь
2 (14) Апрѣля 1859 г.

VI.

Аѳины, 21 Апрѣля (3 Мая) 1859 г.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Я получилъ здѣсь по телеграфу отъ Государя извѣстіе о взятіи штурмомъ Веденя. Отъ всего сердца поздравляю тебя съ этимъ новымъ подвигомъ нашихъ Кавказскихъ молодцовъ. Мнѣ особенно пріятно было получить это извѣстіе въ православной Греціи, среди народа, который своею кровью и цѣлымъ рядомъ геройскихъ подвиговъ достигъ побѣды надъ мусульманами. Здѣсь къ намъ имѣютъ сочувствіе, и единовѣрцы наши искренно радуются нашимъ успѣхамъ на Кавказѣ. Я прибылъ сюда изъ Неаполя, еще не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни, хотя впрочемъ морской переходъ нѣсколько освѣжилъ меня. Здѣсь чувствую по вре-

менамъ слабость и утомленіе, и потому не въ состояніи проводить время такъ дѣятельно, какъ бы желалъ. Пріемъ сдѣланный мнѣ какъ королемъ, такъ и народомъ, былъ самый радушный. Когда вспомнишь, какъ еще недавно кончилась война за независимость, и Греція была краемъ совершенно разореннымъ и облитымъ кровью, то нельзя не удивляться, какъ много съ того времени сдѣлано, особенно усиліями частныхъ лицъ. Вообще должно сказать, что сильная привязанность Грековъ къ вѣрѣ и къ своему отечеству и сохраненіе ими національности, послѣ столькихъ вѣковъ рабства и страданій, заслуживаютъ глубокаго уваженія. Замѣчательно также стремленіе народа учиться, отношеніе числа учащихся къ общему числу населенія и множество школъ, основанныхъ здѣсь общинами и частными лицами. На этой недѣлѣ отправляюсь въ Іерусалимъ и оттуда непремѣнно постараюсь написать тебѣ.

VII.

Іерусалимъ, 8 (20) Мая 1859 года.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Узнавъ случайно, что въ здѣшнихъ библіотекахъ (Патріаршей, Крестоваго монастыря и другихъ) хранится большое количество неразобранныхъ Грузинскихъ рукописей, относящихся къ тому времени, когда цари Грузинскіе властвовали въ Палестинѣ, сообщаю объ этомъ тебѣ для свѣдѣнія на случай, еслибъ ты призналъ полезнымъ прислать сюда кого либо изъ вашихъ Грузинскихъ ученыхъ для разбора этихъ рукописей, которыя могутъ содержать весьма важныя и любопытныя историческія данныя. Здѣсь находится Французскимъ консуломъ г. Барреръ, бывшій въ Тифлисѣ и сохранившій о Кавказѣ весьма пріятное воспоминаніе. Онъ можетъ быть весьма полезенъ здѣсь твоимъ ученымъ. Путешествіе въ Іерусалимъ я совершилъ съ женою и сыномъ, благодаря Бога, гораздо легче и спокойнѣе, чѣмъ могъ надѣяться, и на дняхъ располагаю отправиться въ обратный путь. Іерусалимъ, независимо отъ духовнаго потрясенія, произвелъ на меня впечатлѣніе болѣе грустное при видѣ ежеминутнаго противорѣчія между смысломъ проповѣданнаго здѣсь Божественнаго ученія и дѣйствіями людей, которые называютъ себя послѣдователями этого ученія. Кромѣ постоянныхъ распрей между представителями разныхъ исповѣданій, здѣсь видишь много интригъ, сплетень, которыя глубоко огорчаютъ и которыхъ невозможно прекратить. Посему мнѣ кажется, что поклонническое странствованіе въ Іерусалимъ можетъ быть полезно своимъ религіознымъ вліяніемъ, но что продолжительное пребываніе въ Іерусалимѣ едва-ли приноситъ духовную пользу.

VIII.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Я съ большимъ удовольствіемъ познакомился здѣсь съ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ и пользуюсь его отъѣздомъ, чтобъ написать тебѣ еще разъ передъ возвращеніемъ моимъ въ Россію. Я имѣлъ здѣсь длинные и весьма интересные разговоры съ нимъ о Кавказѣ и еще болѣе убѣдился въ вѣрности твоего взгляда на Кавказъ и на образъ дѣйствія, которому мы должны тамъ слѣдовать, и сердечно порадовался достигнутымъ тобою результатамъ. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я также по этому предмету письмо къ Головнину твоего почтеннаго помощника Д. А. Милютина, котораго душевно уважаю.

Два главные предмета нашихъ разговоровъ съ Меликовымъ были: о возможности вліянія Россіи на Востокѣ посредствомъ преданнаго намъ Армянскаго народа и объ устройствѣ морской части при Черноморской береговой линіи. Я совершенно раздѣляю мнѣніе Меликова о необходимости назначить образованныхъ и благонамѣренныхъ Русскихъ консуловъ въ разныя мѣста, гдѣ находится значительное Армянское населеніе; но полагаю, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ встрѣтитъ къ тому затрудненіе по недостаточности своихъ денежныхъ средствъ, и что дѣло это можетъ быть приведено къ желаемому результату только въ томъ случаѣ, еслибъ ты нашелъ возможнымъ принять хотя часть издержекъ на Кавказскія суммы. Надѣюсь, что генералъ Меликовъ передастъ тебѣ нашъ разговоръ въ подробности. Относительно нашихъ Черноморскихъ крейсеровъ мы пришли къ убѣжденію, что Парижскій трактатъ и инструкція, данная крейсерамъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, совершенно парализуютъ все, что̀ морское вѣдомство могло бы сдѣлать для дѣйствительности крейсерства и что, поэтому, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, было бы всего полезнѣе объявить торговлю на восточномъ берегу совершенно свободною и намъ самимъ стараться получить въ ней большое участіе посредствомъ нашего пароходнаго общества, оставляя нынѣшнее крейсерство только съ цѣлію препятствовать хотя сколько нибудь военной контрабандѣ. Такимъ образомъ, мы стали бы съ морской стороны дѣйствовать болѣе мирными путями просвѣщенія и торговли въ то самое время, когда на сухомъ пути твои блестящіе военные подвиги внушаютъ племенамъ Кавказскимъ уваженіе къ нашему оружію. Сообщаю эти мысли на твое обсужденіе, любезный князь, и съ нетерпѣніемъ буду ожидать твоего мнѣнія.—Изъ Іерусалима я отправился въ Турецкій архипелагъ и посѣтилъ Бейрутъ, Родосъ, Патмосъ, Са-

мосъ, Хіосъ и Смирну. Въ Константинополѣ я нашелъ самый блистательный и, повидимому, радушный пріемъ съ стороны султана; но, къ сожалѣнію, погода, которая благопріятствовала моему морскому путешествію, вдругъ измѣнилась, и не проходитъ дня безъ дождя. По мѣрѣ приближенія къ Россіи, возрастаетъ во мнѣ нетерпѣніе вернуться въ отечество, и я надѣюсь быть въ Петербургѣ къ 15 (27) Іюня. Обнимаю тебя, любезный князь Александръ Ивановичъ, и весьма прошу по временамъ писать мнѣ.

Константинополь, 31 Мая (12 Іюня) 1859 г.

Г. Письма А. В. Головнина къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Петербургъ, 2 (14) Января 1858 г.

Пожелавъ вамъ счастливаго Новаго года, посылаю при этомъ письмѣ копію сокращенной таблицы бюджета Имперіи на 1858 годъ, которую министръ финансовъ представилъ 30 Декабря въ финансовый комитетъ. Чтобы облегчить вамъ понятіе объ этой таблицѣ, я обращаю ваше вниманіе на слѣдующія части: 1) Дефицитъ, который министръ финансовъ признаётъ на текущій годъ, выражается въ цифрѣ 9,806,000 рубл. с. Онъ предполагаетъ покрыть его съ помощью займа у нашихъ банковъ. Въ 1857 г., чтобы покрыть дефицитъ этого 1857 года, заняли 18,538,000 рубл. с. Мы занимаемъ въ этомъ году меньше, но тѣмъ не менѣе мы проведемъ годъ мира, истративъ болѣе, чѣмъ имѣемъ дохода. Мы живемъ въ долгъ. 2) Г. министръ предполагаетъ увеличеніе нашихъ доходовъ, что̀ крайне сомнительно, такъ какъ финансовый кризисъ Европы будетъ имѣть результатъ отъ уменьшенія дѣлаемыхъ у насъ покупокъ. Мы закупимъ также гораздо менѣе, такъ какъ наши магазины загромождены товарами, которые были излишкомъ 1857 года. Съ другой стороны, увеличеніе цифры дохода есть только номинальное увеличеніе, но недѣйствительное, соображая дороговизну всякой вещи, какъ слѣдствіе слишкомъ большаго выпуска ассигнацій. Получая миліонъ дохода, правительство въ дѣйствительности получитъ гораздо менѣе, такъ какъ на этотъ милліонъ оно не будетъ въ состояніи купить въ такомъ же количествѣ вещей и оплатить тотъ же трудъ, какъ прежде. 3) Въ 1858 году расходы будутъ гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ г-нъ министръ предвидитъ. а) Министръ Императорскаго Двора израсходуетъ по всей вѣроятности болѣе 10 миліоновъ. в) Военный министръ признаётъ потребность въ 100 миліоновъ, но не испрашиваетъ у казны болѣе 76 мил. и объ-

щаетъ покрыть излишекъ собственными средствами. Какія же это собственныя средства, превышающія 20 миліоновъ? Эти деньги полученныя во время войны и министерствомъ не израсходованныя въ то время. Эти деньги достались по невыгоднымъ займамъ, и ихъ слѣдовало бы возвратить въ казну. Чтó за управленіе, которое расходуетъ почти туже сумму въ мирное время послѣ громаднаго уменьшенія арміи, какую расходовало въ военное время на армію вдвое бóльшую?

Двѣ цифры бюджета должны порадовать каждаго Русскаго, который любитъ свое отечество. 1) Винный откупъ увеличенъ всего на 49653 рубл., тогда какъ министру легко было бы увеличить его на гораздо бóльшую сумму, предоставивъ откупщикамъ разныя привилегіи, которыя имъ облегчили бы возможность увеличить ихъ приходъ, во вредъ народу. 2) Уменьшеніе на миліонъ дохода, который приноситъ соль, чтò совершенно согласуется съ выгодою наиболѣе бѣднаго класса.

Награды и новыя назначенія въ день Новаго года не были многочисленны. Князь Дмитрій Оболенскій (изъ Морскаго Министерства) назначенъ государственнымъ секретаремъ. Надо этому порадоваться, такъ какъ это человѣкъ очень способный и имѣетъ теплое и благогородное сердце. Князь Голицынъ назначенъ предсѣдателемъ Коммиссіи Прошеній, сохраняя свою дѣятельность секретаря этой Коммиссіи. Это, по меньшей мѣрѣ, странно видѣть одного и того же субъекта, соединяющаго въ себѣ двѣ должности, предсѣдателя и секретаря, не говоря уже объ извѣстности, которою пользуется князь.

2.

С.-Петербургъ, 27 Января 1858 г.

Сердечно благодарю васъ за ваше письмо отъ 6 сего мѣсяца и за благосклонный и великодушный пріемъ, которымъ вы удостоили замѣчанія нѣкоторыхъ моихъ друзей относительно новаго устава Мингреліи. Признаюсь вамъ откровенно, что безъ этого пріема мнѣ было бы трудно съ одной стороны преодолѣть ложныя оцѣнки, а съ другой продолжать переписку, которую я глубоко цѣню и гдѣ полная откровенность составляетъ всю заслугу съ моей стороны. Прилагаю при этомъ письмѣ записку, которая была составлена нѣсколько дней тому назадъ, дабы облегчить друзьямъ Великаго Князя Константина преодолѣть нападки, направленныя многими недоброжелателями противъ Его Высочества. Къ несчастію, во главѣ ихъ находятся люди, въ настоящее время могущественные, крѣпко связанные между собою, чтобы парализовать усилія Императора ко всему, чтó относится до прогресса и цивилизаціи. Я склоненъ думать, что эти господа дѣй-

ствуютъ праводушно, но они ошибаются. Тѣмъ не менѣе они творятъ много зла. Это тріо составлено изъ графа Владимира Адлерберга, Муравьева (министра государственныхъ имуществъ) и графа Панина (министра юстиціи).

На прошлой недѣлѣ я написалъ моему другу Александру Николаи, прося его довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что предположенія относительно путешествія Великаго Князя Константина снова измѣнены. Великая Княгиня, находясь въ интересномъ положеніи, должна разрѣшиться въ Августѣ. Его Высочество предполагалъ выѣхать отсюда въ Апрѣлѣ въ Николаевъ, проѣхать Кавказъ, сѣсть на пароходъ въ Баку и подняться по Волгѣ. Сегодня утромъ Государь сказалъ ему, что это путешествіе совершенно невозможно, такъ какъ Его Величество предполагаетъ въ концѣ Мая отправиться въ Архангельскъ и находитъ, что пребываніе Великаго Князя въ Петербургѣ необходимо во время его отсутствія. Великій Князь понимаетъ необходимость остаться здѣсь, но глубоко сожалѣетъ, что еще разъ онъ лишенъ возможности видѣть вашу прекрасную страну и пожать вамъ руку.

3.

Трувиль, на берегу моря, (20 Іюня) 2 Іюля 1858 г.

Въ этомъ году я еще долженъ отказаться отъ чести видѣть васъ на Кавказѣ, такъ какъ путешествіе Великаго Князя отложено по причинамъ вамъ извѣстнымъ.

Будучи больнымъ послѣ зимы полной трудовъ и усталымъ, я исходатайствовалъ разрѣшеніе пріѣхать отдохнуть сюда и воспользоваться морскими ваннами. Я въ шести часахъ отъ Парижа, морской берегъ восхитителенъ, и окрестности Трувиля очаровательны. Я очень интересно провелъ время въ Парижѣ, гдѣ видѣлъ многихъ своихъ прошлогоднихъ знакомыхъ. Эти господа, хотя очень преданные императору Наполеону, ничуть не сдерживаются и критикуютъ многія изъ его послѣднихъ дѣяній, а именно назначеніе генерала Эспинаса, мѣры высшей полиціи, а въ особенности проектъ назначенія принца Наполеона намѣстникомъ императора въ Алжиръ. Вы уже знаете, что Эспинасъ болѣе не министръ и что принцъ Наполеонъ получилъ министерство вмѣсто намѣстничества. Приписываютъ эти перемѣны вліянію г-на Макарда, интимнаго секретаря Наполеона. Мнѣ сказали, что Наполеонъ очень измѣнился послѣ покушенія 14 Января, что съ того времени онъ самъ читаетъ всѣ рапорты агентовъ своей тайной полиціи, всѣ частныя письма, всѣ доносы, и что все это чтеніе лишило его прежняго хладнокровія, отравило ему жизнь, и онъ лишился своего яснаго взгляда. Желали, чтобы онъ избралъ довѣреннаго человѣка

для этого дѣла. Во время моего пребыванія въ Парижѣ, князь Алексѣй Орловъ прибылъ туда женить своего сына на княжнѣ Екатеринѣ Трубецкой, дочери князя Николая и графини Гудовичъ.

Трубецкіе живутъ во Франціи 20 лѣтъ и владѣютъ около Фонтенебло зàмкомъ Бельфонтенъ, принадлежавшимъ прежде герцогинѣ Тремуйль. Князь Трубецкой католикъ, прекрасный и честный человѣкъ и съ превосходнымъ сердцемъ. Бѣдные окрестностей Бельфонтена его боготворятъ. Его жена, я думаю, деистка, очень умная, очень оригинальная. Дочь православная, очаровательная и очень красивая личность. Князь А. Ѳ. Орловъ представлялся разъ императ. Наполеону, но не видалъ императрицу Евгенію и не былъ приглашенъ ни на обѣдъ, и ни на одинъ вечеръ при дворѣ, хотя онъ и пробылъ мѣсяцъ въ Парижѣ, и въ это время число приглашенныхъ въ Фонтенебло было по 80 человѣкъ, чтò составляетъ, въ четыре раза, болѣе 320 приглашенныхъ. Это мнѣ кажется очень страннымъ. Графъ Киселевъ сказалъ мнѣ самъ, что онъ дѣлалъ два раза попытку устроить приглашеніе князя Орлова, но что оба раза притворились будто не слышатъ.

Въ Парижѣ говорятъ, что императоръ Наполеонъ влюбленъ въ графиню Валевскую, которая дѣйствительно очаровательная особа.

Я живу въ Трувилѣ съ Рейтерномъ, котораго вы знаете. Онъ провелъ зиму въ Парижѣ, изучая финансы этой страны. Онъ везетъ въ Россію цѣлую книгу, которая будетъ очень полезна, въ особенности теперь, когда у насъ недостаетъ людей, изучившихъ науку о кредитѣ. Сосѣдъ у меня Николай Орловъ со своею очаровательною женою; для насъ это составляетъ большое удовольствіе. Это человѣкъ стоящій безконечно выше своихъ товарищей по годамъ и эполетамъ, но къ несчастію состояніе его здоровья не позволитъ ему долго оставаться въ отечествѣ. Ему постоянно необходимъ теплый климатъ по причинѣ его ранъ. Частицы желѣза и мѣди постоянно блуждаютъ у него въ глазу, котораго онъ лишился и располагаютъ къ состоянію, которое на холодѣ причиняетъ мученіе.

Для меня было наслажденіемъ писать вамъ, и это мнѣ напомнило вечера, которые я провелъ у васъ на Миліонной, когда вы имѣли большое ко мнѣ расположеніе, которое я очень цѣню и никогда не забуду.

4.

Петербургъ, (9) 21 Октября 1858 г.

Еще разъ обращаюсь къ вамъ, князь, съ просьбою написать Великому Князю Константину о его положеніи и обязанностяхъ по отношенію къ Императору и Россіи. Онъ васъ искренно любитъ и уважаетъ болѣе, чѣмъ кого-либо изъ государственныхъ людей. Я много

разъ слыхалъ отъ него это мнѣніе, высказанное въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Ваши слова, написанныя издалека, будутъ имѣть на него наибольшее вліяніе. Онъ уѣхалъ вчера въ Киль съ Великою Княгинею и со своимъ старшимъ сыномъ, предполагаетъ провести зиму въ Италіи и возвратиться будущимъ лѣтомъ моремъ, обогнувъ Европу. Его отсутствіе продлится около 10 мѣсяцевъ. Я остался здѣсь на недѣлю и дней черезъ восемь отправлюсь присоединиться къ нему въ Ниццу. Передъ его отъѣздомъ мы имѣли съ нимъ частые и долгіе споры. Онъ крайне обезкураженъ и разбитъ всѣмъ тѣмъ, что здѣсь говорили противъ него, и не хочетъ болѣе заниматься общими государственными дѣлами, какъ напримѣръ финансовыми, въ качествѣ перваго члена финансоваго комитета, освобожденіемъ крестьянъ, какъ членъ комитета по этому важному дѣлу, системою, которою слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніи раскольниковъ, какъ членъ раскольничьяго комитета и т. д. Онъ хочетъ ограничить свою дѣятельность морскою службою, быть морскимъ министромъ, и ничего болѣе.

Морскія силы въ наше время представляютъ изъ себя дѣло, требующее очень много денегъ. Англичане и Американцы выстроютъ какой намъ будетъ угодно флотъ, если у насъ найдется чѣмъ за него заплатить. Пошлите затѣмъ этотъ флотъ на три года въ море, и къ концу этого времени вы будете имѣть прекрасныхъ моряковъ; но это стоитъ дорого, а у насъ нѣтъ необходимыхъ денегъ. Флотъ не имѣетъ для насъ достаточно важности, чтобы могъ поглотить въ себя всю дѣятельность Великаго Князя и помѣшать его участію въ жизненныхъ, административныхъ вопросахъ, которые болѣе важны и подлежатъ теперь обсужденію. Уже то грустно, что управленіе отдаленнымъ краемъ лишаетъ Имперію въ своемъ центрѣ помощи вашего генія и вашей прекрасной и высокой дѣятельности. Нужно ли, чтобы еще одна второстепенная, специальная часть оторвала отъ Россіи способности и энергію Великаго Князя? Я умоляю васъ постараться поднять бодрость Великаго Князя и увѣрить его, что Императору не достаточны только одни его труды, какъ Адмирала. Государь назначилъ его членомъ Совѣта Министровъ и различныхъ комитетовъ. Необходимо, чтобы онъ показалъ себя достойнымъ столь высокаго довѣрія, не продлилъ бы очень своего отсутствія и возвращался бы какъ можно скорѣе опять занять мѣсто, назначенное ему августѣйшею волею брата, который его любитъ и уважаетъ. Интриганы преувеличили слухи всеобщаго неудовольствія противъ него. Нужно пренебречь этой молвой и продолжать идти своей дорогой. Если вы будете столь добры, чтобы мнѣ писать, адресуйте въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства, откуда мнѣ акуратно перешлютъ ваше письмо.

5.

Палермо, (8) 20 Января 1859 г.

Я имѣлъ честь получить въ Ниццѣ ваше письмо отъ 30 Октября (12 Ноября), которое употребило много времени, чтобы дойти до меня. Примите мою искреннюю благодарность за благосклонный пріемъ, который нашли у васъ мои два письма, написанныя вамъ ранѣе моего отъѣзда изъ Петербурга. Они были написаны съ открытою, сердечною искренностію, и я буду продолжать говорить откровенно съ вами, начиная съ того, что я ошибся въ своемъ мнѣніи о томъ результатѣ, который произведетъ, по моему мнѣнію, путешествіе Великаго Князя Генералъ-Адмирала. Я думалъ, что это путешествіе остановитъ ходъ различныхъ административныхъ улучшеній въ Петербургѣ. Въ этомъ я раздѣлялъ мнѣніе многихъ лицъ. Но оказывается, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Императоръ показалъ себя много разъ рѣшившимся твердо продолжать идти по пути прогресса. Его Величество доказалъ, что онъ дѣйствовалъ по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ, что его твердость была непоколебима, что административное *statu quo* не стало болѣе возможнымъ. Поняли, что Великій Князь не былъ подстрекателемъ въ прогрессивныхъ мѣрахъ, что онъ былъ не болѣе какъ помощникъ и слуга своего брата, который во время его отсутствія не мѣняетъ системы, хотя въ общемъ онъ дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ того желали бы многіе. Изъ этого слѣдуетъ, что препятствія для прогресса теперь не такъ легки, и уже не смѣютъ осуждать Монарха за тѣ же стремленія, за которыя дѣлали нападки на его брата. Вотъ хорошій результатъ отсутствія Великаго Князя, который даетъ уже себя чувствовать. Что́ касается до его путешествія, оно, въ теченіе многихъ недѣль, было лишь скучною прогулкою по Германскимъ дворамъ. Визитъ къ Сардинскому королю и прогулка въ Парижъ имѣли только политическій смыслъ и свой полезный результатъ. Теперь мы поселились на два мѣсяца въ Палермо. Великій Князь занимается составленіемъ отчета за послѣдніе три года и еще разъ передѣлываетъ проектъ новой организаціи Морскаго Министерства. Его Высочество предполагаетъ провести Мартъ мѣсяцъ въ Неаполѣ и Римѣ, проѣхать въ Грецію въ Апрѣлѣ, посѣтить Испанію и возвратиться въ Кронштадтъ, сдѣлавъ путешествіе кругомъ Европы. Сицилія представляетъ собою весьма печальную картину того состоянія, въ которое дурное правленіе можетъ привести страну, одаренную самою природою всѣми благами. Расположенная на пути Европы, Азіи и Африки, пользующаяся лучшимъ климатомъ, богатая произведеніями земля, не зна-

ющей неурожая, Сицилія населена бѣдняками. Изо ста жителей 80 человѣкъ нищихъ, противныхъ и грязныхъ, 16 монаховъ, два человѣка достаточныхъ, по неучей, и два шпіона. Налоги громадны, и всѣ доходы отсылаются въ Неаполь. На Сицилію ничего не тратятъ. Со времени революціи 1848 г., когда Неаполитанскія войска ушли безъ выстрѣла въ Неаполь, и намѣстникъ короля убѣжалъ переодѣтый женщиной, здѣсь находятся много Швейцарскихъ войскъ. Неудовольствіе всеобщее, но Маццини не имѣетъ друзей. Сицилійцы-роялисты хотятъ управленія независимаго, съ королемъ и конституціей. Намѣстникъ нынѣшняго короля принцъ Кастельчикала заступаетъ властителя; но настоящій господинъ и хозяинъ это директоръ полиціи г. Манискалка, человѣкъ умный и съ характеромъ. Онъ организовалъ полицію, которая, какъ говорятъ, превосходна и очень дѣятельна, въ особенности шпіонская часть. Онъ насъ охраняетъ очень дѣятельно.

(Переведены съ Французскаго).

Д. Письма князя Барятинскаго къ военному министру Н. О. Сухозанету.

1.

По полученіи отъ васъ оффиціальнаго увѣдомленія отъ 3-го Октября, № 14,358 о всемилостивѣйше дарованныхъ Государемъ Императоромъ нижнимъ чинамъ Кавказскаго корпуса безсрочныхъ отпускахъ, я поспѣшилъ объявить о томъ въ приказѣ по корпусу и поздравилъ войска съ этимъ новымъ знакомъ постоянной, отеческой о нихъ заботливости Его Величества. Выслужившіе срокъ нижніе чины 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій будутъ уволены въ безсрочный отпускъ немедленно, а въ войскахъ Кавказскаго корпуса увольненіе ихъ исполнится постепенно, по мѣрѣ прибытія укомплектованія.

При средствахъ, которыя теперь даны Кавказскому корпусу для его укомплектованія, ряды его совершенно пополнятся къ осени 1858 г.; но въ общей сложности, по отбытіи отсюда 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій, число баталіоновъ на Кавказѣ уменьшится. Временное усиленіе Кавказскаго корпуса посторонними войсками дозволило намъ начать такія обширныя предпріятія, о выполненіи которыхъ съ одними здѣшними силами нельзя было бы и помышлять долгое время. Предпріатія эти еще неокончены, а между тѣмъ они выдвинули насъ въ разныхъ частяхъ Кавказа въ средину враждебнаго населенія и, поставивъ съ нимъ лицомъ къ лицу, требуютъ отъ войскъ, съ уменьшеніемъ числа ихъ, много усилій, отваги и энергіи, чтобы довершить и совершенно упрочить начатое. Дай Богъ, чтобы это было возможно. Отъ смѣтливаго и предпріимчиваго непріятеля,

котораго мы имѣемъ противъ себя, не укроется уменьшеніе числа нашихъ баталіоновъ, и надобно ожидать, что онъ удвоитъ свои усилія для продолженія съ нами борьбы. Въ этомъ убѣжденіи, я полагаю необходимымъ замѣнить то, что́ мы теряемъ въ численности, усовершенствованіемъ оружія, тѣмъ болѣе, что и непріятель, измѣняя вѣковымъ своимъ привычкамъ, начинаетъ предпочитать новѣйшія Европейскія ружья старымъ своимъ винтовкамъ. Горцы всегда имѣли надъ нами преимущество въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи; у нихъ нѣтъ гладкоствольныхъ ружей, а винтовки ихъ уступаютъ въ дѣйствіи только новѣйшимъ штуцерамъ и нарѣзнымъ ружьямъ. Но въ послѣднее время и у нихъ все болѣе и болѣе распространяется употребленіе Европейскихъ винтованныхъ ружей, которыя къ нимъ путемъ Чернаго моря проникаютъ. Прежде впрочемъ полагалось мною достаточнымъ на Кавказѣ вооружить на первое время нарѣзными ружьями только одни стрѣлковыя роты, и сверхъ того, для опыта, одинъ полкъ въ Дагестанѣ. Мнѣ до того времени не случалось видѣть употребленія этого оружія въ бою, и потому я считалъ опытъ необходимымъ. Но теперь, послѣ экспедиціи нынѣшняго года, я постоянно слышу со всѣхъ сторонъ о изумительномъ дѣйствіи нарѣзныхъ ружей, и очевидно мы обязаны этому оружію незначительности потерь, понесенныхъ нами въ нынѣшнемъ году, въ соразмѣрности съ нашими успѣхами.

Убѣждаясь этими опытами, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, исходатайствовать высочайшее повелѣніе о вооруженіи всего Кавказскаго корпуса нарѣзными ружьями сколь возможно въ кратчайшій срокъ. На это была уже объявлена одинъ разъ высочайшая воля; но потомъ, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, вооруженіе Кавказскихъ войскъ этими ружьями на первое время ограничено.—Преступникъ князь Константинъ Дадешкеліанъ разстрѣлянъ въ Кутаисѣ по утру 5 Ноября, не возбудивъ ни въ комъ никакого участія. О мѣрахъ, которыя должны быть теперь приняты въ Сванетіи, я вмѣстѣ съ симъ пишу къ вамъ оффиціально.

8-го Ноября 1857 г. Тифлисъ.

2.

Генералъ Милютинъ доложилъ вамъ списокъ нѣкоторымъ изъ служащихъ на Кавказѣ генераламъ, о которыхъ я просилъ, чтобы имъ дали другое назначеніе внутри Россіи. Теперь съ послѣднимъ фельдъегеремъ я имѣлъ счастіе получить письмо Государя Императора, въ которомъ Его Величество соизволилъ изъявить на это согласіе; а потому я препровождаю къ вамъ для соображеній вашихъ болѣе подробный конфиденціальный списокъ, съ отчетливымъ показаніемъ къ какому назначенію каждый изъ нихъ способенъ. Мнѣ остается только покорнѣйше просить васъ, чтобы прежде назначенія этихъ генераловъ на новыя мѣста я былъ предварительно извѣщаемъ. Съ чувствомъ глубокой признательности принялъ я милость Государя о назначеніи Кавказскимъ войскамъ улучшеннаго порціоннаго довольствія; они крайне нуждались въ этой прибавкѣ и вполнѣ заслуживаютъ ея по своимъ неутомимымъ трудамъ.

Съ послѣднимъ фельдъегеремъ я просилъ васъ оффиціальною бумагою довести до свѣдѣнія Государя Императора, что нѣсколько человѣкъ отставныхъ всадниковъ изъ упраздненнаго Закавказскаго конно-иррегулярнаго полка изъявили желаніе поступить на службу въ регулярную кавалерію на общихъ правахъ. Этотъ небывалый еще примѣръ весьма замѣчателенъ и заставляетъ желать, чтобы просящимся теперь на службу оказаны были всевозможныя поощренія для привлеченія новыхъ охотниковъ. Здѣшнее мусульманское населеніе, такъ-сказать взросшее на конѣ, очень способно къ кавалерійской службѣ. Если первый примѣръ произведетъ большое число подражателей, то мы найдемъ со временемъ въ Закавказскихъ мусульманахъ населеніе, приготовленное уже въ домашнемъ своемъ быту для хорошаго комплектованія нашей линейной кавалеріи. Успѣхъ привлеченія большаго числа охотниковъ будетъ много зависѣть отъ хорошаго начала при опредѣленіи на службу первыхъ просителей. Хотя эти всадники и согласились поступить на общихъ правахъ, но не полагали бы вы полезнымъ не обязывать ихъ продолжительною службою, установленною по общимъ правиламъ, а принимать въ видѣ волонтеровъ?

Если будетъ надежда, что пожелаютъ поступить на службу еще много охотниковъ, то я сообщу вамъ мои соображенія о томъ, какимъ образомъ поддержать это полезное стремленіе, а теперь покорнѣйше васъ прошу исходатайствовать опредѣленіе первыхъ охотниковъ, и чѣмъ скорѣе они будутъ опредѣлены, тѣмъ лучше. Азіятцы вообще очень нетерпѣливы и легко охлаждаются къ тому, чтó нескоро исполняется по ихъ желанію.

Въ этомъ отношеніи было бы весьма полезно предоставить мнѣ отправлять ихъ на службу, тотчасъ по первому изъявленію ими желанія, въ полки, которые будутъ мнѣ указаны.

17 Ноября 1857 года. Тифлисъ.

3.

Горцы Праваго крыла уже начинаютъ понимать опасность своего положенія и, чувствуя свое безсиліе остановить наши успѣхи оружіемъ, изыскиваютъ и другія средства сохранить свои земли и независимость. Изъ посылаемой при семъ довольно любопытной переписки вы увидите, въ какомъ тревожномъ расположеніи духа они находятся.

По секретной бумагѣ вашей о подозрѣніяхъ, падающихъ на Тифлискую коммисаріатскую коммиссію въ томъ, что она, имѣя у себя обширные запасы холста, предъявила къ торгамъ излишнее требованіе на этотъ матеріалъ съ намѣреніемъ войти въ сдѣлку съ подрядчикомъ, я предпочелъ дѣйствовать открыто, но неожиданно. Когда сдѣлалось извѣстно, что послѣдній транспортъ подходитъ уже къ Тифлису, то я поручилъ жандармскому генералу Минквицу освидѣтельствовать весь транспортъ и въ тоже время командировалъ довѣреннаго штабъ-офицера въ Ставрополь, чтобы не допустить подрядчика Ставропольской коммиссіи оказать пособіе здѣшнему подрядчику присылкою холста. Изслѣдованіе показало, что въ Тиф-

лисъ прислано холста болѣе, чѣмъ требовалось по торгамъ, за исключеніемъ фланскаго полотна, которое, кажется, покупалось здѣсь; но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружено, что вопреки, послѣднимъ вашимъ распоряженіямъ, доставленный холстъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сортовъ, изъ которыхъ многіе дурнаго качества, и что въ Тифлиской коммиссіи дѣйствительно есть такой значительный запасъ холста, что въ новой поставкѣ не было ей надобности. Подробности этого дѣла вы узнáете изъ оффиціальнаго моего отзыва, который будетъ отправленъ вслѣдъ за симъ.

Основываясь на взаимныхъ обѣщаніяхъ нашихъ быть откровенными въ нашей перепискѣ и придерживаясь всегда этому слову, я и теперь буду васъ просить со всею откровенностью о генералъ-маіорѣ князѣ Меликовѣ. Въ представленіи моемъ о сохраненіи ему столовыхъ денегъ по прежнему званію его начальника Лезгинской кордонной линіи я получилъ отказъ (отъ 16 Іюля № 9095 по Инспекторскому Департаменту). Причина отказа состояла въ томъ, что онъ, числясь теперь при корпусѣ, не занимаетъ никакой должности. Это было бы совершенно справедливо, если бы князь Меликовъ былъ удаленъ отъ должности по соображеніямъ, относящимся до личныхъ его качествъ; но я считаю его однимъ изъ способнѣйшихъ генераловъ на Кавказѣ и имѣю въ виду поручить ему со временемъ одну изъ высшихъ должностей. При новомъ военномъ раздѣленіи Кавказскаго края, званіе командующаго войсками на Лезгинской линіи соединилось съ званіемъ начальника Кавказской гренадерской дивизіи, и потому князь Меликовъ долженъ былъ уступить прежнее свое мѣсто старшему по службѣ генералу барону Вревскому, послѣ 4-хъ лѣтняго дѣятельнаго и весьма полезнаго командованія линіею. Онъ остался, такъ-сказать, за штатомъ, и я столько же полагалъ справедливымъ сохранить ему по этой причинѣ прежнее содержаніе впредъ до назначенія на новую должность, сколько и желалъ, чтобы это служило знакомъ, что онъ оставляетъ мѣсто съ почетомъ. Послѣ отказа я до сихъ поръ не повторялъ моего ходатайства, хотя я былъ этимъ весьма огорченъ; но теперь, когда я узналъ, что князь Меликовъ находится съ своимъ семействомъ въ крайне-стѣсненномъ положеніи, то считаю своимъ долгомъ возобновить мою просьбу о назначеніи ему столовыхъ денегъ по 1961 р. 40 к. сер., которыя онъ получалъ во время исправленія имъ должности начальника Джаро-Бѣлоканской области и Лезгинской кордонной линіи.

По вопросу вашему куда отправить изъ Одессы Ибрагима-ханъ-оглу: въ Тифлисъ къ генералу Филипсону или въ другое мѣсто, я предварительно спрашиваю о томъ мнѣнія генерала Филипсона и прошу графа Строгонова узнать, въ чемъ состоятъ предложенія Хана-оглу, полагаетъ ли онъ дѣйствовать въ нашу пользу, оставаясь между нами, или желаетъ отправиться для того въ горы и тогда что́ намѣренъ предпринять? Во всякомъ случаѣ присылка его въ Тифлисъ не принесетъ никакой пользы. Генералъ Карлгофъ, служившій на Черноморской береговой линіи, имѣетъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія и сомнѣвается, чтобы и въ другихъ мѣстахъ Кавказа

Ханъ-оглу могъ быть намъ полезенъ, полагая, что одна крайность, когда преслѣдовала его Турецкая полиція, вынудила его обратиться къ нашему посланнику въ Константинополѣ съ обманчивымъ предложеніемъ услугъ Русскому правительству, но еслибы онъ п· дѣйствительно имѣлъ это желаніе, то не имѣетъ столько значенія у горцевъ, чтобы достигнуть этой цѣли. Одна польза, которую мы могли бы ожидать, отпустивъ его въ горы, можетъ состоять въ томъ, что мы противупоставили бы Сеферъ-бею естественнаго его противника. Впрочемъ обстоятельства могли теперь измѣниться, и я ожидаю отъ генерала Филипсона его мнѣнія. Изъ прошлой жизни Ханъ-оглу извѣстно мнѣ только, что онъ ведетъ свой родъ отъ Крымскихъ хановъ, но происхожденіе это считаютъ сомнительнымъ; долгое время онъ жилъ въ безвѣстности, не имѣя никакого значенія у горцевъ и занимаясь мастерствомъ серебряныхъ дѣлъ; но когда Магометъ-эминъ утвердилъ свою власть надъ Закубанскими племенами, то онъ сдѣлался ревностнымъ его поборникомъ и при шаткой власти наиба неизмѣнно слѣдовалъ за его судьбою во всѣхъ ея переворотахъ. Въ исходѣ 1852 г. онъ пробрался въ Константинополь съ бумагами отъ Магометъ-эмина.

9 Декабря 1857 г. Тифлисъ.

4.

Возвратившійся на дняхъ изъ С.-Петербурга ген. Милютинъ вручилъ мнѣ письмо ваше отъ 7-го Декабря и передалъ всѣ данныя ему словесныя порученія. Я узналъ съ большимъ удовольствіемъ, съ какимъ радушіемъ и добрымъ расположеніемъ онъ былъ вами принятъ, и я душевно признателенъ за оказанное вами содѣйствіе удовлетворительному рѣшенію всѣхъ дѣлъ, которыя я поручалъ ему. Меня радуетъ, что предположенныя мною улучшенія въ военномъ управленіи здѣшняго края, давно уже настоятельно требуемыя, теперь осуществились, наконецъ, благодаря вашему ходатайству. Съ нетерпѣніемъ ожидаю окончательнаго объявленія новыхъ высочайше утвержденныхъ штатовъ и вслѣдъ затѣмъ войду съ представленіемъ о назначеніи лицъ на всѣ должности, вновь учреждаемыя или преобразуемыя. Отъ этихъ измѣненій, какъ въ устройствѣ разныхъ управленій, такъ и въ личномъ составѣ ихъ, я ожидаю положительныхъ результатовъ и надѣюсь вполнѣ, что во всѣхъ предстоящихъ мнѣ распоряженіяхъ для приведенія новаго проекта въ исполненіе я найду въ вашемъ содѣйствіи самую сильную помощь. Въ теченіе же 1858 года будутъ обрабатываться также и другія переобразованія по тѣмъ отраслямъ управленія, по которымъ не представлено еще полныхъ проектовъ.

Относительно генерала Козловскаго, я не могу теперь сказать ничего положительнаго до личнаго съ нимъ объясненія, для чего и требую его сюда.—Высочайшее соизволеніе на пріемъ отставныхъ всадниковъ бывшаго конно - мусульманскаго полка въ регулярныя войска, даетъ средство не только избавить здѣшній край отъ безполезныхъ тунеядцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ не безъ пользы и для кавалерійскихъ нашихъ

полковъ, въ которыхъ не лишними будутъ подобные наѣздники, молодцоватые на видъ и храбрые удальцы. Притомъ я могу для успокоенія вашего объяснить, что всадники эти просятся въ регулярную кавалерію на общихъ правахъ, не требуя никакихъ для себя преимуществъ ни по службѣ, ни въ содержаніи.

Если какія-либо облегчительныя правила и могутъ быть допущены въ ихъ пользу, то они будутъ вполнѣ зависѣть отъ вашего представленія и милости Государя Императора. Я же съ своей стороны полагалъ бы только справедливымъ разрѣшить, чтобы эти люди отправляемы были въ полки не по этапамъ, а на почтовыхъ, о чемъ я вслѣдъ за симъ войду съ оффиціальнымъ представленіемъ.

Относительно покупки хлѣба въ Приволжскихъ губерніяхъ Кавказскими поставщиками, я вникну подробнѣе въ это дѣло и въ свое время буду отвѣчать на оффиціальное ваше увѣдомленіе. Притомъ нахожу однакожъ необходимымъ коснуться одного, весьма щекотливаго вопроса. Милютинъ передалъ мнѣ вашъ отзывъ о здѣшнемъ генералъ-интендантѣ, на котораго будто бы падаетъ нѣкоторое сомнѣніе по дѣлу Астраханской провіантской коммиссіи. Адъютантъ вашъ г. Толстой, лично объясняя ген. Милютину свои подозрѣнія на генерала Колосовскаго, ссылался притомъ на показанія Астраханскаго жандармскаго полковника Сиверикова. Подобное обвиненіе я счелъ столь важнымъ, когда дѣло идетъ о лицѣ, коему довѣрено одно изъ важнѣйшихъ управленій въ арміи, что немедленно же вытребовалъ сюда полковника Северикова и съ глазу на глазъ разспросилъ его объ упомянутомъ обстоятельствѣ. Онъ объявилъ мнѣ наотрѣзъ, что рѣшительно не имѣетъ никакого факта для обвиненія въ чемъ-либо генерала Колосовскаго и что не выражалъ даже и малѣйшаго подозрѣнія своего на счетъ безкорыстія его. Считаю необходимымъ сообщить вамъ объ этомъ только для собственнаго вашего соображенія; но признаюсь вамъ, что мнѣ было бы до крайности прискорбно, еслибы лицо столь близкое ко мнѣ по своему званію, какъ генералъ-интендантъ, подало даже поводъ къ подозрѣнію. Какъ ни трудно было бы замѣстить Колосовскаго, коего способности и умъ лично мнѣ извѣстны, однакоже я прошу васъ открыть мнѣ все, чтó до васъ дошло на его счетъ, чтобы я могъ удостовѣриться въ истинѣ обвиненія или же опровергнуть его, какъ клевету.

Изъ Чечни получилъ я на дняхъ свѣдѣнія самыя утѣшительныя и надѣюсь, что Государь Императоръ изволитъ остаться довольнымъ послѣднимъ журналомъ военныхъ дѣйствій генерала Евдокимова. Огромное число переселяющихся Чеченцевъ ясно показываетъ, что дѣло покоренія Чеченской плоскости окончательно довершено.

Сердечно радуюсь благому началу предположеннаго общества для поддержанія христіанства на Кавказѣ. Августѣйшее имя, поставленное во главѣ этого высокаго предпріятія, служитъ полнымъ ручательствомъ успѣха. Я увѣренъ, что вы будете въ числѣ самыхъ усердныхъ и дѣятельныхъ сподвижниковъ этого благаго дѣла. Помогите созиданію новаго зданія; мы же

здѣсь обдумываемъ подробности предпріятія, и въ свое время я представлю мои предположенія о самомъ ходѣ дѣйствій новаго общества.

31 Декабря 1857 года. Тифлисъ.

5.

Полагаю что вамъ уже извѣстно изъ представленнаго Козловскимъ военнаго журнала удачное его наступательное движеніе за р. Бѣлую, въ самыя нѣдра Абадзехскаго населенія. Этимъ успѣхомъ блистательно увѣнчались десяти-мѣсячные, неутомимые труды Майкопскаго отряда, который несмотря на отчаянное противудѣйствіе непріятеля выполнилъ совершенно возложенную на него въ прошломъ году задачу: возвелъ новое укрѣпленіе и полковую штабъ-квартиру у подножія горъ, въ 54-хъ верстахъ отъ ближайшихъ частей прежней передовой нашей Лабинской линіи, и упрочилъ наше положеніе на р. Бѣлой. Занятіемъ этой линіи отрѣзано у непріятеля обширное пространство, ожидающее Русскаго казачьяго поселенія; передовая линія наша значительно сократилась и примыкаетъ плотно къ непроходимымъ горамъ. Воинственный духъ и самостоятельность Абадзеховъ—сильнѣйшаго изъ племенъ Закубанскихъ—замѣтно поколебались.

Между тѣмъ со стороны Черноморіи Филипсонъ также успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе: несмотря на зловредное вліяніе климата на здоровье Адагумскаго отряда, укрѣпленіе Нижне-Адагумское устранены окончательно и гарнизонъ, въ немъ оставленный, не только огражденъ отъ всякаго покушенія непріятеля, но и обезпеченъ теплымъ на зиму помѣщеніемъ. Филипсонъ вполнѣ надѣется, что причины болѣзненности, свирѣпствовавшей въ прошломъ году въ Адагумскомъ отрядѣ, будутъ устроены въ предстоящее лѣто, тѣмъ болѣе, что климатъ несравненно лучше на томъ мѣстѣ, гдѣ предположено строить главное или центральное укрѣпленіе Адагумской линіи.

Таковы результаты военныхъ дѣйствій 1857 года на Правомъ крылѣ Кавказской линіи. Войска этой части Кавказа вынесли неимовѣрные труды съ самоотверженіемъ и мужествомъ и я смѣю думать, что они также удостоятся Высокомонаршаго вниманія, знаки коего уже неоднократно выражены войскамъ другихъ отрядовъ. Что касается до самого генерала Козловскаго, то я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи для этого почтеннаго ветерана алмазныхъ знаковъ св. Александра Невскаго. Новая эта Монаршая милость достойно украситъ конецъ его боеваго поприща.

По мѣрѣ того какъ дѣла наши подвигаются впередъ на Правомъ крылѣ, меня все болѣе и болѣе занимаетъ мысль о тѣхъ средствахъ, которыя потребуются, быть можетъ, въ самомъ непродолжительномъ времени для упроченія нашего положенія въ краѣ. Вамъ представлена уже ген. Милютинымъ, въ бытность его въ С.-Петербургѣ, записка относительно развитія въ большемъ размѣрѣ казачьяго населенія за Кубанью, и о будущности туземныхъ племенъ постепенно стѣсняемыхъ въ своемъ поземельномъ довольствіи. Не нужно мнѣ объяснять вамъ всю важность этого вопроса; но

я убѣдительнѣйше прошу васъ не отлагать на долгое время рѣшенія его, дабы не случилось, что мы, среди нашихъ успѣховъ и въ самую рѣшительную минуту, встрѣтимъ вдругъ недоумѣніе и гибельную остановку. Коснувшись этого предмета, я считаю не лишнимъ препроводить къ вамъ копію съ записки, полученной мною при частномъ письмѣ отъ Павла Евстафьевича Коцебу, и вмѣстѣ съ тѣмъ мои объясненія на замѣчанія его, а также особую записку, въ которой представленъ общій очеркъ положенія нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, для большаго разъясненія дѣлъ и изложенныхъ ген. Милютинымъ предположеній.

Дѣла наши на Лѣвомъ крылѣ также подвинулись замѣтно въ послѣднее время: вамъ извѣстно вполнѣ, что̀ такое Аргунское ущелье и какъ давно мы стремились къ овладѣнію имъ; теперь этотъ ключъ Чечни въ нашихъ рукахъ и, что̀ всего пріятнѣе для меня, онъ достался намъ почти безъ пожертвованій. Теперь мы будемъ стараться извлечь изъ этого пріобрѣтенія сколь можно болѣе прочныя и существенныя выгоды для дальнѣйшаго утвержденія нашего господства въ этомъ краѣ.

На дняхъ я надѣюсь сообщить вамъ для всеподданѣйшаго представленія на высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе нѣкоторыя новыя соображенія мои по предмету будущихъ нашихъ отношеній вообще къ туземному населенію Кавказа, нынѣ непокорному и враждебному, а въ особенности о нашихъ видахъ относительно племенъ Черкесскихъ, обитающихъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Соображенія эти принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, требующихъ нынѣ рѣшенія.

Представленный мною и предварительно уже удостоившійся высочайшаго одобренія проектъ преобразованія военнаго управленія на Кавказѣ до сихъ поръ еще не могъ быть приведенъ въ исполненіе по неполученію окончательнаго утвержденія; между тѣмъ дѣло это не терпитъ отлагательства, и я опасаюсь, чтобы чрезъ дальнѣйшее промедленіе нѣкоторыя части администраціи, находясь въ переходномъ положеніи, не пришли въ разстройство. Къ числу частей, наиболѣе требующихъ скораго преобразованія, принадлежитъ артиллерійская, и я убѣдительнѣйше прошу ваше высокопревосходительство приказать ускорить дѣло о предположенной мною новой организаціи полевой и гарнизонной артиллеріи. Ген. Милютинъ мнѣ сказалъ, что проектъ мой съ перваго раза былъ одобренъ вами; между тѣмъ до сихъ поръ я не имѣю свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Если оно должно идти въ Военный Совѣтъ, то я вынужденъ просить васъ исходатайствовать у Государя Императора предварительное разрѣшеніе, чтобы я могъ, не ожидая окончательнаго утвержденія всѣхъ представленныхъ мною штатовъ и табелей, постепенно приводить въ исполненіе тѣ части проекта моего, которыя я признаю особенно неотлагательными.

7 Февраля 1858 года. Тифлисъ.

6.

Съ благоговѣйною признательностью узналъ я о всемилостивѣйшемъ соизволеніи Государя Императора на представленныя мною назначенія: князя Бебутова, князя Орбельяна, барона Врангеля и князя Эристова, съ производствомъ послѣдняго въ генералъ-лейтенанты. Я вполнѣ надѣюсь, что всѣ эти назначенія принесутъ существенную пользу службѣ Его Императорскаго Величества. Князя Бебутова оживило извѣстіе объ оказанной ему милости Монарха; но старикъ становится съ каждымъ днемъ все слабѣе и дряхлѣе. Не менѣе порадовало меня и милостивое вниманіе Государя Императора къ заслугамъ г.-л. Евдокимова и всего его отряда: оно одушевитъ войска новымъ рвеніемъ на славу нашего возлюбленнаго Царя.

На Правомъ крылѣ войска оказали въ теченіе прошлаго года не менѣе тяжкихъ трудовъ. Утвержденіе наше предъ Майкопскимъ ущельемъ есть такой важный шагъ впередъ, что составитъ эпоху въ исторіи завоеванія Закубанскаго края. Дѣйствіями Майкопскаго отряда постоянно руководилъ самъ ген. Козловскій, который, несмотря на свои лѣта, дряхлость и больныя ноги, находился лично около 9-ти мѣсяцевъ безотлучно при войскахъ и вынесъ всѣ тягости зимней экспедиціи. Нельзя не отдать справедливости этому почтенному воину, который до самаго конца своего боеваго поприща велъ себя истиннымъ солдатомъ. Послѣднее несчастное происшествіе (обмороженныхъ ногъ въ трехъ разныхъ колоннахъ) не можетъ бросать ни малѣйшей тѣни на ген. Козловскаго: по произведенному подробно слѣдствію, я убѣдился, что несчастіе это произошло исключительно отъ причинъ естественныхъ, которыхъ отвратить не было въ силахъ человѣческихъ, и никого положительно обвинить въ этомъ происшествіи я не могу. Въ этомъ смыслѣ я сообщу вамъ оффиціальное заключеніе мое по этому дѣлу съ покорнѣйшею просьбою всеподданнѣйше повергнуть на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Государя Императора. Что́ же касается до прорывовъ, довольно часто повторявшихся въ послѣднее время въ Черноморіи, то они весьма обыкновенны въ зимнее время, когда ледъ на Кубани уничтожаетъ природную преграду отъ горцевъ. Однакоже непріятельскіе прорывы вездѣ встрѣчали отпоръ и нигдѣ не имѣли положительнаго успѣха; а слѣдовательно я не нахожу ни малѣйшаго повода въ чемъ-либо упрекнуть мѣстное военное начальство въ этомъ случаѣ.

При этомъ я однакоже долженъ упомянуть, что о Черноморскихъ линейныхъ баталіонахъ до меня еще не доходило никакихъ особенно невыгодныхъ свѣдѣній. Если они не совсѣмъ удобно помѣщены, то иначе и быть не могло. Надобно вспомнить, что едва прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ эти баталіоны вступили въ страну, опустошенную и раззоренную войною. Всѣ прежнія помѣщенія войскъ были разрушены; надобно было коекакъ устраивать временныя жилья, или исправляя прежнія, сохранившіяся развалины казармъ, или устраивая бараки и т. п. Строить въ томъ краѣ что-нибудь прочное еще не было возможности, по неимѣнію рукъ, денегъ,

и времени. Изнурять солдатъ усиленною работою особенно опасно въ Абхазіи и въ Гуріи, гдѣ и безъ того такъ трудно предохранять войска отъ гибельнаго вліянія климата. Впрочемъ я поручилъ князю Эристову при предстоящей поѣздкѣ въ Абхазію внимательно осмотрѣть положеніе находящихся тамъ баталіоновъ и подробно донести мнѣ обо всемъ, что́ найдетъ. На искренность и прямоту князя Эристова я вполнѣ полагаюсь, и когда узнаю отъ него что-нибудь положительное, не замедлю о томъ сообщить вашему высокопревосходительству.

На дняхъ я получилъ одну чрезвычайно непріятную для меня бумагу, именно о назначеніи командира въ Кавказскій № 1-й саперный баталіонъ. Прежде оффиціальнаго отвѣта на это отношеніе я пишу нынѣ же прямо къ Его Императорскому Высочеству Генералъ-Инспектору по инженерной части и, прося снисхожденія Его Высочества къ неумышленному отступленію моему отъ установленнаго порядка переписки, я однакоже убѣдительно прошу Великаго Князя не настаивать на своемъ отказѣ, чтобы не оскорбить заслуженнаго офицера и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить меня лично въ крайне-затруднительное положеніе. Не стану распространяться о томъ, какія основанія я имѣлъ въ выборѣ подполк. Типольда на означенное мѣсто; но, каковъ бы ни былъ мой выборъ, нѣтъ уже возможности отмѣнить его, не касаясь достоинства моего званія. Убѣдительнѣйше прошу васъ оказать мнѣ содѣйствіе къ удовлетворительному рѣшенію возникшаго затрудненія, предстательствомъ вашимъ предъ Великимъ Княземъ, чтобы Его Высочество милостиво простилъ невольную ошибку, сдѣланную въ канцелярскомъ порядкѣ дѣлопроизводства и не настаивалъ на своемъ отказѣ, который имѣлъ бы крайне-затруднительныя послѣдствія.

27 Февраля 1858 года. Тифлисъ.

Въ письмѣ ко мнѣ отъ 6-го сего Мая, в. в—во говорите о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ словахъ этихъ я съ удовольствіемъ вижу, съ одной стороны, ваше доброе вниманіе ко мнѣ лично, а съ другой—постоянное стремленіе ваше поддержать мои служебныя представленія. Я весьма цѣню то и другое и никогда не сомнѣвался въ той рыцарской прямотѣ, въ томъ возвышенномъ благородствѣ, которыя знаменуютъ всегда всѣ ваши дѣла и отношенія. Мнѣ остается желать отъ всей души, чтобы, отдохнувъ за границею отъ важныхъ государственныхъ трудовъ, вы сколь можно скорѣе возвратились съ укрѣпившимся здоровьемъ и снова приняли на себя управленіе, столь для ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ благотворное.

28 Мая 1858 года. Тифлисъ.

7.

Истиннымъ удовольствіемъ было для меня получить письмо ваше изъ Варшавы отъ 18-го Сентября и узнать отъ фельдъегеря, что вы возвратились изъ-за границы съ возстановленнымъ зрѣніемъ. Желаю отъ глубины сердца, чтобы здоровье ваше, укрѣпленное отдыхомъ, дало вамъ силы на вновь предстоящіе труды.

По высочайшему повелѣнію ваше в. превосходительство спрашиваете меня о генералѣ Хрулевѣ. Я долженъ отвѣчать вамъ совершенно конфиденціально и съ полною откровенностью. Зная самъ отличныя военныя достоинства сего генерала и имѣвъ еще въ прошломъ году мысль употребить его на Кавказѣ, я входилъ съ нимъ въ самыя искреннія объясненія какъ относительно его образа мыслей, такъ и образа жизни, и долженъ къ крайнему сожалѣнію сказать, что объясненія эти убѣдили меня въ невозможности довѣрить ему какой-либо важный постъ въ здѣшней военной администраціи. Притомъ, въ настоящее время, когда дѣла здѣсь принимаютъ самый рѣшительный оборотъ, болѣе чѣмъ когда либо необходимы на главныхъ военныхъ постахъ люди, вполнѣ и глубоко знакомые съ положеніемъ ввѣреннаго имъ края; а генералу Хрулеву пришлось бы на Лезгинской линіи, прежде чѣмъ командовать, учиться и знакомиться съ людьми. Въ этомъ отношеніи я отдалъ предъ всѣми другими генералами предпочтеніе князю Меликову, именно потому, что я могу вполнѣ положиться на его знаніе края, привычку къ здѣшней войнѣ, на его свѣжія силы нравственныя и физическія и потому, что всѣ его подчиненные уже лично ему хорошо извѣстны. Я остаюсь убѣжденнымъ, что князь Меликовъ болѣе всѣхъ другихъ генераловъ способенъ занять это мѣсто, и убѣдительнѣйше прошу ваше высокопревосходительство поддержать мой выборъ всею силою вашего ходатайства передъ Государемъ Императоромъ.

7 Октября 1858 года. Тифлисъ.

8.

Отзывомъ отъ 29-го Сент, за № 12850, ваше в—во сообщили мнѣ, что на представленіе мое о назначеніи полковн. Кузьмина комендантомъ крѣпости Ахалцыха не послѣдовало высочайшаго соизволенія, на томъ основаніи, что комендантскія должности замѣщаются преимущественно ранеными. Еслибъ по существующимъ постановленіямъ назначеніе на комендантскія должности было ограничено исключительно ранеными, я никакъ и не дозволилъ бы себѣ войти съ представленіемъ о полковникѣ Кузьминѣ; но какъ въ приведенной вами статьѣ закона положено назначать только *преимущественно* раненыхъ, то я и нашелъ вполнѣ справедливымъ отдать предпочтеніе предъ всѣми другими кандидатами на мѣсто Ахалцыхскаго коменданта названному штабъ-офицеру, который обратилъ на себя справедливое вниманіе не только мое, но и предмѣстниковъ моихъ своею безукоризненною, неутомимою и почти полувѣковою службою, для которой онъ пожертвовалъ здоровьемъ и зрѣніемъ; а потому я счелъ его болѣе многихъ изувѣченныхъ воиновъ достойнымъ получить обезпеченное положеніе въ преклонныя лѣта его. Крѣпость Ахалцыхъ, по своему пограничному положенію, должна имѣть начальника распорядительнаго, твердаго и вполнѣ благонадежнаго. Между тѣмъ при объѣздѣ края, въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ, я удостовѣрился лично, что бывшій комендантъ полковникъ Костырко (нынѣ въ отставкѣ г.-маіоръ), при всей знаменитой въ здѣшнемъ краѣ храбрости

своей и тяжелыхъ ранахъ, никакъ не могъ быть далѣе оставленъ на этомъ мѣстѣ; а потому я тогда же вытребовалъ въ Ахалцыхъ полковника Кузьмина и приказалъ ему немедленно вступить въ комендантскую должность, не сомнѣваясь нисколько, что представленіе мое удостоится высочайшаго утвержденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ должность генералъ-гевальдигера, при главномъ штабѣ Кавказской арміи, на мѣсто полковника Кузьмина поступилъ уже подполковникъ Сагиновъ.

Полученный нынѣ отказъ на предположенныя мною назначенія поставляетъ меня въ крайнее затрудненіе отмѣнить сдѣланное уже распоряженіе; отмѣна эта не только огорчила бы обоихъ названныхъ штабъ-офицеровъ, но и разстроила бы ихъ въ семейномъ и домашнемъ положеніи. Поэтому я нахожусь вынужденнымъ убѣдительнѣйше просить ваше высокопревосходительство снова повергнуть всѣ изложенныя обстоятельства на милостивое воззрѣніе Государя Императора и всеподданнѣйше исходатайствовать высочайшее соизволеніе на предположенныя мною назначенія полковника Кузьмина комендантомъ въ кр. Ахалцыхъ, а подполковника Сагинова—генералъ-гевальдигеромъ при главномъ штабѣ Кавказской арміи.

Если же и за симъ Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ высочайше повелѣть, чтобы отнынѣ на комендантскія должности назначались исключительно раненые, то ваше в—во не откажите мнѣ испросить по крайней мѣрѣ соизволеніе Государя Императора на временное оставленіе Кузьмина въ Ахалцыхѣ въ должности коменданта, пока я не пріищу кого-либо достойнаго этого мѣста изъ числа раненыхъ, а для самого Кузьмина другаго соотвѣтствующаго ему назначенія.

3 Ноября 1858 года. Тифлисъ.

9.

Въ дополненіе къ оффиціальному моему отзыву отъ сего же числа относительно предназначенныхъ новыхъ подкрѣпленій для Кавказской арміи, я желаю еще прибавить нѣсколько словъ, чтобы выразить вамъ, сколько я радъ, что вы убѣдились теперь, какъ необходимо при настоящемъ положеніи дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ дѣйствовать энергически и настойчиво. Послѣдующіе факты, какъ я надѣюсь, еще очевиднѣе подтвердятъ мои слова и покажутъ, что пожертвованія, которыя мы дѣлаемъ нынѣ, выкупятся съ избыткомъ важными результатами.

Считаю также необходимымъ воспользоваться предложеніемъ вашимъ сформировать четвертые баталіоны въ полкахъ 18-й дивизіи. Четыре лишнихъ баталіона весьма важны для насъ въ разсчетѣ силъ, въ особенности потому, что въ послѣдніе годы войска Кавказскія выносятъ труды почти превышающія силы человѣческія. Крайне-необходимо дать имъ хотя сколько нибудь перевести духъ; а достигнуть этого можно не иначе какъ прибавкою числа ихъ, такъ чтобы они могли имѣть нѣкоторую очередь въ работѣ. Въ этомъ отношеніи ожидаемыя подкрѣпленія окажутъ самое благодѣтельное вліяніе на положеніе Кавказскихъ полковъ, которые будутъ благословлять оказываемую имъ Государемъ Императоромъ милость.

Что́ касается до финансовыхъ предметовъ, которыхъ вы коснулись въ письмахъ вашихъ отъ 25 и 26 Октября, то вы можете быть вполнѣ увѣрены, что строгая экономія въ расходахъ составляетъ предметъ и моихъ заботъ; но вы сами знаете, какъ трудно урѣзывать тамъ, гдѣ уже нѣтъ ничего лишняго, и гдѣ напротивъ того ощущается во многомъ скудность. Во всякомъ случаѣ я прошу васъ твердо быть увѣреннымъ въ искреннемъ желаніи моемъ дѣйствовать за одно съ вами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть возможность соблюсти благоразумную экономію безъ ущерба для пользы государственной; съ своей же стороны я полагаюсь вполнѣ на просвѣщенные и благонамѣренные виды, съ которыми вы оказываете мнѣ помощь для блага ввѣреннаго мнѣ края и арміи.

22 Ноября 1858 года. Тифлисъ.

Е. Письма военнаго министра Н. О. Сухозанета къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Письмо ваше отъ 31-го Декабря я имѣлъ удовольствіе получить. Душевно радъ, если могъ удовлетворить видамъ вашимъ, порученнымъ г.-м. Милютину; все остальное исполняется безъ замедленія, но для окончанія требуетъ еще нѣкотораго соглашенія.

Отправленіе отставныхъ всадниковъ бывшаго конно-мусульманскаго полка на почтовыхъ допустить можно, если число людей не будетъ значительное. На счетъ ген. Колосовскаго фактовъ нѣтъ, но распоряженія 1855 и 1856 годовъ навлекаютъ сомнѣніе; Толстой—человѣкъ посторонній, даже не знаетъ ген.-интенданта; не полагаю, чтобы онъ что нибудь выдумывалъ, объяснялъ свое убѣжденіе, полученное имъ въ Астрахани и подкрѣпленное по его словамъ полк. Севериковымъ. Настоящая покупка хлѣба въ Приволжскихъ пристаняхъ, съ выдачею свидѣтельствъ отъ интендантства, равнымъ образомъ не въ пользу общаго дѣла. Я весьма далекъ мысли, что нужно было замѣщать какъ Затлера, такъ и Колосовскаго; дѣлать это не слѣдовало и не слѣдуетъ; но осторожность и наблюденіе не могутъ быть излишними.

Послѣднимъ журналомъ ген. Евдокимова Государь былъ чрезвычайно доволенъ, повелѣвъ объявить всемилостивѣйше всѣмъ благоволеніе и нижнимъ чинамъ по 1 рублю. Евдокимова предположено наградить по окончаніи второй экспедиціи. Такъ какъ вы мнѣ дозволяете доводить до вашего свѣдѣнія, хотя не оффиціальныя, но сильно подтверждаемыя мысли, то *съ прискорбіемъ долженъ сказать, что мнѣніе о благонамѣренности и безкорыстіи Евдокимова сильно омрачаетъ его военныя достоинства.*

По мѣрѣ силъ и возможности радъ буду содѣйствовать прочному водворенію христіанства на Кавказѣ. Тоже самое необходимо въ Болгаріи и даже въ Іерусалимѣ; но средства для сего нужныя весьма скудны; вездѣ и во всемъ крайне-необходимомъ Брокъ тормозитъ колеса; расходы умень-

шиться не могутъ (таковъ законъ бытія каждаго процвѣтающаго государства), но увеличеніе приходовъ не ростетъ въ соразмѣрности нуждъ и пользъ края.

Газета „Кавказъ“ умалчиваетъ о маленькихъ неудачахъ, напр. о потерѣ изъ 2-хъ ротъ Кубанскаго пѣх. полка; полагаю, полезнѣе и соотвѣтственно достоинству правительства писать правду, заставить этимъ вѣрить безусловно нашимъ показаніямъ и тѣмъ предупреждать непріязненныя вѣсти журналистики иностранной. Такъ дѣйствовалъ въ Крыму кн. Меньшиковъ, и единственно его свѣдѣніямъ Европа вѣрила.

Министръ иностранныхъ дѣлъ проситъ меня войти съ вами въ неоффиціальное сношеніе: не можете ли вы весь 1858 годъ и весну 1859 года удержать еще существованіе Анапы, хотя бы Поти и могъ быть открытъ къ навигаціи 1858 года. Существованіе Анапы пока, какъ пунктъ нашей береговой линіи, по соображенію кн. Горчакова, весьма важно въ дипломатическихъ его сношеніяхъ. Мы вамъ даемъ 13-й стрѣлковый батальонъ на все время пребыванія у васъ 13-й дивизіи. Увѣдомьте меня, какой вы имѣете на это взглядъ, причемъ необходимо кн. Горчакову оффиціально знать, къ какому именно времени можетъ быть открыта торговля въ Поти.

14 Января 1858 года. С. П. Б.

2.

Отъѣзжаю 17-го сего числа за границу, первоначально въ Берлинъ оперировать глазъ, а потомъ нѣсколько отдохнуть. Невольно на нѣсколько мѣсяцевъ прервутся наши взаимныя отношенія. Въ теченіи двухъ лѣтъ, всегда и постоянно, я стремился удовлетворить вашему желанію, и ежели иногда возражалъ, то никогда не съ другой цѣлью, какъ въ истинномъ желаніи лучшаго, и въ особенности сбереженія, столь необходимаго и такъ тягостно на военномъ министерствѣ лежащаго. Вы великодушны, хотите справедливо наградить службу каждаго достойно и обезпечить будущность заслуженныхъ; но есть ли возможность удовлетворить всѣмъ крайнимъ необходимостямъ? Пишу сіе для того, чтобы еще повторить, что никогда ни въ чемъ не противурѣчилъ единственно лишь для опозиціи.

Кубанское ваше плаваніе, нечего дѣлать, нужно хотя въ видѣ заимообразно исполнить на ваши средства; авось компанія въ послѣдствіи все отдастъ. Это вчера высочайше разрѣшено, но сообщить не успѣлъ.

6 Мая 1858 года. Царское Село.

3.

Въ дополненіе письма моего отъ вчерашняго числа, поспѣшаю васъ увѣдомить, что отзывы ваши за №№ 2652 и 2653 получены вмѣстѣ со смѣтою интендантства вчера поздно вечеромъ; содержаніе послѣдняго довелъ я до свѣдѣнія Его Величества тотчасъ. Государь самъ вамъ пишетъ и мнѣ разрѣшить соизволилъ поставить васъ въ точную извѣстность о нашемъ финансовомъ положеніи.

Съ 1856 года на 1857-й исчисленіе потребности смѣты Военнаго Министерства простиралось до 121 м., въ счетъ коихъ было показано къ зачету отъ оставшихся запасовъ войны денежныхъ и матеріальныхъ 32 м., такъ что дѣйствительный отпускъ изъ казначейства требовался всего 82 м.=76 м. непремѣннаго и 6 м. условнаго.

Въ теченіе 1858 года сокращеній никакихъ не сдѣлано, а увеличеніе прежнихъ расходовъ и явившихся во всѣхъ частяхъ Имперіи новыхъ потребностей не сократитъ, а возвыситъ цифру прошлогодняго бюджета; къ зачету же у меня рѣшительно ничего болѣе не имѣется. Сколько же можетъ быть таковаго показано отъ вашихъ прежнихъ лѣтъ остатковъ, не имѣю еще отъ васъ увѣдомленія. Притомъ крайняя необходимость требуетъ прибавки жалованья хотя до баталіонныхъ командировъ включительно. На это нужно около 4 м.; а между тѣмъ министръ финансовъ объявилъ, что ежели онъ будетъ обязанъ удовлетворить въ числѣ другихъ Военное Министерство, примѣняясь къ потребности онаго въ прошедшемъ году, то-есть около 100 м., то онъ рѣшительно (не взирая на надбавку 40 м. за откупа) признаётъ себя не въ состояніи и показываетъ дефициту на предстоящій 1859 годъ болѣе 12 м. рублей. Изъ сего вы усмотрите, что нѣтъ никакой возможности вносить въ смѣту 156 т. на усиленіе жалованья служащимъ на линіи, тѣмъ болѣе, что, въ предположеніи моемъ о прибавкѣ жалованья всей Россійской арміи, я имѣлъ уже въ виду сравнять ваши оба отдѣла. Объяснивъ вамъ всю трудность финансоваго положенія государства и крайне недостаточное положеніе ассигнуемыхъ военному министру способовъ, я убѣдительнѣйше васъ прошу не приписывать нежеланію моему удовлетворить всѣмъ вашимъ предначертаніямъ, а рѣшительной невозможности исполненія оныхъ. Всѣ безъ изъятія отдѣльные начальники возвысили свои требованія; какъ всѣмъ угодить? Эта задача едвали не труднѣе квадратуры круга. Бога ради по возможности облегчите трудное наше положеніе.

26 Октября 1858 года. Царское Село.

4.

Письмо ваше, отъ 22 Ноября, я имѣлъ удовольствіе получить и поставляю себѣ долгомъ увѣдомить, что сформированіе четвертыхъ батальоновъ 18-й пѣхотной дивизіи высочайше разрѣшено; для 16-ти батальоновъ Кавказской резервной дивизіи повелѣно сформировать стрѣлковыя роты при прочныхъ кадрахъ, данныхъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Всѣ посылаемыя къ вамъ войска будутъ отправлены въ возможной скорости и исправности. Оффиціальные отзывы по сему вмѣстѣ съ симъ посылаю.

Дай Богъ, чтобы съ симъ новымъ усиленіемъ осуществились надежды ваши *окончить дѣло Кавказа чрезъ два года* *). Этимъ вы окажете вели-

*) Противъ этихъ словъ князь Барятинскій сдѣлалъ замѣтку: „откуда хитрецъ это взялъ?“

чайшую заслугу Государю и Россіи, положеніе коей не можетъ выдерживать долѣе огромныхъ расходовъ въ людяхъ и деньгахъ, Кавказомъ поглощаемыхъ.

Изъ остающихся у васъ 9.200 т. р. денежныхъ остатковъ, при полномъ обезпеченіи вашего интендантства, признано возможнымъ зачесть вамъ въ смѣту 4.500 т. рубл., и кромѣ того Его Величеству благоугодно было повелѣть сдѣланныя вами по нѣкоторымъ предметамъ въ настоящемъ году передержки, 268 т. рубл., обратить на оставленныя у васъ средства. Не сѣтуйте за это, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ: я не могъ никакъ обойтиться, не отнимая у васъ излишняго запаса, ибо здѣсь недостаетъ денегъ на удовлетвореніе даже въ обрѣзъ разсчитанныхъ расходовъ. Сдѣлайте одолженіе, не ожидая преобразованія вашего интендантства, на что потребуется продолжительное время, учредите особую коммиссію распутать прежнія дѣла вашего интендантства и прикажите привести въ положительную ясность всѣ остающіеся у него денежные и вещевые запасы, ибо необходимо намъ выйти изъ неопредѣлительнаго положенія.

Дѣйствительно, войска Лѣваго фланга сдѣлали неимовѣрныя, свыше силъ человѣческихъ усилія; но къ прискорбію извѣстно, что онѣ въ крайне-изнуренномъ отъ болѣзней состояніи и что это, какъ доходятъ сюда слухи, *происходитъ отчасти отъ недостаточной г.-м. Евдокимова объ нихъ попечительности. Общее мнѣніе, отдавая полную справедливость отличнѣйшимъ военнымъ достоинствамъ, обвиняетъ сего генерала въ крайне-корыстолюбивомъ управленіи; что число покорившихся переселенцевъ будто бы многократно преувеличивается съ цѣлью истребованія на содержаніе ихъ значительныхъ суммъ; что многостоящая туземная милиція существуетъ большею частью только на бумагѣ, и что всѣ административныя мѣста поручены родственникамъ или приверженцамъ Евдокимова, администраціею, пристрастіемъ и несправедливостью коего всѣ вообще въ высшей степени недовольны, и что поэтому покоренныхъ горцевъ, заселенныхъ по базису его дѣйствій, опасно считать безусловно намъ преданными.*

Хотя я не вѣрю этимъ слухамъ и признаю замѣчательныя военныя заслуги г.-л. Евдокимова, но считаю священною обязанностью обо всемъ вышеприсанномъ довести до вашего свѣдѣнія: вы на мѣстѣ ближе можете знать, въ какой степени это заслуживаетъ вѣроятія и какія, въ случаѣ дѣйствительно существующаго зла, къ отвращенію онаго необходимо принять мѣры. Надѣюсь, что совершенно конфиденціальное сообщеніе это вы примете отъ меня какъ отъ человѣка вамъ преданнаго и заботящагося объ общей пользѣ. Я буду премного обязанъ, если вы взаимно укажите мнѣ стороны, требующія немедленнымъ мѣропріятій, въ числѣ коихъ вѣроподобно включить должно Ставропольскую и Тифлисскую коммиссаріатскія коммиссіи.

14 Декабря 1858 года. С. П. Б.

Ж. Письма князя А. И. Барятинскаго къ министру иностранныхъ дѣлъ князю А. М. Горчакову.

1.

Тифлисъ, 24 Января 1858 г.

Я счелъ долгомъ, дорогой князь, въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 15 Декабря, дать вамъ свѣдѣнія, касающіяся открытія порта въ Поти. Считаю своею обязанностью переслать вамъ сегодня же краткое содержаніе офиціальныхъ рапортовъ генерала Филипсона, въ которыхъ изложена вся исторія происшедшихъ минувшимъ лѣтомъ въ Геленджикѣ и Туапсэ событій, подавшихъ поводъ къ протестамъ и къ придиркамъ Англичанъ, о чемъ вы мнѣ говорили въ вашемъ послѣднемъ письмѣ отъ 26 Декабря.

Тамъ вы увидите, что Русскія войска, высадившіяся около 2 Сентября въ Туапсэ, имѣли только одну цѣль: разрушить возведенную Черкесами, Турками и нѣсколькими Европейскими авантюристами постройку для склада запрещенныхъ товаровъ. Эта постройка, съ содержащимся въ ней товаромъ, вмѣстѣ съ семью Турецкими судами, дѣйствительно была уничтожена; а два другихъ, также Турецкихъ, судна были уведены въ Анапу.

Эти суровыя мѣры нашихъ военныхъ прибрежныхъ властей, мѣры, о разрѣшеніи которыхъ я уже писалъ вамъ въ моихъ офиціальныхъ депешахъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, явились необходимостью, дабы избавить насъ отъ того ложнаго положенія, въ которомъ мы находимся на Черномъ морѣ и положить предѣлъ важному ущербу, причиняемому постоянно въ силу такого плачевнаго положенія дѣлъ.

Я имѣю основаніе думать, что достовѣрныя извѣстія, пересылаемыя мною вамъ, не дадутъ возможности Англійскому посланнику обвинять насъ, и что эти извѣстія сами по себѣ должны разсѣять несправедливыя возраженія негоціантовъ Браггіоти и Мориса, коммерческія сдѣлки которыхъ съ непокорными горцами не могли быть допускаемы.

Кончаю это письмо, увѣря васъ еще разъ, что мы прекрасно понимаемъ здѣсь насколько необходимо избѣгать столкновеній, которыя могли бы послужить предлогомъ для Австро-англійскихъ придирокъ, и что я съ своей стороны наблюдаю, чтобы всѣ поступали также; но дерзость иностранныхъ авантюристовъ и контробандистовъ, появляющихся съ такою легкостью, и затѣмъ постоянная враждебная дѣятельность горцевъ дѣлаютъ эту задачу крайне-трудною.

2.

Тифлисъ, 7 Декабря 1858 года.

Съ величайшимъ интересомъ прочелъ я ваше письмо отъ 8 Ноября, служащее дополненіемъ къ письму отъ 8 Октября, гдѣ вы передаете мнѣ про обсужденіе въ Лондонѣ вопроса, касающагося восточнаго берега Чернаго моря. Я съ удовольствіемъ раздѣляю вашъ взглядъ на ту ловкость, съ какою баронъ Бруновъ съумѣлъ защитить наши права въ выдержанной имъ борьбѣ съ придирчивой политикою Англійскаго кабинета.

Бумаги барона Брунова и инструкціи, которыми вы его снабдили, съ дипломатической точки зрѣнія разбираютъ этотъ вопросъ превосходно и съ такою точностью, которая не заставляетъ желать ничего лучшаго. Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ дать вамъ дополнительныя объясненія, касающіяся практической стороны вопроса, по отношенію къ кругу моей дѣятельности и моихъ военныхъ распоряженій. Я не спорю, что наши права на владѣніе восточнымъ берегомъ могутъ быть наилучшимъ образомъ доказаны лишь постройкою нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ по морскому прибрежью. Въ принципѣ эта мысль совершенно вѣрна; но прежде всего мы должны узнать и убѣдиться, что выполненіе этой мѣры не причинитъ намъ затрудненій, несравненно бо́льшихъ, нежели тѣ, которыя мы встрѣтимъ на дипломатическомъ поприщѣ: я говорю о военномъ вопросѣ.

Вы вѣрно не забыли, дорогой князь, что въ 1856 году, вскорѣ по заключеніи мира, въ то время, когда я находился еще въ Петербургѣ, было рѣшено не возстановлять военной линіи, которую мы имѣли на берегу, и что это рѣшеніе, послѣ долгаго обсужденія вопроса, было принято и утверждено высочайшимъ одобреніемъ Государя. Тогда также прекрасно понимали всѣ преимущества, которыя обезпечивались бы за нами этими владѣніями въ политическомъ отношеніи; но надо было также принять во вниманіе общее плачевное, безвыходное положеніе и покориться ему. Парижскій трактатъ, лишивъ насъ всѣхъ средствъ дѣятельности на морѣ, не позволилъ намъ даже думать о постройкѣ береговыхъ укрѣпленій. Впрочемъ, какъ могли бы мы и достигнуть этого, не имѣя даже въ перспективѣ прочнаго мира? Предполагая даже, что мы могли бы достигнуть путемъ чрезвычайныхъ усилій возстановленія хотя бы въ двѣнадцати-лѣтній періодъ нашихъ прежнихъ укрѣпленій на прибрежьѣ, то какія были бы матеріальныя условія этой укрѣпленной линіи, лишенной съ одной стороны поддержки флота, а съ другой безъ владѣнія горами и безъ всякихъ удобствъ сообщенія? Если содержать, какъ прежде, маленькія укрѣпленія противъ горцевъ, то, безъ сомнѣнія, это повело бы при первой войнѣ къ потерѣ ихъ гарнизоновъ. Окруженные враждебнымъ населеніемъ, лишенные сухопутнаго сообщенія и предоставленные самимъ себѣ, безъ всякой надежды получать подкрѣпленіе и провіантъ, эти гарнизоны должны были бы вскорѣ же изнемочь. Въ 1853 году, передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій, это же самое обстоятельство заставило насъ покинуть наши береговыя укрѣпленія. На что̀ можемъ мы теперь надѣяться, когда одна Турція владѣетъ бо́льшимъ флотомъ, нежели мы?

Что касается до предположенія воздвигнуть въ промежуткѣ между Новороссійскомъ и Гаграми одну или двѣ большія крѣпости, сохранивъ въ тоже время дорогу для сообщенія съ поселеніями Лабинскихъ и Кубанскихъ казаковъ, то я совершенно откровенно готовъ вамъ высказать свои взгляды по сему вопросу. Я полагаю, что это предпріятіе слишкомъ важно и опасно, чтобы мы могли предпринять попытки къ его осуществленію, съ тѣми военными средствами, какими я въ настоящее время располагаю.

Необходимо имѣть здѣсь чрезвычайныя средства, да и вообще я не считаю успѣхъ возможнымъ ранѣе покоренія всѣхъ племенъ, которыя занимаютъ весьма обширную территорію между главною цѣпью Кавказскихъ горъ, Лабою и Кубанью, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, сосредоточены наши главныя военныя дѣйствія. Изъ этого слѣдуетъ, что намъ необходимо выждать, пока наше оружіе укрѣпитъ достаточно въ этой сторонѣ нашу власть, дабы мы могли предпринять экспедицію, требующую и много времени, и большихъ матеріальныхъ средствъ. Къ тому же я полагаю, что постройка одной или двухъ крѣпостей между Новороссійскомъ и Гаграми будетъ недостаточной для окончательнаго удаленія предлога къ распрямъ съ нашими противниками, и я имѣю всѣ основанія думать, что только въ виду подобной случайности лордъ Малмсбюри помѣстилъ въ своей нотѣ къ барону Брунову отъ 14 Октября слѣдующую доктрину, называя ее международнымъ закономъ: „Если какая-нибудь держава занимаетъ отдѣльные и укрѣпленные пункты на берегу или территоріи, гдѣ туземцы, съ оружіемъ въ рукахъ, находятся еще въ независимомъ состояніи, то эта держава (за исключеніемъ тѣхъ укрѣпленныхъ и отдѣльныхъ пунктовъ, которыми она владѣетъ) не имѣетъ права установлять и приводить въ дѣйствіе противъ третьихъ лицъ общія правила, предписывающія образъ дѣйствія и указывающія пункты, гдѣ можетъ быть разрѣшена торговля съ жителями страны“.

Что̀ касается до случайныхъ столкновеній, могущихъ быть между нашими крейсерами и судами плавающими подъ Англійскимъ флагомъ, я полагаю, что тутъ ничего почти невозможно сдѣлать предупредительными мѣрами.

Инструкціи данныя нашимъ крейсерамъ предписываютъ имъ и безъ того столько благоразумія и осторожности и настолько ограничиваютъ ихъ дѣйствія, что крейсерство является на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ фикціей. Въ теченіе двухъ лѣтъ, мы были вынуждены принять другую систему, которая намъ довольно хорошо удалась и доказываетъ неопровержимыми фактами наши права владѣнія на этомъ берегу. Мы не ищемъ контрабандистовъ и подозрительныхъ судовъ нигдѣ болѣе какъ вдоль самыхъ береговъ, и ихъ схватываютъ и сжигаютъ въ самыхъ гаваняхъ, куда они входятъ. Такимъ образомъ мы успѣли, какъ вамъ извѣстно, схватить нѣсколько Турецкихъ судовъ, изъ которыхъ, къ счастію, ни одного не оказалось подъ Англійскимъ флагомъ.

Если мы покинемъ этотъ образъ дѣйствій, единственный, который ставитъ предѣлъ свободнымъ сообщеніямъ горцевъ: то безъ сомнѣнія они будутъ окончательно убѣждены, что мы признаёмъ ихъ независимость, и разумѣется въ ихъ разсчетахъ будетъ удаляться все болѣе и болѣе отъ всякой мысли къ сближенію съ нами, тѣмъ болѣе, что ихъ ближайшіе сосѣди, давно уже покоренные, какъ Мингрелія и Абхазія, остаются подъ надзоромъ таможенныхъ управленій.

Я съ удовольствіемъ представляю вамъ всѣ эти свѣдѣнія, предполагая, что онѣ могутъ быть полезны барону Брунову, который такъ хоро-

шо умѣетъ защищать наши права. Чтобы дать ему возможность совершенно понять положеніе нашихъ дѣлъ на прибрежьѣ, я приказалъ составить общее обозрѣніе этого вопроса и постараюсь прислать вамъ этотъ трудъ, въ возможной скорости, вмѣстѣ съ двумя копіями для барона Брунова и для графа Киселева.

3. Письмо князя А. М. Горчакова къ князю А. И. Барятинскому.

Петербургъ, 15 Января 1858 года.

Благодарю васъ, дорогой князь, за присланное мнѣ отъ 1-го Января письмо. Моя мысль всегда слѣдуетъ за вами во всѣхъ предпринимаемыхъ вами великихъ дѣлахъ во славу Императора. Мое постоянное желаніе—это согласовать ввѣренные мнѣ интересы съ интересами ввѣренными вашимъ заботамъ.

Между тѣми и другими есть тѣсная связь, въ особенности когда ваша дѣятельность переносится на прибрежье Чернаго моря. Вы мнѣ сдѣлали хорошій подарокъ на новый годъ, сообщивъ о скоромъ открытіи порта въ Поти. Когда всѣ ваши распоряженія будутъ сдѣланы, не откажите увѣдомить меня объ этомъ оффиціально, дабы я могъ сейчасъ же это огласить. До тѣхъ поръ я буду ждать.—Англійскіе министры увѣряютъ меня, что Британское правительство не имѣетъ никакого намѣренія дѣлать намъ мелочныя придирки съ этой стороны, но что общественное мнѣніе ихъ обязываетъ къ этому каждый разъ, когда дѣло коснется промышленнаго или торговаго интереса. Я не вхожу въ искренность этихъ увѣреній, хотя слишкомъ долго жилъ въ Англіи, чтобы не знать насколько эта струнка чувствительна.

Объявляя объ открытіи Поти, я даю Англійскому министерству аргументъ противъ оппозиціи и случай доказать то доброжелательство, о которомъ оно заявляетъ. Позже (какъ это и условлено между нами) мы можемъ бросить Церберу нѣсколько другихъ кусковъ, въ видѣ послѣдующаго открытія другихъ маленькихъ портовъ на прибрежьѣ.

Я былъ озабоченъ по поводу Анапы. Постановлено, что Анапа будетъ закрыта для торговли тогда, когда будетъ отрытъ другой портъ. Государь успокоилъ меня на этотъ счетъ въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, что Анапу не закроютъ, ранѣе чѣмъ портъ Константиновскій *) будетъ открытъ, и вовторыхъ, что мы будемъ владѣть Анапою даже и тогда, когда она перестанетъ быть коммерческимъ портомъ, и не допустимъ, чтобы знамя мятежниковъ могло тамъ развѣваться. По моему мнѣнію это послѣднее обстоятельство является крайне-важнымъ для нашего престижа.

*) То есть „Новороссійскъ“.

РАЗСКАЗЫ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Преосвященный Іаковъ, епископъ Муромскій, викарій Владимірскій, глубоко чтилъ святителя Московскаго Филарета, и въ бесѣдахъ съ близко ему знакомыми любимый разговоръ его былъ о Филаретѣ. До прибытія во Владиміръ въ качествѣ викарія вся служба преосвященнаго Іакова проходила въ Москвѣ и въ Московской епархіи подъ властію митрополита. По дѣламъ службы онъ нерѣдко бывалъ у своего владыки, видѣлъ административные труды святителя, зналъ его взгляды на служебное дѣло, непосредственно и часто слыхалъ его мысли и сужденія, нерѣдко участвовалъ со владыкою въ служеніяхъ, слѣдилъ съ любовію за каждымъ его словомъ и дѣйствіемъ; даже келейная жизнь владыки частію была ему извѣстна со всею ея обстановкою. Не надѣясь на свою память, преосвященный Іаковъ имѣлъ особую тетрадь, въ которую вносилъ всѣ замѣчательные случаи въ жизни митрополита, мудрыя его изреченія, всякую даже мелочь изъ вседневной жизни, свидѣтельствовавшую объ его находчивости, остроуміи и иногда прозорливости. Въ тетрадь вносилось не только то, что̀ самъ преосвященный Іаковъ видѣлъ и слышалъ о митрополитѣ, но и то, что̀ видѣли и слышали другіе, знакомые Іакову. Не знаю, цѣла ли эта дорогая тетрадь и если цѣла, у кого она теперь въ рукахъ послѣ смерти преосвященнаго.

Я пользовался расположеніемъ преосвященнаго Іакова во время жительства его во Владимірѣ; тетрадь его была въ моихъ рукахъ, и вотъ изъ нея нѣкоторыя выписки.

1. Къ Московскому митрополиту Платону хаживалъ бѣдный чиновникъ съ просьбою о помощи. Докладчикомъ былъ Василій Михайловичъ Дроздовъ. Скажи ему: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Платонъ вслѣдъ за симъ садится обѣдать. Подъ салфеткою Платона оказывается Евангеліе. Что̀ это значитъ? спрашиваетъ Платонъ Дроздова.—«Опытъ примѣненія Евангельскихъ словъ, владыко», отвѣчалъ Дроздовъ. Платонъ не прогнѣвался и приказалъ выдать чиновнику три рубля.

2. Постниковъ (въ послѣдствіи митрополитъ Григорій) въ 1814 году, будучи баккалавромъ Петербургской Духовной Академіи, обязанъ

былъ свои лекціи представлять на предварительный просмотръ ректору Филарету. Читаю разъ, говоритъ Постниковъ, велитъ передѣлать; читаю въ другой разъ, опять не одобрена; читаю въ третій разъ, не понравилась. Постниковъ осмѣлился доложить: лучше написать не могу. —«Ну такъ читай, какъ написано!» Трудно было угодить, говорилъ Григорій.

3. «Слезами бы вымылъ я написанное мною въ словѣ о Давидѣ по случаю холеры въ 1830 году», говорилъ Филаретъ.

4. Намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Іоанникій то и дѣло представлялъ Филарету о высылкѣ изъ монастыря дурныхъ послушниковъ. Филарету это надоѣло. «У тебя и тотъ и этотъ не хороши. Набери ты мнѣ ангеловъ!» Ревность Іоанникія улетучилась.

5. Профессоръ Шевыревъ въ 1842 году спросилъ Филарета: отъ чего вы не говорите импровизаціи, какъ митр. Платонъ? Филаретъ сказалъ: «На себя не надѣюсь и не смѣю. Слово для произнесенія съ каѳедры должно быть обдумано. Сочиненія Платона не пережили его самого, потому конечно, что онъ не заботился объ ихъ отдѣлкѣ. Разъ пробовалъ я говорить безъ тетради; но, сказавъ приступъ, забылъ, что̀ хотѣлъ сказать, и едва сумѣлъ кончить».

6. Полковой священникъ, вдовый, поступилъ въ монастырь и предался пьянству. Настоятель монастыря донесъ Филарету. Филаретъ намѣренъ былъ запретить ему священнослуженіе, но резолюціи еще не написалъ. Настала ночь. Филаретъ заснулъ и во снѣ видитъ императора Александра I-го, просящаго пощадитъ священника. Филаретъ всталъ, записалъ часъ сна и, опять заснувъ, видитъ митрополита Платона съ ходатайствомъ о пощадѣ священника. Филаретъ всталъ, записалъ и, снова заснувъ, видитъ Кутузова, упрашивающаго о священникѣ. Проснулся и утромъ посылаетъ за священникомъ. Узнаётъ, что на службѣ въ полку Государь зналъ его съ хорошей стороны, что у Платона онъ учился и былъ любимымъ ученикомъ и что Кутузовъ его зналъ и жаловалъ. Священникъ прощенъ.

7. Въ 1855 г. Марта 27 дня Филаретъ прибылъ въ Успенскій соборъ служить пасхальную утреню. Діаконъ Дмитрій Семеновъ подноситъ митру. Это что? спрашиваетъ Филаретъ.— Митра.— Для чего такая? Діаконъ тутъ только замѣтилъ, что митра траурная. «Ты смерть что ли мнѣ пророчишь? Самъ умрешь!» Діаконъ умеръ въ томъ же году 9 Декабря.

8. Пришли къ Филарету три игуменіи: Вѣра Новодѣвичьяго, Флора Никитскаго и Паисія Страстнаго монастырей; первая въ простой ряскѣ, а двѣ послѣднія въ шелковыхъ. Благословивъ всѣхъ, владыко приказалъ Вѣрѣ сѣсть, а тѣмъ сказалъ: «Я боюсь предложить вамъ

сѣсть изъ-за предосторожности, чтобъ не измяли вы свои дорогія ряски».

9. Чиновники Московской Гражданской Палаты устроили икону Св. Александра Невскаго въ память избавленія Государя отъ покушенія Каракозова. На иконѣ вверху сдѣлана была надпись: «Господи, спаси Царя», а внизу обозначено, отъ кого приношеніе. Икону надо было поставить въ Казанскій соборъ, и прежде постановки принесли ее благословить на постановку къ митрополиту. Филаретъ, прочитавъ надпись, прибавляетъ въ слухъ: «отъ чиновниковъ»*).

10. Разъ Филаретъ спросилъ протоіерея Н. А. С—го, какъ думаютъ о немъ въ университетѣ? Спрошенный отвѣчалъ: Вы ученыхъ давите. Владыко только улыбнулся.

11. Одинъ изъ Московскихъ купцовъ предложилъ Синодальной Конторѣ покрыть Успенскій соборъ новымъ желѣзомъ, а старое съ крыши желѣзо отдать ему. Контора съ готовностію согласилась и взошла съ докладомъ къ Филарету. Митрополитъ приказываетъ снять одинъ листъ съ Успенскаго собора и принести къ нему. Принесли. Онъ ножемъ отскоблилъ краску, и оказалось,что листъ мѣдный, толстый. Жертва купца осрамила.

12. Графъ Протасовъ, назначенный оберъ-прокуроромъ въ Св. Синодъ, въ первый разъ взошелъ въ присутственную залу Синода и сѣлъ за столомъ, гдѣ засѣдали архіереи. Филаретъ спрашиваетъ его: «Давно ли, ваше сіятельство, получили хиротонію?» Графъ, не понимая вопроса, молчитъ. Филаретъ спрашиваетъ: «Давно ли посвящены въ священный санъ?» и замѣтилъ, что за этимъ столомъ сидятъ члены Синода. Гдѣ же мое мѣсто? спрашиваетъ Протасовъ. Филаретъ указалъ, и графъ пересѣлъ за оберъ-прокурорскій столъ.

13. Филаретъ, осматривая церковь въ Москвѣ, приготовленную къ освященію, видитъ на стѣнѣ свободное мѣсто и говоритъ: «Здѣсь надобно въ клеймѣ написать, при какомъ священникѣ и старостѣ возобновленъ храмъ». Священникъ и староста кланяются и говорятъ: много намъ чести, не стоимъ.—«Нѣтъ, говоритъ Филаретъ, пусть потомки узнаютъ, какіе прежде были дураки», и началъ пробирать...

Протоіерей **Сила Архангельскій.**

Ковровъ.

---

*) Филаретъ не только не одобрялъ устройства такихъ иконъ и часовенъ (какъ и заведенія неугасимыхъ лампадъ), но даже подавалъ въ Св. Синодъ особую записку, въ которой излагалъ крайнюю опасность подобныхъ вещественныхъ увѣковѣченій памяти о страшномъ дѣлѣ, достойномъ лишь молчаливаго проклятія. П. Б.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Нѣкоторыя сужденія о тиранствѣ Ивана Грознаго.

Изображеніе Грознаго, какимъ онъ является подъ перомъ Карамзина, нашло себѣ противниковъ въ Московскихъ профессорахъ Соловьевѣ и Кавелинѣ, которые тиранствамъ и опричинѣ Ивана IV-го пытались придать разумное государственное значеніе, окрестивъ ихъ именемъ борьбы съ устарѣлыми боярскими притязаніями, вообще со старымъ порядкомъ и выставивъ Грознаго какимъ-то реформаторомъ (Соловьева—*Исторія Россіи*, т. VI, преимущественно послѣднія страницы. Кавелина — *Сочиненія*. I: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“). Въ защиту Карамзинскихъ воззрѣній противъ Соловьева возсталъ Погодинъ (Архивъ истор. и практич. свѣд. 1859, кн. V). Онъ доказывалъ, что все дѣйствительно-славное извнѣ и полезное внутри было сдѣлано Московскимъ правительствомъ въ періодъ Адашева и Сильвестра, а что послѣ нихъ царь не совершилъ никакихъ славныхъ дѣлъ. Надобно отдать справедливость Погодину: если не всѣ, то нѣкоторыя его возраженія отличаются мѣткостію и историческою правдою.

Любопытный разборъ VI-го тома Исторіи Россіи, Соловьева, заключающаго въ себѣ царствованіе Грознаго, былъ представленъ и К. С. Аксаковымъ, однимъ изъ представителей такъ наз. Славянофильской школы (*Сочиненія*, т. I). Его возраженія гораздо мягче Погодинскихъ, и онъ является не защитникомъ собственно Карамзинскихъ воззрѣній на высокое значеніе Сильвестра и Адашева, а пытается проводить воззрѣнія своей школы, напирая на ея излюбленныя мысли о землѣ, о земскихъ соборахъ, о единеніи Государя прямо съ народомъ помимо бояръ. Но тутъ критикъ иногда и самъ недостаточно критически относится къ источникамъ. Напримѣръ, онъ съ полнымъ довѣріемъ ссылается на разсказъ Одерборна о томъ, какъ, послѣ взятія Полоцка и Сокола Баторіемъ, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, по порученію царя, собралъ въ Москвѣ народъ и произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ ему о нашихъ неудачахъ и старался его успокоить; народъ выслушалъ эту рѣчь въ молчаніи, но женщины подняли жалобы и вопли, такъ что дьяку пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ. Изъ этого единичнаго, иноземнаго и непровѣреннаго извѣстія критикъ выводитъ прямое заключеніе, что тогдашнее правительство (собственно Иванъ

IV) „было въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ и уважало народъ". Далѣе Аксаковъ характеризуетъ Ивана IV какъ человѣка, одареннаго художественною природою, но безнравственнаго, человѣка безъ воли, руководимаго только произволомъ, и тѣмъ не менѣе, подобно Соловьеву, сравниваетъ его съ Петромъ Великимъ. Къ этому взгляду примыкаетъ отчасти другой представитель Славянофильской школы, Юрій Самаринъ (*Сочиненія*, V, 205).

Послѣ Погодина Карамзинское изображеніе Ивана IV нашло себѣ краснорѣчиваго защитника особенно въ Костомаровѣ (Вѣстникъ Европы, 1871 г. № 10); а Соловьевскія воззрѣнія поддерживалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ цѣломъ рядѣ статей и въ своей Русской Исторіи (Москов. Вѣд. 1856, №№ 46, 54, 59. Журналъ Заря 1871 г. № 3. Русской Исторіи т. II, выпускъ первый). Историческая оцѣнка Грознаго —это одинъ изъ немногихъ пунктовъ моего разногласія съ многоуважаемымъ К. Н. Свой обзоръ царствованія Грознаго онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Вспомнимъ, что народъ знаетъ не только покорителя Казани, но и царя, который *вывелъ измѣну изъ Новгорода, а не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы*". (Рус. Ист. II, вып. I, примѣчаніе на стр. 319). Тутъ указаніе на *измѣну* есть только отголосокъ тѣхъ обвиненій, которыми Грозный царь осыпалъ Русскихъ бояръ и Новгородцевъ; это просто эхо, которое встрѣчается иногда и у нашихъ старыхъ книжниковъ. Напримѣръ, Псковскій лѣтописецъ говоритъ: „и Государя на гнѣвъ подвигли, и за великую измѣну государь царь учинилъ опричину, и бысть мятежъ по всей земли и раздѣленіе". (П. С. Р. Л. IV, 343). Но вѣдь мы имѣемъ передъ собою довольно подробную и документальную исторію сего царствованія, и никакой серьезной измѣны въ Русской землѣ не находимъ. Было бы несправедливо возводить въ общее правило нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, въ родѣ Курбскаго, когда люди бѣжали отъ тирана, спасая свое существованіе, и потомъ мстили ему. Тутъ слѣдствіе тиранства, а не причина его.

Профессоръ Ключевскій въ своемъ сочиненіи „Боярская дума древней Руси", въ главѣ XVII, по поводу учрежденія опричины разсуждаетъ о враждебныхъ отношеніяхъ Грознаго къ боярству, причемъ является также послѣдователемъ мнѣній Соловьева, также называетъ эти отношенія борьбою царя съ боярствомъ, но настаиваетъ на томъ, что эта борьба „имѣла не политическое, а династическое происхожденіе" (357). Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ, подобно Соловьеву, преувеличиваетъ значеніе извѣстнаго случая съ присягою въ 1553 году, называя его „жгучимъ поводомъ", отъ котораго возгорѣлся пожаръ лютости въ землѣ Русской. Но послѣ этого случая прошли цѣлыя семь лѣтъ почти въ полномъ согласіи царя съ его знаменитыми совѣтниками. Для опричины В. О. Ключевскій даетъ слѣдующее оригинальное объясненіе: „Ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ пытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожительство и было раздѣленіе государства на земщину и опри-

чину“ (362). Оригинально здѣсь собственно то, что дѣло изображается какою-то обоюдною попыткою съ обѣихъ сторонъ. А между тѣмъ, повидимому, самъ Иванъ Васильевичъ въ глубинѣ души смотрѣлъ на опричину какъ на дѣло своего произвола и самодурства. По крайней мѣрѣ онъ стыдился признаваться въ немъ передъ иноземцами. Такъ въ 1566 году въ наказѣ о встрѣчѣ Литовскаго гонца предписывается на вопросъ объ *опришнинѣ* отвѣчать, что никакой опришнины нѣтъ, а просто „которые дворяне служатъ государю правдою, тѣ живутъ при немъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ подалѣ, а мужичье, не зная того, называютъ опришниной“. (Посольскія книги, № 7, въ Арх. М. Ин. Д.). Подобно покойному С. М. Соловьеву, подчиняясь увѣреніямъ самого Грознаго, высказаннымъ въ его перепискѣ съ Курбскимъ, г. Ключевскій преувеличиваетъ всемогущество Сильвестра и Адашева и дѣлаетъ о нихъ такой выводъ: „Прежде всего на самого себя долженъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его надеждъ“ (353). Но какихъ это надеждъ они не оправдали, остается неизвѣстно. Если здѣсь разумѣется „идея самодержавія“, о которой передъ тѣмъ говорится, то любопытно было бы узнать, въ чемъ Сильвестръ и Адашевъ, какъ вліятельные совѣтники, проступились противъ этой идеи? „Самъ Иванъ, несмотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя“, все-таки не отрѣшился отъ удѣльныхъ традицій и назначилъ удѣлъ младшему сыну (359). О какой это *высотѣ взгляда* тутъ говорится, тоже остается неизвѣстнымъ. Развѣ о той высотѣ, на которую указываетъ извѣстная Эпистолія Ивашки Пересвѣтова: „авторъ (этой эпистоліи) считаетъ образцовымъ порядокъ, заведенный царемъ Магметъ-Салтаномъ, который возведетъ правителя высоко, да и пхнетъ его въ зашею на долъ“ и пр. (367).

Но всѣ указанныя попытки обѣлить Грознаго передъ судомъ исторіи и отыскать глубокій историческій смыслъ въ его казняхъ и опричинѣ блѣднѣютъ передъ апологіей г. Бѣлова, которую мы находимъ въ его монографіи „Объ историческомъ значеніи Русскаго боярства до конца XVII вѣка“. Спб. 1886. (первоначально въ Журн. М. Н. Пр. того же года). Онъ старается не только обѣлить Грознаго, но и возвести его въ великіе люди, и для сего не стѣсняется въ толкованіи фактовъ дѣйствительныхъ и въ измышленіи небывалыхъ. У него „Грозный отвратилъ отъ Россіи опасность господства олигархіи“ (62). Адашевъ и Сильвестръ, возвышенные изъ незнатныхъ людей, вдругъ являются у него чуть ли не вожаками боярской партіи въ ея борьбѣ съ царемъ, причемъ „властолюбіе Сильвестра и самообожаніе не знало границъ“. Виною Іоанновыхъ казней и многихъ золъ для Россіи былъ все тотъ же Сильвестръ, которому будто бы „никто не смѣлъ слова сказать“ (83—85). Затѣмъ идутъ всевозможныя натяжки для того, чтобы устранить свидѣтельства иностранцевъ о тиранствахъ Грознаго: одни писали по слухамъ и потому лгутъ; другіе хотя и были очевидцами, но пристрастны; третьи будто бы представляютъ „отголоски боярской партіи“, которая „пользовалась легковѣріемъ иностранцевъ“ и

т. п. Подобные аргументы подкрѣпляются ссылками на нѣкоторые другіе неточно переданные ими факты (88—90). Но если на такомъ основаніи отбросимъ извѣстный процентъ преувеличеннаго или сомнительнаго, все-таки останется страшное количество жестокостей, несомнѣнно совершенныхъ. Далѣе по словамъ г. Бѣлова никто иной какъ бояре подвели на Москву Крымскаго хана въ 1571 году; а воеводы будто бы намѣренно заняли неудобныя позиціи въ тѣсныхъ Московскихъ улицахъ (93). (Любопытно, что главный воевода, Бѣльскій, при семъ самъ задохся отъ дыму во время пожара, надобно полагать, тоже намѣренно). Митрополитъ Филипъ Колычевъ будто бы заслужилъ свою гибель; ибо вздумалъ мѣшаться не въ свое дѣло, т. е. въ опричнину и вообще въ гражданскія отношенія; а относительно его умерщвленія Малютою Скуратовымъ „это еще вопросъ". (112—113). Погромъ Новгорода Великаго съ „объективной" точки зрѣнія автора оправдывается тѣмъ, что на Сѣверѣ было какое-то „броженіе умовъ" и тамъ „что-то затѣвалось". Правда, на это нѣтъ никакихъ данныхъ; но не даромъ же Флетчеръ, бывшій въ Россіи при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, говоритъ о какомъ-то „неминуемомъ возстаніи" и о томъ, что „народъ былъ привязанъ къ потомству удѣльныхъ князей" (116). И т. д. въ томъ же родѣ. Однимъ словомъ, во всѣхъ бѣдствіяхъ и тиранствахъ виновата боярская партія, а Иванъ IV является невиненъ и великъ. Далѣе едва ли можетъ идти отрицаніе всякихъ нравственныхъ принциповъ въ исторіи. Кромѣ того, автору сей апологіи не пришелъ въ голову самый естественный вопросъ: если Иванъ IV сдѣлался великъ только тогда, когда освободился отъ своихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева и отъ ихъ соумышленниковъ—бояръ, то почему же дѣла государственныя шли, на оборотъ, хорошо и счастливо въ эпоху сихъ совѣтниковъ, и очень бѣдственно въ эпоху опричнины?

Защитники Грознаго пытаюся смягчить приговоръ исторіи указаніемъ на эпоху, которая отличалась суровыми нравами, и ссылаются на примѣры другихъ странъ въ то время. Но эти ссылки мало помогаютъ. Такіе жестокіе государи, какъ Генрихъ VIII въ Англіи, Христіанъ II въ Даніи, Эрихъ XIV въ Швеціи, нисколько не оправдываются грубыми нравами XVI столѣтія, и въ ихъ жестокостяхъ никакіе серьезные историки не находятъ высокаго государственнаго смысла. Но подобные тираны являются дѣтьми въ сравненіи съ Иваномъ IV. О необычайной его свирѣпости и мучительствахъ единогласно свидѣтельствуютъ и Русскіе, и иноземные источники, ему современные; свидѣтельствуетъ и самъ царь въ своихъ синодикахъ и посланіяхъ. Подобныя свидѣтельства, но только отчасти, указаны Карамзинымъ (въ примѣч. 3 къ т. IX), который совершенно основательно приравниваетъ Ивана IV къ языческимъ тиранамъ древности, каковы Калигула, Неронъ и пр. Вотъ какими словами начинаетъ *Жизнеописаніе* царя Ивана протестантскій писатель Одерборнъ: Nemo unquam ab ulla hominum memoria, ex his, qui regia dignitate et summi imperii fastigio claruerunt, vel majori crudelitate vel insigniori libidine, Ioanne Basi-

lide, adversus cives et exteros est usus. Т. е. „на людской памяти никогда никто изъ тѣхъ, которые облечены были царскимъ достоинствомъ и верховною властію, не свирѣпствовалъ противъ своихъ и чужихъ съ большею жестокостію и бо̀льшимъ произволомъ чѣмъ Иванъ Васильевичъ“. И подобные отзывы проходятъ почти по всѣмъ современнымъ свидѣтельствамъ. Такъ другой иноземецъ, младшій современникъ Грознаго, Георгъ Паэрле, начинаетъ свои записки о путешествіи въ Москву слѣдующими словами: „Въ 1584 году умеръ свирѣпый мучитель Иванъ Васильевичъ, великій князь Московскій, который въ тридцатичетырехлѣтнее правленіе свое превзошелъ Нерона жестокостію и тиранствомъ, Калигулу злодѣяніями, Еліогобала непотребною жизнію“. (Сказ. Соврем. о Димитріи самозв. ч. II. Спб. 1832). Изъ Русскихъ современниковъ, описаніе Іоанновыхъ злодѣйствъ у Курбскаго слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ распространяться. Въ общихъ чертахъ это описаніе подтверждается и другими источниками. А если въ подробностяхъ онъ иногда не точенъ, то подобное обстоятельство въ нашихъ глазахъ нисколько не смягчаетъ цѣлой картины. И тщетными остались усилія покойнаго С. М. Соловьева подорвать довѣріе къ извѣстіямъ Курбскаго о казняхъ указаніемъ на нѣкоторыя его противорѣчія съ извѣстіями Гваньини и другихъ. (Ист. Рос. VI, 204—208). Напримѣръ, Димитрій Овчина Оболенскій по Гваньини казненъ за столкновеніе съ Басмановымъ, котораго онъ упрекнулъ въ содоміи; а Курбскій упоминаетъ просто о его казни. И это называется противорѣчіемъ! Точно также Курбскій просто говоритъ, что Иванъ IV убилъ своего двоюроднаго брата Владимира Андреевича; по другому извѣстію (Ульфельдъ, Таубе и Крузе) онъ былъ отравленъ, по третьему (Одерборнъ) его зарѣзали, по четвертому (Гваньини) отрубили голову. Развѣ на подобныхъ противорѣчіяхъ или на разнорѣчивыхъ показаніяхъ о числѣ погибшихъ Новгородцевъ можно основать недостовѣрность извѣстій о мучительствахъ Ивана Грознаго? Г. Бѣловъ находитъ подрывающее Курбскаго противорѣчіе и въ слѣдующемъ сопоставленіи: „Подробная лѣтопись говоритъ, что Іоаннъ земными поклонами набилъ себѣ кровавый знакъ на лбу, а Курбскій повѣствуетъ о закрытіи слуха къ теологіи скоморошьими пѣснями“ (124). Но въ такомъ случаѣ еще большее противорѣчіе съ кровавыми шишками на лбу представляетъ извѣстное посланіе Ивана Васильевича къ Кирилобѣлозерской братіи, гдѣ онъ самъ говоритъ о своемъ пребываніи въ пьянствѣ, блудѣ, убійствѣ, грабленіи и прочихъ тяжкихъ грѣхахъ. И это пребываніе въ свою очередь не мѣшаетъ ему считать себя полу-инокомъ, носящимъ на себѣ что-то въ родѣ ангельскаго образа, о чемъ онъ кощунственно заявляетъ въ томъ же посланіи. (Акты Ист., I, № 204).

Любопытна характеристика Грознаго въ одномъ Русскомъ хронографѣ (извѣстномъ подъ именемъ Кубасова). Онъ хвалитъ царя за его книжность, стоятельность за отечество, любовь къ воинству, но съ особою силою указываетъ на обратную сторону: „на рабы своя отъ Бога данныя ему жестокосердъ вельми и на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ и

неумолимъ, множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби и многія грады своя поплѣни и многія святительскія чины заточи и смертію немилостивою погуби, и иная многая содѣя надъ рабы своими, женъ и дѣвицъ блудомъ оскверни". (Рус. Достоп. I. Изборникъ Андр. Попова, 313). Но еще у книжниковъ древней Россіи были попытки оправдать его тиранства и представить его государемъ мудрымъ, правосуднымъ. Такова въ особенности подложная грамота или упомянутая выше Эпистолія Ивашки Пересвѣтова къ Іоанну". (Карамз. IX, прим. 849. Изборникъ А. Попова). Болѣе разумными являются тѣ старые Русскіе книжники, которые просто „попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши и совѣтами злыхъ людей" объясняли бѣдствія опричины и мучительства Ивана IV (Соловьева Ист. Рос. VI, прим. 84. Ссылка на рукопись Имп. Публич. Библ.: *Сокращенный Времянникъ* до 1691 года).

Для насъ тиранства Ивана Грознаго съ одной стороны являются въ числѣ самыхъ крупныхъ послѣдствій двухвѣковаго Татарскаго ига, а съ другой главною причиною наступившаго вскорѣ Смутнаго времени.

Сравниваютъ Ивана IV съ Петромъ Великимъ по поводу ихъ стремленія завоевать Балтійскій берегъ для непосредственныхъ связей съ Западною Европою. Дѣйствительно идея общая, но она не придумана царемъ Иваномъ, а вытекала изъ самой исторіи, была такъ сказать неизбѣжна послѣ присоединенія Новгородской и Псковской земли къ Москвѣ. Но какая огромная разница въ образѣ дѣйствій! Петръ, едва завоевалъ устья Невы, какъ основалъ тамъ городъ и морскую пристань; а Иванъ IV наслѣдовалъ эти устья отъ своихъ предшественниковъ, и во все время своего царствованія не подумалъ о томъ, чтобы воспользоваться ими, а усиливался только захватить Ливонскія гавани. При семъ, пока у него были главными совѣтниками Сильвестръ и Адашевъ, дѣла съ этой стороны шли довольно успѣшно; а послѣ ихъ удаленія Иванъ вооружилъ противъ себя изъ за Ливоніи коалицію сосѣдей, которая его и доконала; тогда какъ Петръ Великій, чтобы добыть Балтійскій берегъ, самъ составилъ коалицію противъ враждебнаго сосѣда. Сходство еще въ томъ, что Иванъ велъ двадцатичетырехлѣтнюю войну за Ливонію, а Петръ двадцатиоднолѣтнюю; но этой войной Иванъ привелъ Россію почти на край гибели, а Петръ ее возвеличилъ. Что же касается до излишествъ Петра въ отношеніи казней, особенно стрѣлецкихъ, то онѣ, вопервыхъ, не могутъ равняться съ тиранствами Ивана IV, а вовторыхъ, выкупаются государственными заслугами великаго Преобразователя.

Говорятъ, что Иванъ IV усилилъ верховную власть и утвердилъ Русское самодержавіе. Но власть эта и до него была уже неограниченная. При семъ не замѣчаютъ, что своимъ тиранствомъ онъ, во первыхъ, задержалъ влеченіе Западной Руси къ возсоединенію съ Восточной и помогъ дѣлу Люблинской уніи, а во вторыхъ, въ самомъ Московскомъ обществѣ произвелъ нѣкоторую реакцію противъ самодержавія. Этою реакціей только и можно объяснить цѣлый рядъ попытокъ къ ограниченію верховной вла-

сти, которыми ознаменовался выборъ новыхъ царей по прекращеніи династіи Владимира Великаго. Только съ Алексѣя Михайловича Русское самодержавіе вновь получило свою неоспоримую силу.

II.

По поводу розыска о смерти царевича Димитрія.

Щербатовъ, Карамзинъ и Соловьевъ считали достовѣрнымъ разсказъ лѣтописей о томъ, что Димитрій былъ зарѣзанъ убійцами, которыхъ подослалъ Борисъ Годуновъ. Достовѣрнымъ принимали его также: Арцыбашевъ (Повѣств. о Рос.), преосв. Филаретъ (Чт. О. Им. Др. 1858, I. и „Русскіе Святые" подъ 15 Мая), преосв. Макарій (Истор. Рус. Церкви), А. Ѳ. Бычковъ (Чт. О. И. Др. 1864, IV) и Н. И. Костомаровъ („Жизнеописанія"). Противъ лѣтописей, за Годунова или за достовѣрность слѣдственнаго дѣла о смерти царевича (Собр. Г. Г. и Д. II, № 60) ратовали М. П. Погодинъ („Историко-критич. отрывки". М. 1846), А. А. Краевскій („Царь Борисъ Годуновъ". Спб. 1836), К. С. Аксаковъ (Рус. Бесѣда. 1858, II), Н. М. Павловъ (Рус. Арх. 1886, № 8); туда же склоняется В. С. Иконниковъ (тамже № 12). Любопытны примѣры колебаній или перемѣны мнѣній объ этомъ темномъ дѣлѣ. Такъ Карамзинъ первоначально сомнѣвался въ участіи Годунова и готовъ былъ признать его невинно-оклеветаннымъ („Сочиненія". М. 1830, IX, 235); но въ своей Исторіи онъ прямо обвиняетъ Годунова. Арцыбашевъ также склонялся къ оправданію сего послѣдняго (Вѣсти Европы 1830); но въ „Повѣствованіи" измѣнилъ свое мнѣніе, вслѣдствіе цензурныхъ возраженій Устрялова (см. помянутую выше статью проф. Иконникова со ссылкою на Протоколы засѣданій Археогр. Ком. 1841—49 гг. Спб. 1886 г.). А между тѣмъ самъ Устряловъ въ своей „Русской Исторіи" и въ своемъ „Розыскѣ о смерти царевича Димитрія" (Сказанія Соврем. II) колеблется и въ ту, и въ другую сторону.

Самымъ усерднымъ сторонникомъ Годунова въ данномъ вопросѣ явился тотъ же Е. А. Бѣловъ, который оправдываетъ и злодѣянія Ивана Грознаго. Защитѣ Погодина противъ опроверженій Соловьева онъ посвятилъ цѣлыхъ двѣ статьи (въ Ж. М. Н. Пр. за 1873 г. Іюль и Августъ). Костомаровъ тогда же представилъ нѣсколько вѣскихъ возраженій г. Бѣлову (Вѣст. Евр. 1873, № 9). Вообще, несмотря на всѣ усилія, сему послѣднему не удалось опровергнуть большую часть доводовъ покойнаго Соловьева, приведенныхъ въ 131 примѣчаніи къ VII тому *Исторіи Россіи*. Нельзя отказать г. Бѣлову въ нѣкоторыхъ дѣльныхъ замѣчаніяхъ; но его рѣшительное оправданіе Годунова и защита слѣдственнаго дѣла исполнены многихъ натяжекъ и напоминаютъ пріемы современной намъ адвокатуры, которая часто не останавливается ни передъ какими софизмами съ цѣлью обѣлить своего кліента.

Конечно слова Карамзина о предварительныхъ попыткахъ отравить царевича — „дрожащая рука убійцъ вѣроятно бережно сыпала отраву" — эти

слова могутъ быть названы неудачнымъ объясненіемъ сихъ попытокъ; однако общій его взглядъ на все дѣло гораздо основательнѣе чѣмъ взгляды его противниковъ. Въ подробностяхъ своей защиты адвокатъ Годунова иногда представляетъ объясненія еще менѣе удачныя. Напримѣръ: „Вдовый протопопъ Ѳедотъ Офонасьевъ, человѣкъ жалкій, забитый, на что̀ указываетъ и его насмѣшливое прозвище (*Огурецъ*), и то, что онъ *изъ протопоповъ попалъ въ звонари*". Очевидно г. Бѣлову оставалось неизвѣстнымъ, какая судьба постигала священниковъ, имѣвшихъ несчастье потерять жену. Ихъ печальное положеніе было подтверждено Московскимъ соборомъ 1503 года. Что они лишались права священнодѣйствовать, говоритъ и Маржеретъ, современникъ даннаго событія.

Съ своей стороны укажу слѣдующія обстоятельства, бросающія тѣнь на розыскное или слѣдственное дѣло.

Напрасно было бы основывать достовѣрность его между прочимъ на непріязненныхъ отношеніяхъ Шуйскихъ къ Годуновымъ. Князь В. И. Шуйскій, какъ извѣстно, правдивостію не отличавшійся, въ данный моментъ имѣлъ всѣ побужденія угождать Борису Годунову: участь его брата Андрея и князя Ивана Петровича была у него еще въ свѣжей памяти. Притомъ смерть царевича, если была полезна Борису Ѳедоровичу, то не была противна и интересамъ В. И. Шуйскаго, также будущаго претендента на престолъ. Пристрастный, преднамѣренный розыскъ обнаруживается съ первыхъ же словъ слѣдственнаго дѣла. Слѣдователи прямо начинаютъ вопросомъ: „которымъ обычаемъ царевича Дмитрія не стало, и *что̀ его болѣзнь была?* т.-е. прямо сворачиваютъ дѣло на падучую болѣзнь. И это обстоятельство не укрылось отъ современниковъ. Лѣтопись говоритъ: „князь же Василій начатъ распрашивати града Углича всѣхъ людей, како *небреженіемъ Нагихъ заклася самъ*" (Никон. VIII, 19). Далѣе, важное, по моему мнѣнію, препятствіе повѣрить розыску представляетъ самый образъ смерти царевича. Если, какъ тутъ сообщается, съ царевичемъ были и прежде припадки падучей болѣзни, причемъ онъ однажды покололъ свою мать, то невѣроятно, чтобы послѣ того мать позволила ему играть ножомъ. А если это позволила мамка помимо матери, то заднія мысли мамки становятся прямо подозрительными: на этой игрѣ ножомъ и на падучей болѣзни какъ бы заранѣе основывался какой-то разсчетъ. Если-бы дѣйствительно мальчикъ самъ покололъ себя въ припадкѣ, то опять странно, что онъ покололъ себя не въ иное какое мѣсто и не въ разныя мѣста, а во время своихъ судорогъ кололъ себя въ одну точку, въ горло. Данныя весьма подозрительныя. Можетъ быть, смерть его совершилась и не совсѣмъ такъ, какъ разсказываютъ лѣтописцы, указывающіе прямо на Битяговскаго, Качалова и Волохова какъ на его убійцъ; однако во всякомъ случаѣ эта внезапная смерть со всѣми ея обстоятельствами заставляетъ сомнѣваться въ правдивости слѣдственнаго дѣла. Главныя свидѣтельницы, кормилица Тучкова и постельница Колобова могли быть подкуплены или просто застращены; а что̀ и какъ онѣ разсказывали первоначально, намъ осталось

неизвѣстнымъ. (Весьма возможно, что разсказъ лѣтописцевъ почерпнутъ именно изъ этого первоначальнаго источника, хотя и не изъ первыхъ рукъ). Что̀ говорили четыре сверстника царевича, тоже въ точности никому неизвѣстно; въ слѣдственномъ дѣлѣ они, какъ попугаи, буквально повторяютъ разсказъ о самозакланіи. При семъ обратимъ вниманіе на то, что изъ нихъ одинъ Тучковъ, другой Колобовъ, можетъ быть, дѣти помянутыхъ двухъ женщинъ; естественно они повторяли, что̀ имъ приказывали говорить ихъ матери или родственницы. Кромѣ нихъ, по дѣлу обнаруживается еще одинъ только свидѣтель, стряпчій Семейко Юдинъ, который будто бы видѣлъ сцену самозакланія откуда-то изъ дому, когда „стоялъ у поставца". Но кто можетъ поручиться за правдивость этого свидѣтеля? А затѣмъ огульное и какъ бы заученное повтореніе одного и того же разсказа многими лицами, бывшими далеко отъ мѣста событія, наводитъ рѣшительное сомнѣніе въ ихъ показаніяхъ.

Важнымъ свидѣтельствомъ противъ Бориса служатъ и тѣ мѣры, которыя онъ заранѣе предпринималъ противъ кандидатуры царевича Димитрія на царскій престолъ, напримѣръ, запрещеніе поминать его имя при богослуженіи какъ незаконнорожденнаго. Весьма любопытно, что Флетчеръ, сообщающій о семъ правительственномъ распоряженіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, *еще до смерти царевича*, сообщаетъ и слухи о покушеніяхъ на его жизнь со стороны будущихъ претендентовъ на тронъ послѣ бездѣтнаго Ѳеодора. Естественно поэтому, что мать царевича и ея родственники Нагіе по всѣмъ признакамъ, берегли мальчика и окружали его строгимъ присмотромъ, хотя слѣдственное дѣло потомъ и обвинило ихъ въ небреженіи. Вотъ почему, если и были попытки къ отравленію, то неудачныя. Очевидно, что близкіе люди охраняли царевича отъ яда и стерегли его особенно по ночамъ; но имъ едва ли приходило въ голову, что его можно зарѣзать при дневномъ свѣтѣ, въ присутствіи нянекъ и мамокъ. Въ числѣ же помянутыхъ претендентовъ кромѣ Бориса Годунова, повторяю, былъ и Василій Шуйскій. Несомнѣнно, Годуновъ зналъ, кому поручить слѣдствіе, чтобы добыть желаемый результатъ, при сохраненіи наружнаго безпристрастія. Во всякомъ случаѣ, если какому изъ показаній Шуйскаго и можно повѣрить, то именно тому, которое онъ сдѣлалъ впослѣдствіи, по своемъ воцареніи, при перенесеніи мощей Димитрія въ Москву, т.-е., что царевичъ палъ жертвою злодѣянія, а не самъ покололъ себя до смерти. Въ это время для Шуйскаго не было никакихъ серьезныхъ побужденій кривить душою. Возвращаясь къ извѣстію Флетчера, мы видимъ, что въ Московскомъ обществѣ того времени шли какіе-то глухіе толки о козняхъ, направленныхъ противъ маленькаго Димитрія, были какія-то темныя предчувствія, ожиданія чего-то трагическаго. И дѣйствительно, долго ждать не пришлось; слѣдовательно, толки и ожиданія не были безосновательны.

Изъ сличенія всѣхъ данныхъ и всѣхъ мнѣній мы дѣлаемъ слѣдующій общій выводъ. Какъ именно погибъ царевичъ, сказать трудно; но что онъ погибъ не своею смертію, это достовѣрно; а что смерть царевича была весьма желательна Годунову и его клевретамъ, это не подлежитъ сомнѣнію.

Д. Иловайскій.

ПОПРАВКА.

Въ XII-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1888 года, на стр. 599-й помѣщенъ анекдотъ о скоромъ судѣ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Анекдотъ этотъ оказывается вымысломъ, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ, написанныхъ для насъ однимъ многоуважаемымъ вполнѣ правдивымъ человѣкомъ. П. Б.

1) Арка Главнаго Штаба находится у выхода Большой Морской (въ то время Малой Миліонной) на Дворцовую площадь. Если на этомъ мѣстѣ и случилось бы что-нибудь съ впереди ѣхавшимъ экипажемъ, то это нисколько не могло задержать прочихъ, при большой ширинѣ улицы и площади. И теперь, когда ѣзда чуть ли не удвоилась, на этомъ мѣстѣ довольно пусто; а тѣмъ болѣе при Николаѣ I. Сочинитель разсказа, слыхавъ объ аркѣ Главнаго Штаба и, можетъ быть не бывавъ въ Петербургѣ, представилъ себѣ узкiе ворота и, какъ для его разсказа нужна была остановка экипажей, то онъ и выбралъ эту арку мѣстомъ дѣйствiя.

2) Корнеты носятъ шпоры и съ хлыстами не ѣздятъ, а юнкера еще меньше; особенно во времена Николая I, когда форма строго соблюдалась. Кромѣ сего, юнкерà и не позволяли себѣ ѣздить верхомъ по улицамъ. Но сочинителю нуженъ былъ хлыстъ, и онъ не задумался дать этотъ хлыстъ въ руки корнету или юнкеру.

3) Священникъ, являющiйся во дворецъ и приказывающiй доложить о себѣ Государю,— очень хорошъ! У подъѣзда дворца стоитъ жандармъ, а въ передней—швейцаръ. Они объяснили бы неопытному священнику, что докладывать Государю о себѣ нельзя; но что просьбы принимаются на противуположномъ концѣ дворца, дежурнымъ флигель-адъютантомъ, который, на слѣдующiй день, при смѣнѣ, подаетъ Государю списокъ принятыхъ имъ наканунѣ заявленiй и просьбъ.

4) Священникъ узналъ гр. К.... Корнетъ гр. К.... не могъ быть такимъ извѣстнымъ въ Петербургѣ лицомъ, чтобы всякiй на улицѣ могъ его знать. Если же священникъ съ нимъ былъ лично знакòмъ, то, вѣроятно, и гр. К.... его бы узналъ и не ударилъ бы.

5) Родители мои были хорошо знакомы съ старымъ гр. К.... и его женою. Я же лично зналъ старшаго сына (флигель-адъютанта Валерьяна), встрѣчался съ Александромъ (офицеромъ Преображенскаго полка) и былъ прiятелемъ Виктора (офицера Конной Гвардiи).

При такихъ отношеніяхъ двухъ семействъ, происшествіе, подобное описанному, не могло бы оставаться тайною. Между тѣмъ, могу васъ увѣрить, что я въ первый разъ слышу объ этой небылицѣ. Сыновья гр. К.... были отлично воспитанные молодые люди, которые никогда не позволили бы себѣ ударить кого бы ни было, а въ особенности священника, да еще на улицѣ!

6) Кто слышалъ разговоръ Николая I съ гр. К....? Подобные разговоры могутъ выдумывать авторы историческихъ повѣстей, но разсказывающій дѣйствительное происшествіе не имѣетъ на это права.

7) Хотя гр. К.... и имѣлъ привычку говорить слово батюшка и произносить батушка; но онъ былъ высоко-образованный человѣкъ и не сталъ бы говорить съ Государемъ безъ соблюденія самой простой вѣжливости. Онъ могъ говорить батушка, въ кругу близко знакомыхъ; но, обращаясь къ Государю, онъ очевидно сказалъ бы не батушка, а Ваше Величество. При этомъ, какъ мало вѣроятія въ отвѣтѣ: «намъ такихъ дѣтей не нужно, въ Сибирь и въ Сибирь». Такъ отвѣчать могъ какой-нибудь идіотъ, а не человѣкъ, проведшій жизнь въ веденіи государственныхъ дѣлъ.

8) Какъ узналъ священникъ о рѣшеніи Государя выслать сына гр. К.... въ Сибирь и какъ это онъ вторично ѣдетъ къ Государю, точно къ своему пріятелю? Что̀ за басня!

9) Наконецъ, кто производилъ наказаніе?—Камеръ-лакеи? И Государь сдѣлалъ бы ихъ сообщниками этого дѣла: оскорбленія чести гвардейскаго офицера! Или же, не самъ ли Государь, въ присутствіи священника и маститаго министра финансовъ? И это приписывается Николаю I, который самъ былъ рыцарь и не терпѣлъ низости въ другихъ! Этого высѣченнаго офицера Государь избралъ бы въ свои флигель-адъютанты, или терпѣлъ бы въ Преображенскомъ или Конномъ полку, которыхъ онъ состоялъ шефомъ?

Это даже и не требуетъ опроверженія.

Весь этотъ разсказъ — выдумка, и, если дѣйствительно авторъ статьи слышалъ его отъ лица, выдающаго себя за одного изъ гр. К...., то онъ былъ жертвою мистификаціи шутника, употребившаго во зло его легковѣріе.

***

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

1889 г.

Жизнь, судьба и будущее Славянскихъ народовъ до такой степени связаны съ жизнью великаго Русскаго народа, что знать о томъ, что̀ дѣлается въ Славянскихъ земляхъ—является первѣйшею потребностью всякаго политически образованнаго и развитаго Русскаго человѣка. Кто хочетъ вѣрою и правдою служить своему государю, своему отечеству и своему народу, тотъ долженъ знать не только жизнь своего государства, но и жизнь народовъ, которые волею Провидѣнія представляютъ естественные устои нашей силы, славы и могущества въ Европѣ. Въ знаніи—сила, и только правильное пониманіе настоящаго предуготовляетъ и вѣрное будущее. „СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ" удовлетворятъ этой потребности необходимаго для Русскаго человѣка знанія съ добросовѣстностью и полнотою. „СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ", въ еженедѣльномъ обозрѣніи, передадутъ точно и подробно свѣдѣнія о жизни и положеніи всѣхъ отраслей Славянскаго племени: великаго Русскаго народа, живущаго въ Россіи и внѣ ея предѣловъ, Болгаръ, Поляковъ, Чехо-Моравовъ, Словаковъ, Сербовъ, раскинувшихся на пространствѣ собственной Сербіи (Шумадіи), Воеводины (Баната), старой Сербіи, Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Далмаціи, Сербовъ-Лужичанъ, Хорватовъ, Словинцевъ и др.

„СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ" будутъ органомъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, предсѣдателемъ котораго состоитъ столь извѣстный государственный человѣкъ графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, и въ средѣ членовъ котораго находятся выдающіеся и главенствующіе іерархи нашей церкви и такіе государственные люди, ученые и ревнители, какъ: К. П. Побѣдоносцевъ, графъ И. Д. Деляновъ, М. Н. Островскій, И. А. Вышнеградскій, І. В. Гурко, Н. И. Стояновскій, П. А. Черевинъ, П. П. Дурново, Ѳ. П. Корниловъ, А. Ѳ. Бычковъ, Т. И. Филипповъ, И. П. Корниловъ, Ѳ. Ѳ. Радецкій, М. Г. Черняевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. И. Ламанскій, О. Ѳ. Миллеръ, М. О. Кояловичъ, Н. Н. Страховъ, Д. И. Иловайскій, В. К. Саблеръ, Н. В. Кидошенковъ, В. Д. Дандевиль, М. Ѳ. Мирковичъ, А. Ѳ. Риттихъ, П. А. Васильчиковъ, А. А. Боголюбовъ, В. Г. Чубинскій, В. И. Аристонъ, К. А. Пятницкій, П. А. Кулаковскій, П. А. Ровинскій, М. И. Семевскій, Н. П. Ланинъ, А. В. Васильевъ, И. И. Домонтовичъ, И. А. Дукмасовъ, Т. С. Морозовъ, А. Л. Кекинъ, Л. Ѳ. Тухолка, В. А. Ратьковъ-Рожновъ, Д. С. Нагловскій, О. М. Гарничъ-Гарницкій, А. Я. Антоновичъ, Д. П. Кладищевъ, Н. П. Писаревскій, А. И. Глуховской, І. Я. Янышевъ, А. А. Лебедевъ, Н. А. Безакъ, Г. С. Веселитскій-Божидаровичъ, А. И. Маныкинъ-Невструевъ, В. Л. Нарышкинъ. М. Н. Раевскій и др.

Годовые подписчики на «СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ» въ 1889 году получатъ въ теченіе года новую КАРТУ СЛАВЯНСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ Европы.

Подписка принимается: 1) Въ редакціи „СЛАВЯНСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ": С.-Петербургъ, по Невскому проспекту, домъ № 138—140. 2) Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества на площади Александринскаго театра, д. № 7. 3) У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга, Москвы, Харькова, Кіева, Одессы, Казани и Тифлиса.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: па годъ **6** р., на полгода **3** р., на четверть года **1** р. **50** к.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою за границею 10 гульденовъ или 20 марокъ.

Редакторъ-издатель **В. В. Комаровъ.**